

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

9 СЕНТЯБРЬ

«Аэлита-83»

НОВЫМ ЛАУРЕАТОМ «АЭЛИТЫ» — ЕЖЕГОДНОЙ ПРЕМИИ, УЧРЕЖДЕННОЙ В 1981 ГОДУ НАШИМ ЖУРНАЛОМ СОВМЕСТНО С СОЮЗОМ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР, — СТАЛ УРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН.

ПЕРВУЮ СВОЮ КНИГУ — СБОРНИК РАССКАЗОВ «РЕЙС «ОРИОНА» — В. КРАПИВИН ВЫПУСТИЛ В 1962 ГОДУ. С ТЕХ ПОР МНОГО РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ, ПОЛЮБИВШИХСЯ КАК ЮНЫМ, ТАК И ВЗРОСЛЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, ВЫШЛО ИЗ-ПОД ЕГО ПЕРА — ДОСТАТОЧНО ВСПОМНИТЬ, К ПРИМЕРУ, ТРИЛОГИЮ «МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ», ИЛИ ПОВЕСТЬ «ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД», ИЛИ РАССКАЗЫ О ДЖОННИ ВОРОБЬЕВЕ, ИЛИ «КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ БРАТА»... ПИСАТЕЛЬ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, ЕМУ ВРУЧЕН ПОЧЕТНЫЙ ЗНАК А. П. ГАЙДАРА.

ХОРОШО ЗНАЮТ В. КРАПИВИНА И ЛЮБИТЕЛИ ФАНТАСТИКИ. ПЕРВАЯ ЕГО ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ — «Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА» — ПОЯВИЛАСЬ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА В ТОМ ЖЕ 1962 ГОДУ, А ЗАТЕМ ВОШЛА В СБОРНИК «ФАНТАСТИКА-63». МНОГО ВОСТОРЖЕННЫХ ОТЗЫВОВ ПОЛУЧИЛ ПИСАТЕЛЬ, ОПУБЛИКОВАВ МАЛЕНЬКУЮ ТРИЛОГИЮ «ДАЛЕКИЕ ГОРНИСТЫ», ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ КОТОРОЙ — «В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА» И «ВЕЧНЫЙ ЖЕМЧУГ» — ТАКЖЕ ПЕЧАТАЛИСЬ В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ». СОВСЕМ НЕДАВНО, УЖЕ В ЭТОМ ГОДУ, ПРОШЛА В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ НОВАЯ ЕГО ПОВЕСТЬ — «ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ».

«АЭЛИТА-83» ВРУЧЕНА ВЛАДИСЛАВУ КРАПИВИНУ ЗА ПОВЕСТЬ «ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО», ВОШЕДШУЮ В ЕГО СБОРНИК «ЛЕТЯЩИЕ СКАЗКИ» (1982).

РЕДАКЦИЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ НОВОГО ЛАУРЕАТА «АЭЛИТЫ».

Рисунок Е. Стерлиговой

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

В. Турунтаев ЭКСПЕРИМЕНТ	2
А. Брылин БИРКА УЗНИКА	9
М. Найдич, М. Карбышев МОЯ ДОРОГА ТЯНЕТСЯ ИЗ ДЕТСТВА. Стихи	10
М. Коршунов ТРЕБУЕТСЯ ДВОРНИК. Романтическая история. Начало	12
Е. Колезев ШАГАЮЩИЙ ВЕЗДЕХОД	24
Ю. Липатников МАРШАЛ И МАСТЕР	25
Т. Чинарева ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ...	26
<hr/>	
ОБСУЖДАЕМ «ЦВЕТ РЕПЕЙНИКА»	29
В. Клочков ПТИЦА-РАДОСТЬ	30
В. Козловский МОРЕ САФОНОВА	33
А. Бушков ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ	36
И. Дмитриев О ЛЮБВИ И О ВКУСАХ. Космическая сказка	38
Ю. Шинкаренко НА ОВЕЧЬЕЙ УЛИЦЕ	39
<hr/>	
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	42
В. Олешко ФРОНТОВАЯ МАЛЬЧИШЕЧЬЯ	44
<hr/>	
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	48
П. Дедов СВЕТОЗАРЫ. Рассказ	52
Б. Бобровский ПРИМАНКА	59
Ю. Нисковских «КАК СЛЫШИТЕ! ПРИЕМ...»	61
Б. Рябинин ПРО КУЗЮ, БЛЯМКУ И ДРУГИХ	67
В. Слукин ПОДЗЕМЕЛЬЯ-ПРИЗРАКИ	71
И. Заянчковский ПАМЯТНИКИ ЖИВОТНЫМ	75
А. Воробьев ЭТЮДЫ О ДЕТСТВЕ	78
<hr/>	
МИР НА ЛАДОНИ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40.

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 31.05.83.
НС 11109.
Подписано к печати 25.07.83.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 9,0.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Учетно-издательских листов 11,0
Тираж 287 000.
Заказ 454.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

ЭКСПЕРИМЕНТ

**Владимир
ТУРУНТАЕВ**

ГОДА ТРИ ТОМУ НАЗАД В КОЛХОЗЕ «ПУТЬ К КОММУНИЗМУ», ЧТО В ТАЛИЦКОМ РАЙОНЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОСТРОИЛИ НОВУЮ ШКОЛУ-ДЕСЯТИЛЕТКУ. НАЧАЛИСЬ ЗАНЯТИЯ: ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ, УРОКИ ТРУДА — КАК ВО ВСЕХ ШКОЛАХ.

НО ВОТ ОДНАЖДЫ МАЛЬЧИКАМ-СТАРШЕКЛАССНИКАМ ВЫДАЛИ ОСОБУЮ РАБОЧУЮ ФОРМУ, ПОСТАВИЛИ ИХ НА БЕСПЛАТНОЕ ПИТАНИЕ, СТАЛИ ГОТОВИТЬ ИЗ НИХ МЕХАНИЗАТОРОВ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ, — ПРИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ ОТКРЫЛСЯ ФИЛИАЛ СЕЛЬСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН ПОНАЧАЛУ ОБЕСПОКОИЛИСЬ: НЕ СТАНУТ ЛИ РЕБЯТА, ЧЕРЕСЧУР УВЛЕКШИСЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКОЙ, ХУЖЕ УЧИТЬСЯ ПО ОСТАЛЬНЫМ ПРЕДМЕТАМ?

НИЧУТЬ НЕ БЫВАЛО! НОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ РЕБЯТ, — А ЭТО БЫЛО ИМЕННО УВЛЕЧЕНИЕ, ИБО НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ СРАЗУ ЖЕ СДЕЛАЛИСЬ ИХ ЛЮБИМЫМИ, — НИСКОЛЬКО НЕ СКАЗАЛОСЬ НА ИХ УСПЕВАЕМОСТИ. СКОРЕЕ, НАОБОРОТ. ДАЖЕ ЗАКОРЕНЕЛЫЙ ТРОЕЧНИК СЕРЕЖА СИЗИКОВ, КОТОРЫЙ, КАЗАЛОСЬ, НИ О ЧЕМ ДРУГОМ, КАК ТОЛЬКО О КОМБАЙНАХ, И ДУМАТЬ НЕ МОГ, ЗАМЕТНО ПОДТЯНУЛСЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.

ФИЛИАЛ ПРОСУЩЕСТВОВАЛ НЕДОЛГО, МЕНЬШЕ ГОДА. ОДНАКО БРОШЕННЫЕ СЕМЕНА ДАЛИ И ПРОДОЛЖАЮТ ДАВАТЬ ДОБРЫЕ ВСХОДЫ. ЗА ТОТ НЕПОЛНЫЙ ГОД, ЧТО РЕБЯТА ХОДИЛИ НА УРОКИ В РАБОЧИХ СПЕЦОВКАХ, ОНИ УСПЕЛИ СЕРЬЕЗНО ПРИВЯЗАТЬСЯ К ПРОФЕССИИ, КОТОРОЙ ИХ НАЧАЛИ БЫЛО ОБУЧАТЬ. ВОТ УЖЕ ВТОРОЙ ГОД. НЕТ ПРИ ШКОЛЕ ФИЛИАЛА, ОДНАКО И В ПРОШЛОМ, И В НЫНЕШНЕМ ГОДУ МАЛЬЧИКИ ВЫПУСКНЫХ КЛАССОВ В ПОДАВЛЯЮЩЕМ БОЛЬШИНСТВЕ, ПОЛУЧИВ АТТЕСТАТЫ ЗРЕЛОСТИ, ОСТАЛИСЬ РАБОТАТЬ В КОЛХОЗЕ.

МНОГИЕ ИЗ НИХ УЖЕ ПОСЛЕ ДЕВЯТОГО КЛАССА, КАК ТОЛЬКО ИМ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ, СДАЛИ ЭКЗАМЕНЫ НА ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА И ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ РАБОТАЛИ В КОЛХОЗЕ НА ТРАКТОРАХ И КОМБАЙНАХ.

«Как ты там, папа, сработал?..»

В 1981 году комсомольско-молодежное комбайновое звено колхоза «Путь к коммунизму», состоявшее, в основном, из учеников и недавних выпускников Яровской школы, заняло первое место среди комсомольско-молодежных звеньев своего района.

Два комбайна были целиком «ребячьими». Слава Кобелев со своим помощником Сережей Малышкиным и Володя Ляпунов с Юрой Князевым проработали весь сезон — и косили, и молотили. Остальные члены звена — Петя Щелканов, Витя Орлов, Федя Антонов и Сережа Федоров — только косили зерновые. Сережа Сизиков «так ездил» — о нем особый разговор в следующей главе.

Начальником звена был опытный комбайнер Анатолий Иванович Ракульцев.

— Я с ними так намаялся, так намаялся... — признался он во время нашего разговора.

Конечно, не следует думать, что все проходило гладко, что называется, без сучка, без задоринки.

— Комбайны у них больно уж часто ломались...

— Но ведь это естественно? Вспомните свой первый сезон...

— Опыта-то нет, — словно бы не слушая меня, продолжал Анатолий Иванович. — Вот и возится, возится с какой-нибудь пустяковиной. Ну, я раз подскажу, другой, а все-то время возле него стоять не могу, у меня свой комбайн, мне самому тоже надо косить и молотить...

Из рассказа инструктора по физкультуре Ивана Федоровича Зеленина:

— Я во время уборочной работал сварщиком, другой отряд обслуживал. Но вот как-то приезжает в поле главный экономист Капитолина Тихоновна Грибанова и говорит мне: «Иван Федорович, съезди к комсомольцам, у них сейчас нет сварщика, а у Петинного комбайна поворотная тяга отвалилась, парень чуть не падает». Поехал. Гляжу: вырвало тягу прямо с корнем. У «Нивы» поворот на гидравлике. Ну, Петя сидит в кабине и рычагом, через гидравлическую систему, поворачивает тягу туда-сюда, а я стараюсь поймать нужное положение. Никак не получается. Я ему: «Еще чуть-чуть!..» Он повернет, а тяга раз — и выскочит. Часа полтора провозились, пока кое-как все же поймал, приварил... Потом точно такая же авария произошла у опытного комбайнера Юрия Черноусова — за пятнадцать минут мы с ним управились. Он ведь что сделал? Да попросту отклю-

Вова Ляпунов (слева) и Слава Кобелев.

чил гидравлику и легко выровнял тягу простым ломиком, вручную...

— Ясно, набираются они со временем опыта,— продолжал Анатолий Иванович.— Вот Кобелев с Ляпуновым — с ними мороки почти не было, они уж второй, а то и третий сезон на комбайнах работали. Без подсказки, быстро ремонтировались. Ну, а первогодки... Ихних сразу комбайнерами поставили, а им бы сперва помощниками, с опытными мастерами рядышком поработать. Хотя желание-то у всех было, этого не отнимешь.

— А как насчет дисциплины?

— Всяко было. Ребятя — народ нетерпеливый. Федя Антонов, раз гляжу, на третьей скорости — это ж двадцать пять километров в час! — с загонки на загонку стал переезжать. По полю-то!.. Но чтобы от работы отлынивать — этого не было, тут они молодцы. Если когда и случалось, то сами друг дружке спуску не давали. Помню, перед уборкой Ляпунов с Осановым ремонтировались...

Из рассказа матери Володи Ляпунова Валентины Алексеевны:

— Сперва в тот год Вова работал в паре с Осановым. И вдруг смотрю — помощником у него Князев. Спросила, в чем дело, а Вова молчит. Так и не сказал. Потом уж я тихонько стала у инженеров выпытывать...

— А конфликт у них был простой,— сказал Анатолий Иванович.— Осанов раз опоздал, Ляпунову пришлось сколько-то времени в одиночку ремонтироваться, потом опять... Ну, и дал он своему помощнику отставку. Воспитывать? А это тоже мера воспитания. Осанову потом трактор дали — неплохо, говорят, работал. Подействовало, значит.

Из постановления правления колхоза «Путь к коммунизму» по итогам работы полеводов в 1980 году:

«...7. Среди комбайнеров на уборке урожая первое место присудить Черноусову Ю. Г., намолотившему 9908 центнеров зерна, наградить Почетной грамотой и денежной премией в сумме 150 рублей.

8. За активное участие в уборке урожая Ляпунов Володя, намолотивший 4558 центнеров зерна, награждается Почетной грамотой и ценным подарком. За активное участие в уборке урожая Кобелев Слава, намолотивший 4218 центнеров зерна, награждается Почетной грамотой и ценным подарком».

Из постановления по итогам работы в 1981 году:

«...7. Третье место присудить Кобелеву В. В., намолотившему 6098 центнеров с 268 гектаров, и Ляпунову В. В., намолотившему 6068 центнеров зерна с 302 гектаров. Вручить им денежную премию в сумме по 75 рублей каждому».

Из рассказа Валентины Алексеевны Ляпуновой:

— Во время уборки в семь утра Вовы уж нет дома. Возвращался когда в двенадцать, а когда и в час ночи. Бывало, придет с поля, сядет на стул и уснет. Первое время мне было страшно за него. И жалко было до слез. Как-то раз погода испортилась, и Вова приехал домой рано, часов в пять вечера. Ну, думаю, хоть отдохнет, отоспится. И что же? Переоделся и в клуб пошел, на танцы.

— Вы как мать не возражали против такой напряженной работы сына? — спросил я. — Ведь в семьдесят первом году он только-только закончил десятилетку...

— Да он весь светился при одном только упоминании о комбайне! Какой же вред может быть от работы, которая доставляет человеку радость?

Из писем военнослужащего Владимира Ляпунова родителям.

«1 июня 1982 г.

...Как там у вас погода? Здесь у нас погода уже второй день стоит отличная. Пап, как у тебя дела на работе? Наверное, уже распределили комбайны и ремонтируете их? «Старики»-то уж точно ремонтируются...»

«12 июля 1982 г.

...Я уж начал волноваться, все ли у вас нормально, а вам, наверное, просто некогда писать, сейчас ведь у вас работы уйма: сено, картошку окучивать, да и мало ли других дел. Скоро выйдут на поля комбайны, только пыль поднимется. Чего-нибудь хоть выросло? Такая стоит жара... Недавно получил письмо от Славы Кобелева. Пишет, что тоже душа болит по родному делу, с удовольствием поработал бы на комбайне. Пишет, что служба идет нормально — не то что у меня, меня все еще к дому тянет, как маленького ребенка. Ну, тут уж ничего не поделаешь — такого воспитания. Да у меня со службой тоже все хорошо. Часто ходим в наряды, но это ничего, выдержать можно.

Как, интересно, у вас в огороде дела? Ягоды должны уже поспеть. Как поживает моя яблонька? Не собирается ли она дать урожай? А как Малышка с Буяном? Наверное, ходят голодные, пасти их негде, ведь выгорела вся трава, такая жара стоит. Молока у Малышки, наверное, нет?

Я вам не писал, как мы тут с одним парнем во время увольнения забрели в деревеньку, купили мо-

лока и хлеба, так не поверишь: вдвоем залпом четыре литра выпили! Ничего?»

«10 августа 1982 г.

...Последние дни стало холодно, идут дожди. В это воскресенье весь день лило. Как осенью. Нынче лето рано кончилось. Опять вам придется убирать в дождь... Да, конечно, работы вам сейчас хватает. Скоро папа начнет по полям ездить — совсем будет поздно домой приходиться.

Так все-таки кто будет работать на нашем Двадцатом? У нас с Юркой в кабине выпел висел «Лучшему комсомольскому звену». Папа, тому, кто на Двадцатый сядет, скажи, чтобы он горизонтальный шнек делал или доставал новый. Лучше новый, а то он и в сухую-то погоду ни черта не греб, а в сырую подавно будет все забивать. Еще пускай заменят патрубков на двигателе. Папа, знаешь, ведь он пропускает, замаешься ведь воду заливать. Напишите, как дела у моих друзей Петра Щелканова и Вити Орлова. По сколько они уже накопили гектаров? А молотить они собираются или нет?..»

«23 августа 1982 г.

...Погода вроде бы стала восстанавливаться. Вот уже второй день ясно. Правда, уже не такое тепло, но хоть дождя нет. У меня все по-прежнему. Мама, нынче много грибов. Вы хоть грибницу ели? Да вам сейчас некогда ходить в лес. Папа дома, конечно, почти не бывает? Сейчас, пока погода, только и работать, а падет роса — много не намолотишь.

Ну как, папа, не поминаешь меня плохими словами — Двадцатый много пришлось ремонтировать? В прошлом году уборку закончили в конце августа, в начале сентября. А нынче, мама пишет, только еще начали разворачиваться...»

Примечание автора: во время уборочной-82 на Воледином «Колосе» работал его отец Владимир Антонович Ляпунов.

«31 августа 1982 г.

...Завтра дети идут в школу. Первоклашки, как всегда, с цветами. А старшие наши ребята, наверное, недолго прозанимаются — пойдут на уборку картофеля.

А комбайны, наверное, круглые сутки работают — такая стоит погода. Пока, мама, ты ко мне ездила, за эти два дня они, наверное, порядочно убрали хлеба. А все-таки как наш «Колосок» ходит? Как я хотел бы сейчас помочь! Славка Кобелев пишет, что тоже во сне видит, как мы вместе со всеми ребятами работаем. Пап, напиши потом, сколько намолотите.»

«7 сентября 1982 г.

...Уборка у вас уже, наверное, подходит к концу? Какой нынче урожай? А как папа сработал? Наверное, уже не одну тысячу намолотил? Вчера я ехал из нашей воинской части в город. По сторонам дороги, куда ни посмотришь, работают комбайны. Вот, думаю, когда-то и сам работал на такой технике. И так захотелось опять на комбайн — ну, кажется, круглые сутки не слезал бы с него!

Да, я вам не сказал, почему я в город-то поехал. Наверное, я простыл: вдруг подскочила температура. Пришлось обратиться в санчасть — меня и направили в госпиталь. Там определили двустороннее воспаление легких, прописали госпитальный режим. Не разрешают ходить, а вы ведь знаете, как я не люблю лежать в больнице. Видимо, и через это пройти надо. Ну, да это все ерунда! Как там Петька и Витька работают? Что хоть они накосили? Вы писали мне про Сизикова и Сережу Малышкина, это ведь все наше звено. Ну, и как они кончили работу? Как бы я хотел быть на их месте! А папе уже пора кончать на комбайне-то работать, ведь уже не молодой, да и здоровье не то, пускай молодые пробуют свои силы.

А как наши лыжники — проводят тренировки?»

«13 сентября 1982 г.

...Начинаю выздоравливать. Уже все заднее место искололи. В общем, капитально подлечили. Постоянно думаю о вас. Вы, наверное, еще не приступали к копке картошки, а погода испортилась. У вас, по моим подсчетам, уборка уже должна закончиться. Папа поставит комбайн — тогда ему будет полегче...»

Из анкеты Володи Ляпунова. 9-й класс, 1980 г.:

Выбрал ли профессию? — Еще нет.

Любимый предмет? — География.

Какие книги любишь читать? — О войне и фантастику.

Личный счет Сережи Сизикова

Сережа Сизиков получил в свое распоряжение совершенно разбитый комбайн марки «Сибиряк». Поглядел на него и пришел в смятение: «Неужели на нем?..»

Да вот я прямо и приведу Сережины слова из своей записной книжки:

«В кабине все раскидано. Сиденья нет. Какие-то тряпки всюду. Щиток приборов перевернут. В двигателе вывернуты штуцера, сняты трубки. Коробка скоростей сломана. Нет гаечных ключей. Сам комбайн темный, грязный, заскорузлый какой-то...»

И вот что случилось с Сережиным комбайном незадолго до окончания косовицы:

«Стояли на приколе (после дождя). Подсохло, и сразу собрались косить. Я завел двигатель, а он как заорет, как закрутится на бешеных оборотах. И черный дым повалил из трубы. Инженер сказал: «Пошел вразнос...»

Но этот его первый комбайн будет потом, не скоро, а сначала у Сережи и эдакого-то, «заскорузлого», не было. Сначала он работал на чужих комбайнах, потому что... Ну, да потому, что опоздал родиться! Ведь когда при Яровской школе был филиал училища, Сережа только еще перешел в восьмой класс, было ему от роду всего четырнадцать лет.

На этот счет есть строгие правила: дети до 16 лет к управлению комбайнами не допускаются. Поскольку правил, даже и строгих, без исключения не бывает,

руководители хозяйств в случае крайней необходимости под личную ответственность иногда разрешают работать на комбайнах ребятам, которым до указанного возраста маленечко не хватает. Допустим, двух-трех месяцев. Но чтобы в четырнадцать лет — и разговора быть не может! Да Сережа об этом и не заикался.

Просто однажды пришел он со сверстниками на машинный двор. Решил поглядеть, что там делается. Увидел Славу Кобелева. Тот укладывал в ящик инструмент и кое-какие запчасти.

— Что, уже отремонтировался? — спросил у него Сережа, хотя и сам видел, что все комбайны на площадке стоят в полной боевой готовности — смазанные, вымытые, подкрашенные.

— С утра едем косить, — солидно ответил Слава.

И то ли в глазах Сережиных было написано, чего он хочет, то ли самому Славе пришла в голову неожиданная мысль, но он ни с того, ни с сего вдруг предложил Сереже:

— Поедешь со мной? Тогда приходи утром.

И Сережа пришел. На Славином комбайне поехал в поле, вместе со всем отрядом.

Отец у Сережи — тракторист. Так что на тракторе Сережа ездил много: со второго класса во время пахоты целыми днями пропадал в поле. «Пахал» либо с отцом, либо с другими трактористами. Сиживал и за рычагами. Во время ремонтов помогал отцу. Так что и управление, и устройство трактора знал неплохо.

А с комбайнами дела иметь еще не приходилось. Поэтому помощник из него первое время был никакой. Но Сережа приехал в поле и на другой день, и на третий. С утра забирался в бункер Славинного комбайна — из бункера хорошо все видно: и жатку, и кабину — и ездил так до позднего вечера.

Постепенно втянулся: стал помогать Славе по утрам смазывать комбайн, во время ремонтов подавал ключи, вместе меняли сегменты, пальцы. Так и стал за помощника. А недели через две Слава разрешил ему сесть за руль. Сперва комбайн плохо слушался, вилял, а потом все хорошо пошло. Как-то привезли в поле обед, и Слава оставил Сережу на комбайне одного. Тот покосил маленько... Нельзя было этого делать, конечно же, нельзя — техника безопасности и так далее. Правда, ничего не случилось, а могло бы случиться. В каком-то хозяйстве какого-то района был случай... Нельзя. Необходимо закрыть доступ подросткам к управлению техникой. Вот только как это сделать? Ведь за ними не уследишь, за подростками, они в любую щель пролезут. Филиал куда проще было закрыть, отдал начальник распоряжение — и готово, подчиненные приняли к исполнению. А вот как быть с естественной тягой мальчишек к технике? Тут думать надо, думать...

Короче говоря, Сережа каждый день рано утром приходил к конторе, забирался вместе со всеми комбайнерами и их помощниками в машину и отправлялся в поле, как на работу. Вместе со всеми поздно вечером, а потом и за полночь возвращался домой. Вот

только фамилия его ни в каких ведомостях, ни в каких списках не значилась, и зарплата ему, естественно, тоже не начислялась.

Потом отряд закончил косовицу. Скошенные валки стали попевать для обмолота. Некоторые комбайнеры уже давно сменили жатки на подборщики. Пришла очередь и Славы Кобелева. Им с Володей Ляпуновым дали на двоих один комбайн. Отличный комбайн, «Колос». Беда лишь в том, что Сереже Сизикову на нем уже не было места. Сережа остался без работы.

Однако он по-прежнему каждое утро выезжал вместе со всеми в поле и смотрел, как работают комбайнеры.

В последний уборочный день он не сводил глаз с «Колоса». Вот Слава и Володя «добили» последнее поле. Сережа поднялся к ним на комбайн, и втроем, уже в сумерках, поехали домой. В дороге ребята позволили ему немного повести машину. На транспортной скорости. Опять нарушение. Но это была единственная награда, которой он удостоился в тот сезон. Зато какая награда! всю жизнь, наверное, будет помнить он эту ночную, освещенную фарами дорогу, ровно и сильно гудящий мотор и чуть подрагивающий в руках штурвал.

«Как в самолете», — сказал он мне.

И вот пришло другое лето.

«Славка заканчивал десятилетку. Оставалось один экзамен сдать. И комбайн принимать надо было. Пришли мы с Серегой Малышкиным на машинный двор. Славка в это время получал на складе запчасти. Мы с Серегой стали помогать ему. Подтягивали, где надо, гайки и болты, надевали ремни, проверяли их натяжение. Комбайн был хороший, но все же недели полторы провозились...»

Надо сказать, что Серегу Малышкина официально назначили помощником комбайнера, а Сизиков опять был третьим... И в поле поехали втроем на одном комбайне. Видимо, у Сережи Сизикова к этому времени накопился опыт — Слава теперь уже без опаски доверял ему самостоятельно управлять комбайном. И на косовице, и на прямом комбайнировании, и на обмолоте валков.

Как и в предыдущую уборочную, Сережа ездил в поле, не пропуская ни дня, вместе с экипажами комсомольско-молодежного звена. И почти не слезал со Славинной «Нивы».

«Сначала, как на молотьбу перешли, здорово маялись с оборотами барабана. Тыща сто оборотов. А ремень слабый, гидравликой натягивается. Ячмень молотился хорошо, у него масса небольшая, а пшеница тяжело идет. Особенно на Двенадцатом разъезде — там она высокая была, с крупным колосом. Массу заглатывает под барабан, и барабан останавливается. Ломиком вытеребиваешь, вытеребиваешь, постепенно поворачиваешь барабан. Мы и шланги промывали, и всяко пытались регулировать. Ничего. Только на первой повышенной и молотишь. А ячмень на второй скорости хорошо идет и даже на второй средней...»

Третий лишний? Да нет. Похоже, в поте лица работал парень. Помните строчку из письма Володи Ляпунова: «Вы писали мне про Сизикова и Сережу Малышкина — это ведь все наше звено...»? Получается, что сами ребята — а они судьи строгие — считали Сережу Сизикова полноправным членом звена. Хотя и в этот раз его фамилия ни в каких списках не фигурировала.

...Однажды под вечер начальника звена Анатолия Ивановича Ракульцева срочно вызвали на центральную усадьбу. Помощника у него не было, и он оставил за себя на комбайне Сережу Сизикова. Под свою личную ответственность. Значит, доверял.

Часок-другой Сережа помолотил, и тут вдруг комбайн вышел из строя: забило зерновой элеватор. Парень не растерялся, знал, что надо делать: подложил под элеватор брезент, открыл люк. Сколько мог, выгреб зерно руками, потом включил молотилку, и все оставшееся зерно ссыпалось на брезент. Через пять минут пошел дальше молотить. И снова забило элеватор, опять остановка — что ты будешь делать!

Утром встретились с Ракульцевым у правления, куда должна была подойти машина.

— Что, поди, забивало элеватор? — смеясь, спросил он у Сережи.

Тот глаза вытаращил;

— А вы откуда знаете?

— Да я забыл тебе сказать, что надо ремень потуже натянуть. Днем-то, когда я молотил, овес был сухой, легкий, а к вечеру он набух, потяжелел. Ну, ничего, в другой раз будешь сам знать!

И вот третье лето. Восемьдесят второго года. Сережа сдал на права. И возраст приличный — шестнадцать уже исполнилось.

«Пришли мы с Серегой Малышкиным к председателю. Там и инженер был. Председатель ему:

— Ну что, Иван Романыч, надо выделить ребятам по комбайну.

Инженер подумал, подумал и говорит:

— Сизиков пусть возьмет Шестой, а Малышкин — Тринадцатый...»

А в каком он состоянии находился, этот Шестой, мы уже знаем. Однако Сережа был к этому времени уже подготовленным комбайнером. Он, что называется, сразу взял быка за рога. Первым делом сбежал к стоявшему поблизости списанному комбайну и оказалось — не зря: там каким-то чудом уцелели пропавшие с Сережиного Шестого трубки и штуцера.

Когда Сережа пришел на машинный двор ремонтировать свой комбайн, там он увидел и Сережу Садикова, и Петю Щелканова, и Витю Орлова — каждый возился у своего комбайна. Не было только закадычного дружка, Серегу Малышкина: его Тринадцатый стоял в другой деревне, в Заречной.

Ну, так за чем дело стало? Побежал Сережа Сизиков в Заречную.

— Ты что возишься? — спросил у закадычного дружка. — Двигатель как, работает?

— Не пробовал еще.

— Так давай заведем!

Завели. Работает.

— Ну, так давай перегоним твой комбайн на центральную усадьбу!

Перегнали. Вместе стали ремонтироваться, помогая друг другу. Вместе-то легче да и веселее.

Я не буду утомлять читателя описанием ремонтных работ, да и в первые две недели уборочной у Сережи все шло нормально, а когда работа идет нормально, то и писать вроде бы не о чем. Другое дело — поломка... А поломался Сережин комбайн, как уже говорилось, незадолго до окончания косовицы. И как поломался — тоже было рассказано: пошел вразнос. Десять лет назад такое же случилось с комбайном командира одного из уборочных отрядов Николая Ивановича Садикова. Но Садикову тогда, десять лет назад, сказали: «Все, отработал твой комбайн!» Потому что запасных частей в колхозе тогда не было.

А Сережа Сизиков поехал на склад и там получил запчасти. Воткнул, привернул, позвал техходчика, чтобы тот заправил двигатель маслом и водой и — полдня всего потерял — пошел опять косить ячмень.

Вот только через несколько дней косить уже стало нечего, а для подбора валков Шестой же годился, не было в нем молотилки. Другого же комбайна, с молотилкой чтобы, для Сережи не нашлось.

Делать нечего, отвел он своего «старичка» на машинный двор и, даже не зайдя домой, подался на зерноток. Сел на первую машину и поехал обратно в поле.

Комбайнеры заканчивали обедать. Юрий Черноусов, тот самый, который последние годы занимал первое место по колхозу, поглядел на подошедшего Сережу и сказал:

— Поди, помолотить охота?

Сережа кивнул.

— Иди на мой «Колос». А я отдохну маленько.

В восемьдесят первом Сережа вел личный свой счет намолоченным центнерам зерна. Не так уж и мало вышло в итоге — свыше полутора тысяч.

Теперь, на «Колосе» Юрия Черноусова, он открыл новый счет.

Почему закрыли филиал?

В самом деле, почему? Ведь семена дали хорошие всходы.

Тут надо сделать маленькое уточнение: в Талицком районе было одновременно создано три филиала. Еще — при Буткинской и Горбуновской школах. И всюду, как по заранее заданной программе, возникли цепные реакции ребячьей увлеченности сельскими профессиями, с самого начала все пошло хорошо.

А потом из Свердловского областного управления профтехобразования прибыла комиссия и обнаружила нарушения. В частности, финансовой дисциплины. Оказывается, учащимся общеобразовательных школ ни в коем случае нельзя было выдавать бесплатно спе-

цовки, нельзя было их бесплатно кормить. Нельзя, чтобы ребята одновременно оканчивали среднюю школу и филиал профтехучилища.

Нельзя, нельзя, нельзя...

Три школьных филиала было в Талицком районе. По комплекту спецодежды на каждого старшеклассника. Бесплатное питание. Комиссия подсчитала материальный ущерб. О выгоде, которую государство получило бы взамен средств, израсходованных на спецодежду и питание, никто не подумал. И о моральном ущербе, который понесли ребячьей души, тоже никто не подумал. А ведь закрыв филиалы, в первую очередь наказали их, ребят. Ни за что, ни про что. Во вторую очередь пострадали интересы дела.

Но, как сказал мне один из работников областного управления профтехобразования, сама-то по себе идея совместить профессиональную подготовку ребят с общим школьным образованием была хорошей. Все дело в форме. Может быть, имело смысл организовать не очные филиалы, как это было, а вечерние? С тем, чтобы форму и бесплатное питание ребята получали за счет колхоза. Тогда и с отчетностью было бы все в порядке: ребята не кончали бы одновременно два дневных учебных заведения.

Да, можно было поискать.

Но никто ничего не искал. Просто закрыли филиалы — и дело с концом.

Один из работников районного звена — из тех, кто легко согласился с закрытием филиалов, — сказал мне:

— Что филиалы! Кто хочет — всегда найдет возможность приобрести профессию механизатора или животновода. В каждом хозяйстве работают шестимесячные курсы...

На курсы никто и не покушается, свою задачу они выполняют. Но одно дело, когда школьник с восьмого класса втягивается в профессию, втягивается бок о бок со сверстниками, как в игру, в атмосфере всеобщей увлеченности, которая затем, очень скоро, перерастает в привязанность, в любовь к этой профессии. Когда в процессе овладения профессией он продолжает жить дома, под приглядом родителей, ведь почти у каждого отец — механизатор, а мать — дворка. А после девятого класса, обогащенный теорией, пройдя под руководством мастера и преподавателей необходимый практикум на действующей технике, он уже может принять участие и в пахоте, и в уборке зернозых, бок о бок со взрослыми механизаторами и, таким образом, непосредственно приобщиться «по специальности» к общественно полезному труду. А девочки во время каникул могут поработать на ферме. Работа — временная, поэтому ее престижность или непрестижность пока не играет большой роли, не давит, так сказать, на психику. Зато в десятом классе, к моменту окончательного выбора, у них уже будут и знания, и практический опыт, и хоть маленький, но стаж. Незримые рабочие нити их уже будут связывать с колхозными делами...

И совсем другое дело курсы. На них идет не всякий десятиклассник. Ведь если у него ко времени

окончания школы нет особого пристрастия к профессии механизатора и тем более если он с нею «лично» не знаком, он еще подумает, идти ли ему на курсы и оставаться работать в колхозе или попытаться поступить в институт или техникум. А то и просто зацепиться за город. Потом он (или она), может, и пожалует об этом, но шаг сделан и вернуться назад бывает нелегко.

В выборе дальнейшего жизненного пути большое влияние на ребят и девочек оказывают родители. Не секрет, что многие из них не советуют своим чадам оставаться в колхозе. И вот опять: одно дело давать совет десятикласснику, уже приобретшему к сельскому труду, имеющему свое собственное мнение на этот счет, и совсем другое — знающему об этом труде (хотя он и живет в деревне) больше со слов родителей, а то и бабушек и дедушек...

...Позапрошлой весной мы с первым секретарем Талицкого райкома партии проехали в колхоз имени XXII партсъезда. Недалеко от центральной усадьбы, села Горбуново, встретили стайку ребят-десятиклассников. Будущие механизаторы, как представил нам их председатель колхоза. Направлялись в поле, проверять готовность полей к севу. Потом, на посевной, будут в меру сил помогать.

— А что в уборку собираетесь делать? — спросил я.

— Помощниками на комбайнах будем работать, — ответили ребята.

— А девочки?

— У них тоже группа. Шестьдесят телят взялись вырастить.

После упразднения филиала при местной школе продолжали работать как бы курсы — школьные учителя в свободное от основных уроков время продолжали вести с ребятами и девочками занятия по сельскому труду.

— Но это уже не то, — сказал председатель колхоза А. М. Крестьянников. — Там, в филиале, все было поставлено серьезнее, и ребята это сразу почувствовали.

— Да, подставили нам подножку, — согласился и секретарь райкома. — Хотели провести эксперимент, да вот не вышло...

...Меня упорно преследует одна мысль: а может быть, закрыв филиалы, работники профтехобразования прошли мимо большого, важного открытия? Открытия новой, перспективной и во многих отношениях — в том числе и финансовом — наиболее эффективной формы подготовки механизаторских кадров для села? Может быть, организация филиалов СПТУ на местах, при колхозных и совхозных десятилетках — в хорошо продуманном виде — и оказалась бы именно той формой профессиональной подготовки механизаторов, которая наилучшим образом способствовала бы закреплению кадров на селе?

Бунтовы из Берд

С Бунтовой Пушкин познакомился осенним днем 1833 года. Вместе с Владимиром Ивановичем Далем он приехал в Берды — небольшую слободу в нескольких верстах от Оренбурга.

Старая казачка Бунтова родом была из Нижнеозерной — крепости, чертами которой Пушкин потом наделил Белогорскую крепость в «Капитанской дочке». Замуж ее выдали в Берды — пугачевскую столицу, здесь и укоренился род этих людей с такой значимой фамилией — Бунтовы.

Надо думать, что Пушкин услышал от старой казачки много важного и интересного о Пугачеве и Крестьянской войне, ее живые впечатления и точные детали.

Нынешним гостям Оренбурга добраться до Берд проще, теперь это городской район. Полчаса автомобилем из центра города — и вы у памятника Пушкину в тенистом саду рядом со школой № 14, на улице, которая носит имя одного из пугачевских сподвижников Хлопуши. В школе открыт интересный музей с двумя залами — пушкинским и пугачевским.

А встретит вас тоже Бунтова. Лена Бунтова, четырежды правнучка той казачки, с которой беседовал Пушкин. Дед Лены, старый казак Бунтов, погиб на войне, жива 80-летняя бабушка. Отец работает на заводе, мать — строитель. А сама Лена, самая юная представительница этой фамилии, теперь закончила школу, но по-прежнему часто бывает в музее, в совете которого она проработала пять лет и знает историю родных Берд и каждого экспоната досконально.

Любовь к Пушкину сближает людей, пушкинисты — люди одержимые, всегда помогающие друг другу, поэтому богат и интересен школьный музей. Лена Бунтова покажет вам последние поступления. Вот новое исследование о Пушкине и Пугачеве известного советского ученого Р. В. Овчинникова. Многие экспонаты разыскали сами ребята — старые фотографии, утварь, одежду, оружие; в дар от музеев, художников, писателей получили целую библиотеку с автографами литераторов, исторические документы, картины, в том числе работу А. Ляшенко «Пушкин в Бердах слушает казачку Бунтову».

И один из самых важных экспонатов покажет вам Лена Бунтова: под стеклом хранится белая гипсовая копия посмертной маски Пушкина.

В. САВЕЛЬЗОН

БИРКА УЗНИКА

Пожелтевшее от времени письмо. В нем однополчанин П. С. Голубкова в августе 1943 года сообщал его родным: «Ваш сын Павел Степанович погиб смертью храбрых... Он бился до последней капли крови...» За этим письмом последовало и официальное сообщение: «Гвардии лейтенант Голубков... в бою за социалистическую Родину погиб и похоронен недалеко от деревни Морозовка Константиновского района Сталинградской области».

...Ему было приказано удерживать высоту 217 до прихода подкрепления. Фашисты двинули танки, автоматчиков, и гвардейцы под командованием молодого офицера приняли смертный бой.

Вот тогда-то и ушли сообщения о гибели Голубкова.

Однако лейтенант остался жив. В том бою он был тяжело ранен. В бессознательном состоянии оказался в плену. Без наркоза и дезинфицирующих средств кто-то из пленных, чтобы спасти жизнь лейтенанта, сделал ему операцию...

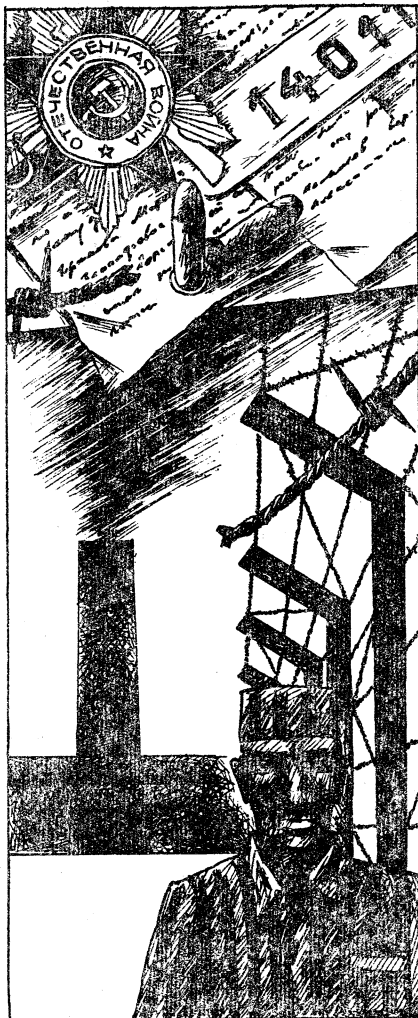
Другое письмо, которое хранил воин многие годы, написано черниговской комсомолкой Галей Камьянской. В 1944 году, после освобождения их области от фашистов, она писала родным Голубкова:

«Осенью 1943 года, когда наш район был оккупирован немцами, мимо нашей станции везли эшелон с военнопленными. В это время мы недалеко убрали картофель... Вдруг увидели, что поезд остановился... Мы бросились туда. Несколько вагонов было забито

**Александр
БРЫЛИН**

Рисунок
С. Мальшева

досками, и окна закручены проволокой. У всех вагонов стояла стража. Нас близко не подпускали. Но, невзирая на угрозы стражи, мы пробрались к вагонам...

Из вагона послышался голос. Нам сказали, что бросят записку, и очень просили, чтоб мы переслали ее родным...

Лично я его не видела. Их к окошку подбежало очень много... С ними в вагонах были и мертвые, и тяжелораненые, и совершенно здоровые...»

Подобранную возле рельсов записку с уральским адресом комсомолка Камьянская хранила более года. Не рассталась с ней и тогда, когда скрывалась от угона в Германию, и когда ушла в партизанский отряд.

Так что еще во время войны родные получили весточку о том, что лейтенант Голубков жив.

В плену П. С. Голубков значился под номером 14011. Жестяная бирка с этими цифрами и номером лагеря была пришита к карману на груди.

Голубкову удалось вырваться из фашистского плена. Он оставил бирку с номером себе на память.

Кавалер ордена Отечественной войны II степени, П. С. Голубков часто выступает перед допризывниками, школьниками города Артемовского Свердловской области с рассказами о боях, о борьбе советских людей в фашистских застенках. А фронтовые письма ветерана и бирка узника стали экспонатами местного музея.

Опять я буду писем ждать твоих,—
Который год с разлукою мы спорим,
А ведь казалось —
Море на двоих
И на двоих луна над этим морем.
Она жива, та память прежних дней!
Жива в метелях, даже в едком дыме!
Так посмотри же в сторону дождей —
И встретятся глаза твои
С моими.

ДРУГУ

Вся боль в тебе:
И облачность тяжелая,
И колосков невызревших беда,
И жалоба,
Когда бежит по желобу
В дождливый полдень
Желтая вода.
Зажато сердце
Тяжкою бессонницей,—
Воспоминанья хлынули рекой:
То девочка голодная припомнится,
То инвалид с протянутой рукой.
Такое доводилось в жизни выдывать! —
Забывать, увы, не просто, не легко.
И все-таки должны тебе завидовать
Те люди,
Что укрылись
От всего.

ОДИН

Ночь полна тишины и мира,
И натянута синей струной.
Ходит песня —
но это мимо,
А щелчки каблукочков —
стороной.
Все прошло. Стороной да мимо.
Все улыбки — издалека.
В небе звездочки нелюдимы,
Все пытаются —
В облака.
А луна к ним спешит на помощь,
И скрывается — ну и пусть.
Неужели я в эту полночь
Хоть кому-нибудь не приснюсь?..

Вот и все — и слетает листок,
И вступает в судьбу мою осень,
И куда-то на юго-восток
Ветер листья сухие уносит.
Что ж, пора!

В самый раз, в самый раз
Унести, к горизонту причалив.
Ничего и не надо сейчас:
Ни унынья, ни светлой печали.
Над водой, над пожухлой травой
В бликах солнца и сумерках ранних
Лист последний летит над землей,
Как отставший от стаи журавлик.

Михаил КАРБЫШЕВ

БАБЫ РУБЯТ КАПУСТУ

Перед самыми холодами
Бабы рубят капусту,
Чтобы завтраки с пирогами,
Чтобы щи были густы.
Через избу корыто
Сразу на восемь сечек.
Начинается битва,
Начинается сеча.
Добела моют бело
Молодую капусту,
Аж мурашки по телу
От капустного хруста.
Катерина Петровна
Положила начало:
Этак ровненько-ровно
Сечкою застучала,
Да вздохнула поглубже,
Да запела повыше,
Бабы грянули дружно,
За три улицы слышно!
Дед проснулся на печке,
Оценил положенье,
Вот уж сеча так сеча —
Боевое сраженье!
Баба крошки с ладошки,
Деда с печки — под мышки,
Посадила к окошку:
«На вот, ешь кочерыжки».
И пошли, зубоскалки,
То про то, то про это,
Как на пахоте галки
Возле ворона-деда.
Посолили капусту,
Перетерли до хруста,
А тугие вилочки
Прямо целыми в бочку.
И как праздник подкатит,
Так хозяйка из кадки
Тот вилочек моченый,
Хрящеватый, крученный
На широкое блюдо
Да к столу с этим чудом,
Сверху политым маслом,
Будто с солнышком малым.

ЧТОБ НЕ СМЕЛ Я...

В раннем детстве бабушка-старушка
Мне совала хлебную краюшку —
И шагал я, бедный, босиком
К речке за гусиным косяком.
А за мной летело сто наказов:
Чтоб я, грешным делом, не проказил,
Чтоб без дела рот не разевал,
Чтоб с Аркашкой в драку не встревал,
Чтоб не смел, охальник и бездельник,
Девкам в косы впутывать репейник.
Чтоб не проворонил я гусенка,
А не то прибьет меня, бесенка.
Приходил на речку я и сразу
Забывал сердитые наказания.
Да и разве вспомнишь про угрозы,
Если берег в речку сыплет росы,
А по небу, будто два челна,

Проплывают солнце и луна!
По протоке мельник-хлопотун
С остройгой плывет, как бог Нептун.
Вот он бьет стремительную рыбу...
А на сером камне у обрыва
Коршун ест цыплячьи потроха.
Ох, и вздует бабка пастуха!

ОГОРОД

*Владимиру Анисимовичу
Колыхалову*

Огород! Огород!
Он от самых от ворот.
Он от бани
Весь с грядками,
Он от сада
Весь с рассадой.
А у старой городьбы
Встал горох на дыбы
И по временной прописке
У плетня живут редиски,
И как будто взвод солдат
В ряд подсолнухи стоят.
Огород! Огород!
Не нахвалится народ,
Тут и дыни круглобоки
Загорают на припеке,
В полосатенькие блузы
Нарядились арбузы,
И капуста в борозде
Вся до пояса в воде.
Огород! Огород!
Никто мимо не пройдет.
Всяк заглянет, да похвалит,
Да хозяйшке польстит.
А хозяйка рада, рада,
Принесет с гряды награду —
Сладкой репой угостит.

*Рисунок
В. Меринова*

НА ДОЛЖНОСТЬ ДВОРНИКОВ
ПРИНИМАЮТСЯ ГРАЖДАНЕ,
ДОСТИГШИЕ 18 ЛЕТ
И НЕ ИМЕЮЩИЕ
МЕДИЦИНСКИХ
ПРОТИВОПОКАЗАНИЙ
К РАБОТЕ
В ДАННОЙ ДОЛЖНОСТИ.

ПОЛОЖЕНИЕ о дворниках

Костя на тротуаре из плотного, слежавшегося снега вырубил профиль девушки. Бежавший трусцой мимо Кости пенсионер Овражкин остановился, сказал:

— Выразили убедительно, — и побежал дальше, остро двигая локтями.

На мотоцикле ехал участковый инспектор, притормозил, солидно и не спеша козырнул. Костя приставил к ноге стальной скребок:

— Салют вашей милости.

— Ладно, ладно. — Участковый инспектор взглянул на произведение и поехал, подгазовывая старенький кашляющий мотоцикл и переваливаясь в седле, как спелая груша.

Подошла почтальон Аида, хмыкнула, pokrutila ногой, зашнурованной в красивый замшевый сапог, еще раз хмыкнула и тоже отправилась дальше. У дверей в бойлерную Аиду караулил оператор-кочегар Толя Цупиков. Проходя вплотную около Толи, Аида царственно кивала ему. Толя долго и совершенно подчиненно смотрел Аиде вслед, потом спускался в бойлерную. Это повторялось каждое утро.

Костя, облокотившись о скребок, стоял, решал, какие бы внести добавления или уточнения в произведение на асфальте: он был выскателным мастером. Если спуститься в бойлерную и принести оттуда воды, и облить произведение, то оно приобретет сверкающую янтарность. Можно в бойлерной нагреть скребок и потом оплавить только края барельефа, засеребрить их.

Подошла группа ребят в лыжных костюмах и с лыжами. Один из ребят достал из кармана пятаки, наменянные для проезда в метро или в автобусе, и высыпал на снег со словами:

— Художник, воспитай ученика...

Костя ничего не сказал. Ребята ушли.

Неслышно приблизилась девушка с небольшой дорожной сумкой, затаилась за Костиной спиной, сумку поставила на землю. Молчала, потом не выдержала, осторожно спросила:

— Кто это?

Костя обернулся, взглянул на девушку:

— Ты.

— Всю жизнь мечтала.

— О чем?

Требуется дворник

Романтическая история

**Михаил
КОРШУНОВ**

*Рисунок
А. Банных*

Девушка подумала и ответила:

— О приключении.

— Я — тоже. И поэтому я здесь, на твоём пути.

— С лопатой?

— Скребком, — уточнил Костя.

Девушка была одета в темное расклепленное пальто с кожаным лакированным поясом, с крупными пуговицами, в белой, с черным плотным шнуром вокруг, шапочке. В кольцо одной из ручек сумки были продернуты белые и тоже с черным перчатки. Она их, очевидно, недавно сняла и несла теперь таким способом. Конечно, фасон, потому что на пальто были карманы.

— Куда путь держишь?

— С юга на север.

— Багаж? — Костя кивнул на сумку.

— Да.

— Весь?

— Мне хватает.

— Что в нем выдающегося, если хватает?

— Термобигуди, солнечные очки, зубная щетка. — Девушка подумала и добавила: — Электрическая.

— Пешком дуешь? Деньги кончились? — Костя наклонился и поднял пятаки. Высыпал их девушке в карман пальто. — До вокзала хватит. — Потом разбил свое произведение и сбросил осколки на мостовую, и они заскользили далеко на проезжую часть.

— У меня ноги крепкие. — Девушка хотела вернуть деньги, но Костя удержал ее руку.

— Я преуспеваю.

— Давно? — Девушка улыбнулась. Передний зуб у нее был чуточку искривлен, но это не испортило ее внешности, а делало даже в чем-то индивидуальной, привлекательной. Глаза — большие,

спокойные, под большими спокойными бровями, к которым почти вплотную приблизилась шапочка... Может быть, шапочку и не стоило так глубоко надевать, это делало лицо старше и строже. Но сейчас девушки носят шапочки именно так.

Костя закинул на плечо скребок, направился во двор к каморке, где у него был сложен инвентарь. Каморка была устроена под шахтой наружного лифта. Открыл дверцу, чтобы убрать в каморку скребок. Девушка не двинулась с места. Ее внимание привлекли фигуры, сделанные из льда и снега, она увидела их во дворе...

— Ну чего ты! — крикнул Костя. — Бери лопату и топай сюда, если ноги крепкие! — Лопата стояла у дальней стены дома.

Девушка подхватила лопату, вошла во двор. Фигур было много — на газонах, в детской песочнице и даже внутри старой автомобильной крыши, выкрашенной зеленой краской: фигуры выстроились в шляпах из газет, в коробках из-под тортов, вместо глаз — электрические лампочки. На крыше беседки были сделаны из снега купола и кокошники, а на крыше навеса, под которым стояли бункеры с мусором, смешно вверх торчали сосульки.

— Кто это упражняется?

— Дед Мороз.

Костя позвал девушку, но так и не смог объяснить себе — почему. Костя любил неожиданности. Собственная судьба была пока что неожиданностью на этом участке его жизни. Девушка всунулась в узенькую дверцу, потеснив Костю плечом, поставила лопату. Костя ощутил прохладный запах наклонившейся шерстяной шапочки. Подъехал лифт и опустился как будто бы на крышу каморки.

— Сюда не заедет, не пугайся.

— Ты заметил, я не из пугливых. Я из любопытных.

В окне прачечной вспыхнул свет — специально, чтобы осветить двор; приемщица белья Тетеркина рассматривала незнакомку. Одета строго, но при этом очень молода: такие в намерениях бывают самостоятельными.

Девушка спросила Костю:

— Ты дворник?

— Увы. Ты разочарована?

— Почему? Может быть, очарована. — И девушка позвенела в кармане пятками.

— Есть хочешь?

Она в ответ неопределенно повела сумкой, которую подняла с земли и снова держала в руке.

— У меня фасольевый день, — сказал Костя.

Из подъезда, рядом с лифтом, выбежал мальчик с портфелем в школьной форменной курточке, с эмблемой на рукаве и в форменной, облокотившейся на уши фуражке — как есть чиновник. За мальчиком выскочила могучая женщина во фланелевом капоте и в валенках. В руке сжимала красное яблоко-копилку. Могучая женщина —

Соня Петровна, или тетя Слоня; а мальчик в фуражке — ее племянник Глеб Рожков.

— Повытаскал! — закричала вслед племяннику Соня Петровна и остановилась, чтобы вложить в ладонь глиняное яблоко, как спортсмен вкладывает ядро перед тем, как его толкнуть. Но расстояние до племянника быстро увеличивалось, и тетя Слоня опустила руку, крикнув:

— Только вернись домой, содранец!

Племянник продолжал убежать. Куда зимой убежать в куртке, он знал — в бойлерную: во-первых, там постоянно тепло, во-вторых, Толя Пупиков не выдаст, в-третьих, тетя Слоня в бойлерной ни за что не развернется. Все проверено...

— Разрешите, — сказала девушка Соне Петровне, вынула из кармана пятки и побросала в глиняное яблоко.

— Что вы! — приятно удивилась тетя Слоня. — Она кто такая? — тут же спросила у Кости, встряхивая яблоко и прислушиваясь к тому, как в нем позвякивало.

— Моя новая модель, — ответил Костя.

Из прачечной, гонимая тем же непреодолимым желанием добыть новость, выскочила и приемщица белья Тетеркина в белом мятом халате и в пушистом розовом берете. Но тут из бойлерной появился Глебка. Портфель пристроил на голове и нес его, придерживая за ручку, будто какой-нибудь кувшин. Тетя Слоня ахнула и, вскинув свое могучее тело, ринулась в погоню.

ДВОРНИКУ НА ВРЕМЯ РАБОТЫ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СЛУЖЕБНАЯ ЖИЛАЯ ПЛОЩАДЬ.

Костя помог Кате снять пальто, зацепил его за большой крюк, заменявший вешалку, и пальто повисло беспомощно, будто на подъемном кране.

— Когда крупные зодчие создавали интерьеры дворцов, они проектировали и мебель. — Костя зацепил теперь за крюк и свою куртку. — Да ты садись.

Катя кивнула, присела на стул. Куда же она попала? Что это?

В дворницкой было сочетание мебели, собранной по дворам и кое-как подремонтированной, и мебели, созданной буйной фантазией из обрезков труб, штакетника. Висели как живописные полотна дорожные знаки — обгон воспрещен, тупик, ведутся ремонтные работы, стоянка разрешена, стоянка запрещена. Ну, а самое удивительное — часть комнаты занимал уличный фонарь. Во всей этой своеобразной неорганизованности и неожиданности была особая привлекательность.

— Ты сидишь на резном стуле с обивкой из натурального штофа. Стул создан по рисунку Камероера. Штоф ткали лионские мастера по моему эскизу.

Катя оторвала взгляд от уличного фонаря и теперь взглянула на стул, на котором сидела. Он был на двух ножках настоящих и на двух, сделанных из ящичных планок. Прикрыт — махровым полотенцем, прикрепленным канцелярскими кнопками. Катя шевельнулась, стул угрожающе закрипел.

— Я знаю Бирона, — сказала Катя, стараясь больше не шевелиться.

— Камерон — типичное не то. Камерон — придворный архитектор.

— Извини, я темно-серая в архитектуре...

— Ничего, — разрешил Костя. — Объясню. В моем интерьере стоит софа с росписью, бронзой и накладной вышивкой... Обеденный стол на двенадцать персон, за которым я имею счастье принимать тебя. — Костя опустил в кресло и тут же у кресла отвалился подлокотник. Костя поймал его и вернул на место. — Дальше... Что там дальше? Элегантная ширма, и на ней парча с букетами и золотыми пчелами. Не так ли? (Ширма была затянута кумачовыми полотнищами со следами плакатных букв.)

Катя кивнула — так. Она сама умела забавлять и умела забавляться. Но уличный фонарь!..

— А в конце девятнадцатого века и в начале двадцатого характерно параллельное развитие... ты следишь за моей мыслью?.. парадных форм мебели и мебели интимной для жилых комнат. Ты спросишь, почему? Да потому, что уют начал высоко цениться.

— Ты работал в музее?

— В детстве рисовал красками. — Костя показал на скамейку на кухне. — Оттоманка. Сохранен натуральный цвет тополя. Не припомню, на каком из аукционов мною куплена... Пышный был аукцион.

— В Греции, — сказала Катя.

— Точно. Я плыл из варягов в греки. Простите, вы какое благородное заведение закончили?

— Простите, не начинала.

— Провалилась?

— Если я провалюсь, то сейчас. — Стул под Катей покосился. Катя отвела назад плечи, чтобы максимально выпрямиться.

Костя поднялся и пошел на кухню.

В кухне была двухконфорочная плита, небольшая мойка и совсем небольшой холодильник «Морозко». На нем совершенно натурально сидела божья коровка — очевидно, раскрашенный кусочек магнита...

Вскоре на стол были поданы консервированная фасоль, подогретая прямо в банке, нарезанная свежая булка и на блюде развернутая пачка масла.

— Вилки бы еще, — сказала Катя, — хотя я и живу в глубине России.

Костя принес вилки и вновь расположился напротив в кресле. Катя зачерпнула фасоли, отло-

мила кусочек булки. Костя тоже зачерпнул из банки.

— Откуда ты пришла? Из какого такого Пешехонья?

— У меня в сумке термобигуди. Верно?

— И что из этого?

— Где-то я должна была быть красивой?

— Где же?

— На свадьбе у подруги.

— А работаешь ты в леспромхозе. На севере диком, на голой вершине. Пилишь сосны. Верно?

— И оказалась здесь, на Спасоналимовской. Верно? — Катя улыбнулась, и Костя еще раз отметил, что передний зуб у нее искривлен и что это совершенно не портит ее внешности. — Меня поразило название улицы.

— Две тысячи метров асфальта, булыги и щебенки, — сказал Костя. — Газоны и зеленые насаждения.

— А где ты приобрел уличный фонарь?

— Как всегда, по случаю... Продается еще старинный неаполитанский балкон. Привезли, конечно, из Неаполя вместе с серенадами. Тебе не нужен? Мне он ни к чему на первом этаже.

В дворницкую, мешая друг другу, проталкиваются Соня Петровна и Глебка. На Глебке уже пальто, а на Соне Петровне, поверх капота, жакет, очень напоминающий мужской пиджак из магазина «Богатырь». На лацкане — брошь «Аленушка», ювелирное изделие.

— Костя, меня приняли в институт, — задыхаясь, с ходу говорит тетя Слоня. Рукой хватается за грудь, как и положено в момент серьезного переживания.

Костя растерянно смотрит на Соню Петровну, на брошь «Аленушка».

— Открытка вот, — Соня Петровна достает из кармана жакета почтовую открытку, показывает ее Косте. — Аида принесла, только что.

— Извещение? По конкурсу прошли? Поздравляю. Сколько баллов набрали?

— Прошла, — доверчиво говорит Соня Петровна. — Сто двадцать кило набралось у меня.

— Институт питания зовет на похудание! — кричит Глебка и бухает на пол портфель, словно груженный булыгой и щебенкой.

— Высокий проходной балл, — говорит Костя. — В МГУ хватает двадцати.

— Куда Глебку девать?

— Сдайте в камеру хранения.

— Я серьезно, Костя.

— Возьмите с собой.

— Он и без того — кожа да кости.

— Кожа для Кости, — радостно закричал Глебка. — Я тут хочу! У тебя!

— Полгода института дожидалась. — Соня Петровна умоляюще смотрит на Костю. — Совсем здоровье потеряла.

— А, пускай остается. Была не была.

— Правду говоришь, Константин? — счастливым голосом спросила Соня Петровна.

— Еще бы! Как абитуриент — абитуриенту.

— На тебя и рассчитывала, на твою положительность. — Соня Петровна, без пауз, поехала: — Уроки - за-ним - надо - проверять - и - чтобы - зубы чистил - ел - сырую - морковь - ему-витамины - нужны - прищепкой - чтобы - не - стрелял - взял - модуль - прищепку - закладывает - пистоны - и - стрелять - ты - думаешь - деньги - он - для - чего - повытаскал! На - пистоны - он - и - к - участковому - не - хочет - чтобы - стрелять - ему - вволю - стихотворенно - выучил - «Скачет - сито - по - полям - а - корыто - по - лугам» — что же еще?..

Катя улыбнулась. С каждой минутой пребывания здесь ей становилось все забавнее и веселее.

— Костя, так как мне с ним быть? — спросила в нетерпении Соня Петровна. — Твое слово окончательное?

Костя умоляюще взглянул на Катю.

— Оставайся, а? Москву поглядим. На такси покатаю. Новый год встретишь под натуральные куранты. У нас здесь иногда слышно. И с Глебкой поможешь. Прошу, как человека...

Катя молчала. Ей было хорошо, свободно, весело. Такое бывает от ощущения неожиданного поворота судьбы. А крутой поворот — редкий подарок по нынешним временам. Катя это знала.

Соня Петровна добавила:

— Я на него денег оставляю.

— А почему нынче дети школьного возраста?

— Не приценивалась, Костя, не знаю.

— Устроим пышную распродажу. — Костя смотрел на Катю. — Или тебе некогда? — Косте хотелось, чтобы Катя обязательно осталась.

Тетя Слоня не подозревала об этом. Ее смущало только одно — с каких позиций рассматривать Катю? Кто она? Откуда? Но, чтобы не ломать голову и чтобы Костя не передумал в отношении племянника, сказала:

— Я быстренько поеду в питание.

— А я прямо у них и начну жить, — сказал Глебка.

Соня Петровна направилась было к дверям, но спохватилась:

— А будильник у вас имеется?

— Имеется. Тикает, слышите?

— Пошли, соберу тебя, — сказала Соня Петровна племяннику. — Некогда мне. — Соня Петровна прекрасно соображала, что надо ковать железо, пока горячо...

— Скатерть у вас есть? — неожиданно спросила Катя.

— Есть.

— Пришлите.

— И белье постельное пришлю.

— Зачем скатерть? — удивился Костя.

— На стол.

— Скатерти у меня не было и не будет.

— Будет.

Тетя и племянник ушли. На полу остался Глебкин портфель. Напоминал ладони хозяина: чернильные контуры материков. Была даже снежная вершина: в замок портфеля, по неизвестной причине, набился снег. Он таял.

— Почему Глебка не в школе? — спросила Катя.

— Откуда мне знать?

Катя отыскала на кухне тряпку, пошла и вытерла портфель и пол вокруг портфеля. Отнесла тряпку, сполоснула руки.

И тут появляется Глеб Рожков. А точнее — узел и флакон с чернилами, который Рожков протянул из-под узла. За Глебкой в двери проворно всунулась Тетеркина.

— Глеб по ошибке к тебе, Костя, с грязным бельем?

— С чистым. И не по ошибке.

Тетеркина в упор рассматривала Катю.

— Можно его и к вам, Франческа Иоахимовна. Не возражаю, — сказал Костя. — Муза и Рожков составляют отличную упряжку. Наши, ваши...

Франческа Иоахимовна, она же Вера Ивановна, закрыла дверь.

— Я возражаю! — закричал из-под узла Глебка.

— Надо снять с него узел. — Катя подошла к Глебке.

— Ничего, узел потеряет.

С Глебки все-таки сняли узел. В узле было одеяло, простыни, наволочки, подушка, черные трусы, тапочки, завернутые в газету, белые майки и скатерть.

— Понаехали, натащили барахла, — ворчал Костя. — Не повернуться.

— Барахла, по-моему, натащил ты, — сказала Катя.

— Жалко, — сказал Глебка. — Местов жалко.

— Не трамвай.

— Почему не поправишь ребенка? Он неверно произнес слово.

Кажется, угроза воспитания нависла и над Костей.

— Нас двое, ты одна. — Глебка достал из кармана бельевую прищепку, раскрыл ее, вложил в прищепку бумажный пистон и выстрелил.

— Какие у него понятия о жизни, — Катя поглядела — ровно ли постелила скатерть, поправила, одернула. Потом протянула руку: — Прищепку сюда!

Глебка не знал, как поступить — оказать сопротивление или не оказать.

— Сдай оружие, — посоветовал Костя.

— И патроны, — сказала Катя.

Глебка сдал коробочку с патронами. Прищепку Катя зацепила за бельевую веревку, которая была натянута на кухне от газовой трубы к водопроводной, а коробочку с патронами убрала к себе в сумку.

— Он должен иметь определенное место, где будет заниматься.

— Хочу с тобой решать задачи. — Глебка, не смотря на разоружение, немедленно переметнулся на сторону Кати. — Жить буду на кухне.

— На кухне жить буду я, — сказала Катя. — Ты будешь жить в комнате. Заниматься за столом на двенадцать персон.

— А я? — вмешался Костя. — Мне удалиться к метелкам и лопатам? В каморку?

— Зачем? Ты останешься на своей бронзовой софе с вышивкой. Глебке сдвинем два кресла. Себе куплю надувной матрац. И шкаф нам нужен, куда постельное белье складывать. — Катя легко, бескровно захватывала власть.

— Сундук нам нужен! — выпалил Глебка. — Сундук интереснее.

— Я согласна.

— Пошли, — сказал Костя.

— Куда? — обрадовался Глебка: ему лишь бы не в школу.

— К пиратам!

— Настоящим?

— Конечно. Йо-го-го, веселись, как черт!

— Однако, — качнула головой Катя.

Она надела пальто, шапочку, перчатки. Костя — свою защитного цвета куртку с воротником из пегейки — спецодежда дворника. Поднял воротник. Глебка тотчас поднял воротник у своего пальто — Глебка снова принадлежал Косте.

Они обошли уже несколько бункеров с мусором, но безрезультатно — ни сундука, ни шкафа. В бункерах отсиживались коты и выражали недовольствие, что их беспокоят: гудели тихо, но напряженно, как трансформаторы.

ДВОРНИК ОБЯЗАН ПОСТОЯННО ДЕРЖАТЬ НА ЗАПОРЕ ЧЕРДАКИ И ПОДВАЛЫ ОТ БЕЗНАДЗОРНЫХ КОШЕК И СОБАК.

— Одноглазый кот! — воскликнула Катя. — Вон, побежал!

— Пиратская шайка Джека Потрошителя.

— Одноглазого кота не боюсь, — заявил Глебка. — Он у нас в подъезде ночует.

— А Джека Потрошителя?

Глебка промолчал.

— Всех потрошит, — предупредил Костя. — Направо и налево.

Одноглазый кот, скрывшись за отдаленным бункером, сверлил Катю глазом, будто смотрел в подзорную трубу.

— Вызывает на драку, — опять предупредил Костя.

— Ты у меня прищепку забрала, — всполошился Глебка. — И патроны.

— Откуда я знала, что у вас тут процветает бандитизм.

Вокруг бункеров бродили, словно монахи, вороны. Негромко переговаривались.

— Мне надоели помойки, — захныкал Глебка.

— Объясни ему, — попросил Костя. Ему хотелось, чтобы Катя все время чувствовала, как она здесь нужна.

— Что объяснить?

— Называется — исследования и находки. Деревянная археология.

Возле дома, который давно поставили на капитальный ремонт, обнаружилась половинка круглого стола.

— Ничего интересного, хотя и португальская береза. Полагаю, работа Юмуса, — сказал Костя и ковырнул столешницу. — Здесь были фигуры птиц и животных на фарфоровых вставках.

Глебка ринулся осматривать.

— Переплачивать не будем, вещь в запущенном состоянии. Погляди, что еще в раскопе.

— Вот! — закричал Глебка.

— Что там?

Глебка вытащил из-под снега табуретку. Табуретка явно перенесла несколько тяжелых ушибов и переломов.

— Это же не Юмус.

— Без ножки, — сказал Глебка. — Юмус без ножки!

— Опять, — вздохнула Катя и поправила на Глебке фуражку. Без сомнения, Катя замучена аккуратностью.

— Берем табуретку и покинем раскоп, — распорядился Костя.

Табуретку взял Глебка, прижал к груди: ценная находка. Про помойки Глебка уже забыл. Когда проходили мимо гастронома, где были свалены пустые ящики, Костя выбрал три новеньких и, сложив их горкой, тоже понес. Балансировал ящиками, смешно выгибал шею, морщился, надувал щеки — делал вид, что вот-вот уронит. По пути встретились с почтальоном Аидой — она шла с дневной почтой. Аида в удивлении уставилась на процессию.

— Костя, переезжаешь, что ли?

— Обновляю мебель.

— А вы кто ж такая будете? — спросила Аида Катю. Взгляд ее темных глаз нельзя было назвать дружественным.

— Плод фантазии, — ответила Катя.

Вечером на «своей половине» под фонарным столбом Костя по просьбе Рожкова рассказал ему о Джеке Потрошителе и Дике Победителе, пиратских капитанах. Дик — с пистолетами, в красной косынке, завязанной на затылке узлом, и в огромных, как лодки, сапогах, — влюблен в прекрасную донну Марселину, гордую испанку. Ее преследует Джек Потрошитель с кривым ножом

и на кривых ногах. Гоняется по всем морям и океанам, скрежещет зубами.

— Хочет потрошить? — испуганно спрашивает Глебка.

— Не исключено.

— Дик Победитель заступится?

— Конечно. Он ее любит. Плавает на синем корабле «Геликон». Имеет пять центнеров пороха и по двадцать ядер на пушку.

— А у них дети есть?

Костя несколько растерялся.

— Детей нет. А что?

— Детей надо любить тоже.

— Конечно, надо, — согласился Костя.

— Потрошитель на каком корабле плавает?

— У него черный «Геликон». Сгорел. Вся шайка здесь и прячется. В бункерах с мусором.

При этом Костя и Глебка опасливо глядели в сторону кухни, где за ширмой «с букетами и золотыми пчелами» стелила себе постель Катя: если услышит разговор о пиратах на ночь, немедленно пресечет.

Утром Глебку еле поднимали: он ни за что не хотел вставать. Его стаскивали на пол, но он и на полу умудрялся вновь заснуть. Костя однажды принес лопату снега и высыпал на Глебку. И теперь Глебка более-менее поднимается, но все равно жалуется, что ему надоело ходить в школу.

— Прекращай спячку, — говорил Костя. — Я в этом департаменте от звонка до звонка отслужил.

Катя начинала готовить завтрак — варить очередную кашу — и одновременно следила за тем, чтобы Глебка почистил зубы и умылся обязательно с мылом. Глебка считал, что мыло мешаает умываться: от него нудно отмываться. Но Катя была непреклонной.

— Каши не хочу, — начинал следующую тему Глебка.

— Тебя никто не спрашивает, чего ты хочешь, а чего не хочешь.

— Я и блеманже ел. И суфле. У тети Слони.

— В лоб получишь, — грозил Костя, если при этом присутствовал, и напряжинивал палец.

Катя уже понимала, что воспитание Глебки полностью на ней и неважно, какими методами оно будет осуществляться, может быть, и с применением малых телесных наказаний. Как известно, секли даже царских детей.

Пока Катя занималась приготовлением завтрака и кормлением Глебки, Костя шел в каморку, доставал лом, совок с песком и отправлялся к особо опасным местам, чтобы сколоть лед, если он за ночь образовался, подчистить, присыпать песком, а может быть, и позаниматься скульптурой или архитектурой, что-то подновить, что разрушило время или варвары. В особенности приходилось следить за глазами в скульптурах.

Глаза варвары разрушали чаще всего: легкая добыча — электрические лампочки. Но жильцы знали о налетах варваров, и поэтому собирали для Кости перегоревшие лампочки.

Когда Костя возвращался домой, он находил завтрак уже на столе. Глебка сидел и угрюмо ел кашу, постукивая ботинком по пустому огнетушителю, заменявшему ножку стола. Звук был унылый, как в пустыне.

— Каша манная с ванильными вставками, — говорила Катя. — Приехала в кастрюльке прямо из Парижа.

— Ты хорошо выучила «Ревизора».

— Чтобы ты освежил в памяти школьную программу.

Костя поднимал у кастрюли крышку.

— Верно, пахнет Парижем. Знаешь, как я нанялся на работу на Спасоналимовскую?

— Как?

— По объявлению на столбе.

— И столб забрал на память! — смеялась Катя.

Глебка на подобные разговоры не откликался. Тайная надежда на то, что, поселившись у Кости, Глебка раньше начнет свои каникулы, с треском провалилась. Никаких тебе преждевременных каникул, напротив, с каждым днем Катя все крепче закручивала гайки.

Сегодня утром Аида, задержавшись около Кости, спросила:

— Что это все-таки за приезжая?

— Гувернантка для принца сардынского.

— Ты можешь разговаривать со мной без метлы и лопаты?

— Не могу. Был зачет, и я провалился.

— Какой зачет?

— По метле и лопате.

Аида отправилась дальше оскорбленной походкой. Потом обернулась, крикнула:

— Дизайнер с метлой!

У бойлерной Аиду, как всегда, поджидал кочевар Толя Цушков. Аида подошла к нему, и тут Костя понял, что гнев Аиды обрушится сейчас на несчастного Цушкова. Бог ему в помощь.

**ДВОРНИК ОБЯЗАН
НЕ ДОПУСКАТЬ ДЕТСКОЙ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ,
РАЗВЕШИВАНИЯ БЕЛЬЯ
НА ОКНАХ
И ВЫТЯХИВАНИЯ КОВРОВ
С БАЛКОНОВ.**

В дворницкой в отсутствие Кати — она ушла в гастроном, и Глебки — отправился в школу («Непонятно, почему в нее надо ходить каждый день?») — появилась техник-смотритель Фокаева.

— Костя, кого ты у себя поселил?

— Гувернантку.

Фокасьева стояла, смотрела на Костю сквозь табачный дым; она курила простые и очень дымные папиросы. Лицо у Фокасьевой было квадратным, несколько мужским. Костя возился со столом, укреплял его ящичными планками: Костины гарнитуры нуждались в постоянной реставрации.

— К асфальту, булыге, щебенке есть претензии?

— Претензий нет,— ответила Фокасьева.

— К газонам? Зеленым насаждениям?

— Нет.

— Работаем не хило?

— Не хило.

— Благодарствуем!

— За Глебкой смотришь?

Табачного дыма вокруг Фокасьевой прибавилось.

— Лепим человека. Никакой безнадзорности. — И Костя громко стукнул молотком.

— Ну, а...

— Гувернантка, вы хотите сказать? Выписал из Европы со знанием языков, арифметики и кашеварения. — И Костя опять как бы пристукнул свои слова молотком.

Фокасьева обвела взглядом комнату — фонарный столб, дорожные знаки... Сколько раз Фокасьева это видела, но привыкнуть не могла.

Дорожные знаки Косте дал участковый; это были старые, которые недавно в городе поменяли на новые, международные. Столб разрешила взять Фокасьева. Он был списан представителем сети наружного освещения. И заменен тоже на новый с желтым калильным светом. Костя, наверное, неделю возился со столбом, — укорачивал его, красил.

Шкаф из ящиков — недавнее приобретение. Фокасьева шкафа не видела. Катя повесила на него найденную около трикотажного ателье большую рекламу. Фокасьева прочитала вслух:

— «Всех размеров и различных расцветок вы сможете заказать «кенгуру» в нашем трикотажном ателье». — Фокасьева покрутила папиросой.

— Диковато у тебя, Костя. Что ни говори.

— Я поэт и не понял временем, — ответил Костя с печальным достоинством. И потом добавил: — И приемной комиссией одного высшего учебного учреждения.

— Что ты... — забеспокоилась Фокасьева. — Ты хороший дворник.

— Я великий дворник!

Катя решала с Глебкой задачу по математике $D = 1, 2, 3$. Требовалось составить возможное количество условий задачи.

— Назовем «Д» вареньем, — предложил Глебка, — а то неинтересно. Получается — варенье равно одной банке, двум и трем банкам.

— Что ты несешь! — возмущалась Катя.

— Ничего не несу. — Глебка раскрывал ладони, переворачивал их. — Пустые.

— Голова тоже пустая?

Глебка открывал рот, стучал себя косточками пальцев по макушке, и раздавался действительно звук пустоты.

— Оставь в покое голову. Кто тебя научил?

— Надька, вожатая. «Дорогой второй наш класс, беспокоимся о вас!»

— Зубы не заговаривай. Решай задачу.

— Тетя Слоня лучше всех варит варенье.

— Прекрати.

— Я шумно встаю из-за парты, Надька говорит. Была бы парта, показал. Совсем не шумно. Надька сама в наперсток свистит на домоводстве.

— Сиди и занимайся.

— Я чего делаю?

— Пререкаешься со мной.

Глебка начинает играть на гавайской гитаре.

— Научился?

— Эге!

— Оставь в покое нос.

Глебка начинает играть на балалайке.

— Оставь в покое язык. Занимайся условием задачи.

Глебка молчит.

— Оглох?

— Ты сказала — оставь в покое язык. Без языка я не умею разговаривать.

— Не разговаривай ты, пиши. «Д» больше нуля, если «Д» больше единицы?

Глебка оттопыривает губы, морщит лоб, делает вид, что усиленно думает, и Кате кажется, что он даже шевелит ушами. Ну до чего хитрющий малый!

— Знаю слово на букву «Д».

— Отвечай: «Д» больше нуля, если «Д» больше единицы?

— Может быть, и больше.

— Может быть, тебя снова сдать в детский сад? Ты ходил в детский сад?

— Сдай, пока тети Слони нет.

Костя, который только что вошел и услышал конец разговора, пропел:

— «Если у вас нету тети...»

— Знаю! — как бешеный заорал Глебка и подпрыгнул на табуретке. — «С легким паром!»

Катя схватила Глебку за руку.

— Я с ним больше не могу.

— Они там голые в бане сидят и пиво пьют!

— Прекрати!

— Да. Прекрати, — говорит и Костя. — Ты не в бане.

Табуретка под Рожковым с треском разламывается, широко разбрасывая вокруг себя обломки.

— Вчера он сломал шкаф, — говорит Катя. Имелось в виду, что развалились ящики.

— Шкаф сам поломался, — Глебка поднимает-

ся с пола. Показывает самопишущую ручку. — Перо погнулось. Нечем задачу решать.

Катя собрала все, что осталось от табуретки, и снесла на кухню, бросила уже как настоящие дрова.

Костя взял ручку, осмотрел перо. Вынул коробку из-под обуви, где у него дежали инструменты.

— Я знаю, чему равняется Д,— сказал Глеб-ка. — Д меньше трех и равняется трем. Сейчас буду еще варьировать. Д меньше пяти и равняется пяти. Д меньше шести! Д — блеманже, суфле!

Катя дала Глебке подзатыльник, совсем не такой полновесный, какой он обычно получал от тети Слони, но Глебка только этого и ждал: побежал к дверям, выскочил во двор и заголосил:

— Истязают!

Начал бегать по двору. Катя, как бывало тетя Слоня, выбежала вслед за ним, пытаясь его поймать, но он уворачивался и продолжал голосить:

— Погибаю!

Во дворе за происходящим наблюдали старухи. У прачечной стояла дочка Тетеркиной Муза Тетеркина в таком же, как и у матери, пушистом берете, который едва держался на ней огромным розовым одуванчиком. Муза схватила крышки от ведер для пищевых отходов, начала ударять ими, как медными тарелками в оркестре, и тоже кричала, на свой вариант:

— Порют!

Катя наконец поймала Глебку, но не без помощи бегуна-пенсионера Овражкина, который загнал Глебку в угол, как курицу. Катя взяла Глебку за шиворот и повела домой.

На пороге дворницкой стоял Костя. С интересом наблюдал.

— Что, если его на самом деле отлупить? — подумал вслух Костя.

— За что? — спросил Глебка, заволновавшись.

— А скучно. — Костя снял шапку, вздохнул и нарочно почесал голову.

— Верно. Потренируйся, — сказала Катя. — Повоспитывай.

Костя сразу перестал чесать голову.

— Снег с крыши надо сбрасывать. Цурик вон идет. — И Костя, чтобы совсем покончить разговор о воспитании, деловито надел шапку.

По двору шел Толя Цуиков, нес мотки веревки и лопаты.

— Возьмите меня на крышу, — немедленно попросил Глебка.

— Мечтаю!.. Подежуришь внизу? — спросил Костя Катю.

— Сейчас оденусь.

Катя и Глебка снова вышли во двор, оба уже одетые. Их внимательно оглядели старухи. У Музы ведерные крышки забрали, и она просто стояла у прачечной. Костя и Толя Цуиков ушли в подъезд, чтобы подняться на крышу. Во дворе

появилась техник-смотритель Фокасьева. Размахивая папирасой, сказала Глебке:

— Тетка звонила — интересуется, как живешь.

Посетителей к Соне Петровне не пускали. В институте питания был объявлен карантин, потому что в городе эпидемия гриппа.

— Лучше всех живу, — ответил Глебка Фокасьевой.

— Я его истязую, — сказала Катя.

— Неправда! — возмутился Глебка.

— Ты сам только что бегал по двору и орал.

С крыши кричал Толя:

— Вы там готовы? Можно начинать?

— Начинайте! — распорядилась Фокасьева.

Полетели первые пласты тяжелого снега, расшиблись об асфальт. Гулко толкнулось по двору эхо и улетело обратно на крышу. Старухи разошлись: они не выносят шума.

— Вы мне окно в подъезде не разбейте! — крикнула Фокасьева прокуренным голосом. Она держала ладонь над головой, между пальцами — панираса, на кончике которой шевелились под ветром искры, и смотрела наверх, на крышу руководящим взглядом.

— Не волнуйтесь, техник!

Опять взорвались на асфальте снаряды, засветили осколки.

— Даешь еще! — радовался Глебка. Он жил сейчас полной жизнью.

— Ты москвичка? — спросила Фокасьева Катю.

— Нет.

Из подъезда пытался выскочить шустрый человек с тоненькой палочкой под мышкой. Он смешно вертел головой, прицеливаясь, когда бы ему выскочить. «Люди стали совсем нетерпеливыми, даже в пустяках», — подумала Катя. А она? Приехала на свадьбу подруги. Зачем?

— Жилец, осторожно, — сказала Фокасьева, — снег с крыши сбрасывают... За счастьем приехала?.. Жилец, я же вас предупредила... Или поступать куда-нибудь будешь?

— Не буду, — ответила Катя, продолжая думать о своем.

— Значит, за счастьем все-таки?

Жилец с тоненькой палочкой выскочил, и в этот миг завизжала Муза Тетеркина: Глебка пристегнул ей к уху прищепку. Катя сбегала, спасла Музу, привела Глебку.

С крыши теперь полетел снег и лед мелкими кусками. Видны были взмахи лопат... Из жэка пришли за Фокасьевой:

— Вас ждут в ремонтуправлении.

— Ты здесь покараулишь? — Фокасьева взглянула на Катю.

— Для этого и приехала, — улыбнулась Катя. — Специально.

— От причуд не отдохнуть. — Фокасьева глубоко затянулась папирасой и ушла.

Глебка радостно смотрел наверх, на взмахи лопат — ждал, когда снова полетят снаряды.

— Иди сюда. Встань возле меня.

Он послушно подошел, стал. Катя поправила на нем фуражку, отряхнула пальто. Глебка спросил:

— Ты сердишься на меня? — И заглянул Кате в лицо. — Сердишься? — повторил он обеспокоенно.

— Назови слово на букву «Д».

— Капитан Дик.

— Нет.

— Дыня, диван.

— Варьируй еще — вторая «У».

— Душло. В классе у нас учится.

— Нет. ДУРАЧОК, — сказала Катя ласково.

Глебка обиделся, отбежал на другой конец двора и оттуда по-мальчишески бескомпромиссно закричал:

— А ты... ты! Дворничиха!

Он кричал что-то еще, но не было слышно, потому что с крыши полетели самые большие снаряды... Началась канонада, от которой сотрясалась мостовая и которая так привлекательна для зрителей...

На следующий день Катя спросила Костю:

— Ты думал о жизни всерьез?

— Зачем? Я мусорный гений. — Костя улыбнулся.

— Надолго или эпидемия?

— Ты предлагаешь свой леспромхоз? Я подумаю, — Костя продолжал улыбаться. С каждым днем Катя нравилась ему все больше, и он не скрывал этого. Зачем скрывать? Он хотел, чтобы Катя поскорее убедилась в этом сама.

— Я работаю на звероферме. И ничего тебе не предлагаю.

Разговаривали они на кухне. Катя закончила мыть посуду. Костя перетирал посуду полотенцем.

Они стояли рядом.

— Тебя кто-нибудь обидел? Ну... в том крае, где солнца восход? — Костя спросил в своей шутливой манере, но Катя угадала в вопросе серьезность.

— С чего ты взял, что меня обидели?

— Показалось. — Костя был осторожен.

— Закажу себе «кенгуру» и уеду, чтобы не казалось.

— В «кенгуру» на звероферме! — Костя засмеялся. — На севере диком!

— В лоб получишь, — сказала Катя и щелкнула пальцем по тарелке, которую держал Костя.

— А за что?

— Я самолюбивая девушка.

— Ты говорила, что любопытная.

— Я — всякая. Пора усвоить.

Костя накинул полотенце Кате на плечи и тихонько привлек Катю к себе. Совсем близко смотрел ей в глаза, ждал в Катиных глазах ответного движения. Катя спокойно сказала:

— Ты забыл...

— Что?

— Я ничего тебе не предлагаю. Повесь полотенце на место — в танковых войсках должен быть порядок.

Катя вскоре ушла: она нанялась убирать квартиры. Костя тоже ушел: ему надо было встречать «Ивана — длинные руки» — механического уборщика снега. Костя взял красный флажок, поверх куртки надел жилет оранжевого цвета — отличительный знак дорожного рабочего.

Глебка сидел за столом на двенадцать персон один. Глебке было грустно. Вспомнил мать. Она о нем забыла. Живет далеко. И отец забыл. Между ними, как говорит тетя Слоня, происходит расхождение. Они друг друга перестали любить... Глебку они тоже перестали любить. И получилось — Глебка один на свете. Можно иметь и мать, и отца, и быть одному. Глебка это понял. Надо, наверное, обо всем молчать, и это называется личной жизнью. Участковый спрашивает у Глебки: «Как живешь-можешь?». Пенсионер Овражкин интересуется, успешно ли грызет гранит науки? Аида спрашивает: «Как дела, безразмерный троечник?» Катя гораздо лучше Аиды, она обыкновенная. И глаза у нее настоящие, не намазанные, и не губастая она, как Аида. Мама у Глебки тоже обыкновенная. Зовет ее Глебка Макси. Теперь Глебка один на свете, некому сказать Макси. Недавно Соня Петровна стукнула Глебку мокрым полотенцем, когда стирала. Мама не стукнула бы. Глебка совсем по-настоящему печально вздохнул, встал из-за стола, нашел в шкафу, сделанном из трех ящиков, ключ от теткиной квартиры, оделся и вышел во двор. Он слышал, как лязгает транспортером «Иван — длинные руки» и как подстраиваются к нему косматые грузовики. Пересек двор и вошел в парадное. Поднялся на лифте на шестой этаж, отпер дверь квартиры, снял пальто и, держа его в руках, направился к комоду, очень похожему по виду на тетю Слоню. На комод лежало глиняное яблоко. Глебка вынул из кармана деньги и положил в яблоко. Потом лег на ковер и накрылся пальто. Под голову приспособил отогнутый угол ковра.

В комнате было темно, страшно. Темнота пугает, потому что в темноте ничего не видно, а только слышно. Глебка терпел, не боялся: лежал на полу в безлюдной квартире. Хотелось уснуть, чтобы потерять страх, а то еще явится Джек Потрошитель или вспыхнет одинокий глаз и не поймешь, во что он вставлен — в одноглазого кота или вовсе не в кота. Но никак не засыпалось, а потом заснулось, и Глебка начал видеть и слышать. Это был сон. Во сне увидел и услышал Костю. Костя был в красной косынке, завязанной на затылке узлом, за поясом торчали рукоятки пистолетов, на широко расставленных ногах — сапоги-лодки. Поперек лица — длинные ровные усы, вроде Костя прижал верхней губой черный карандаш «Пионер».

Глебка проснулся — в комнате горел свет: над Глебкой стояла Катя.

— Как ты вошла? — спросил Глебка.

— Ты в дверях забыл ключ.

— Я хочу к маме.

— Где твоя мама?

— Она в расхождении с отцом.

Катя пожалела, что спросила, но разве ожидаешь подобного ответа? А в жизни всего надо ожидать. Старая, как мир, истина.

Глебка поднялся с пола.

Катя подошла к окну и посмотрела во двор: во дворе стоял Костя и, подняв голову, смотрел на их освещенное окно. Сзади ярко горело окно прачечной, освещало Костю. Глебка подошел к Кате и тоже посмотрел вниз. Костя стоял широко расставив ноги, за поясом торчал флажок, никаких пистолетов, никаких сапог-лодок и красной косынки, а на голове была разъехавшаяся старая ушанка.

— Костя мой первый друг, — сказал Глебка.

— Ты хорошо устроился.

— А ты? Ты его любишь?

— Конечно, — ответила Катя. — Иначе зачем я здесь?

Сказала и подумала: Глебка спросил серьезно и серьезно отнесся к ее ответу. А она ответила серьезно? Или так, как того хотелось Глебке?.. А ей самой как хочется? Если Костя набросит ей на плечи полотенце еще раз, что она сделает? Как поступит?

Катя отошла от окна, заставила Глебку надеть пальто, погасила в комнате свет. Спустилась вниз.

Кости во дворе не было. Катя и Глебка вернулись в дворницкую. Костя сидел и читал «Родную речь», пристроив ее к самому настоящему почтовому ящику, который стоял на столе.

— Почтовый ящик зачем носил в школу? — спросил Костя.

Глебка молчал, потом ответил все-таки:

— Я случайно его взял. Для смеха.

— А будильник?

— Чтобы его перепутали со школьным звонком.

— Ты коряво учишься, — продолжал Костя. — И непонятно, в каком ты классе — во втором или опять в первом.

Глебка молчал.

— Ты малограмотный.

— Я не малограмотный, — запротестовал Глебка.

— За кого я несу ответственность?.. Вы не знаете, Джамайка Апельсиновна? — Это Костя обратился к Кате. — Что за ребенок достался?

Катя и Глебка засмеялись, и что-то неуловимое, понятное только им двоим, объединило их. И они были счастливы этому.

— Спать хочу, — сказал Глебка Кате уже как первому другу.

Катя начала стелить в креслах постель, Глебка отправился умываться: дружба дружбой, а без мыла, очевидно, не обойтись...

Глебка укладывается в кресла, закрывает глаза. Катя поглаживает Глебку, чтобы он окончательно успокоился после дневных переживаний, и он успокаивается и засыпает с лицом безмятежным и безгрешным, откинув одну руку на подушку, другую протянув поближе к Кате. «Мальчику всегда нужна мать и всегда нужен отец, — думает Катя. — Закон природы». Катя смотрит на спящего Глебку и видит довольно отчетливо на руке, которую Глебка протянул поближе к ней, чернильное пятно. Обманул, не умылся как следует, рылкин.

Катя выключила в комнате свет, а это значит — уличный фонарь. Костя пристроился на кухне и опять читал «Родную речь».

— Готовишься наконец к воспитательной работе? Или к поступлению в институт освежаешь?

Катя разлила по чашкам чай. На столе появились хлеб, сыр и масло... Мокрой ложкой сделала на масле цветочек. Сказала:

— Не ты один умеешь.

Костя взглянул, одобрил и продолжал читать.

— Остынет чай и цветочек увянет.

— Ничего, что он лег голодным? — Костя закрыл «Родную речь» с таким почтением, как будто бы «Войну и мир».

— Детям иногда полезно. Он устал, хотел спать и поэтому капризничал.

— Кто его мать, как думаешь?

— Несчастливая женщина.

— Почему?

— Обрекла себя на разлуку с сыном.

— Я не люблю разлучаться, — сказал Костя.

— С кем?

— С дорогими мне людьми или ставшими дорогими.

— Ты это говоришь мне или его матери?

— Себе.

Катя замолчала. Костя не сомневался, что она обдумывала его слова.

— У тебя нет кованого балкона из Неаполя. Я люблю балконы даже на первом этаже, — сказала наконец Катя.

— Я его куплю.

— Его уже купили. Я видела.

— Кто?

— Эрмитажная вдова. Сказала, что приделает к даче.

Во дворе жила вдова по прозвищу «Эрмитажная». Она собирала антиквариат, но в отличие от Кости — подлинный.

— Я куплю тебе камин, — не сдавался Костя. — Хочешь? Коллеги из Воскресенска продают. Тоже кованый.

— Камин не хочу. Мне нужен балкон, — упорствовала Катя, — чтобы вытряхивать с балкона ковры.

— А дачу не хочешь к балкону? — съехидничал Костя.

— Ну, если продают коллеги... Впрочем, не хочу — я еще не вдова.

— Ты еще и не замужем, — рискнул напомнить Костя.

У Кати дрогнуло, напряглось лицо. Это длилось всего лишь мгновение. Но Костя все равно пожалел, что пошутил так необдуманно.

— Я не успела выйти замуж. Меня украли пираты! — Катя вновь улыбалась.

— Ты хочешь сказать, что я украд? — обрадовался Костя.

— А ты разве пират? — удивилась Катя. — Ты дворник.

Костя сник. Глянул в окно.

— Снег повалил. Завтра грести... В детстве я был робким, и мать заставляла меня подходить к прохожим и спрашивать — который час. Невротическое состояние зажатости.

— А ты откуда прибыл в Москву, бедненький такой, зажатый?

— Туляки мы. Пряники жуем. До сих пор люблю пряники.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Ее сестра звалась Наташа...

Не Татьяна, а именно Наташа. Так в первоначальном наброске нарек А. С. Пушкин героиню романа «Евгений Онегин». Почему впоследствии он изменил имя? Вероятнее всего, из соображений этики: ведь прототипом Татьяны была Наталья Дмитриевна Апухтина, дочь небогатого дворянина, владельца имения Отрада в Костромской губернии. Разумеется, документально это не доказано, и претенденток на ту, «с которой образован Татьяна милой идеал», предостаточно, но все же Апухтиной (в замужестве — Фонвизиной) следует отдать предпочтение. Не только потому, что ее биография почти полностью совпадает с жизнеописанием Татьяны.

У Апухтиной было неудачное увлечение приехавшим в костромскую глушь из столицы молодым человеком, отвергшим ее любовь, и она вышла замуж за более старшего по годам генерала М. Фонвизина, героя Отечественной войны 1812 года, переехала с ним в Петербург, где покорила свет своим умом, начитанностью, скромностью.

Верность супружескому долгу в романе заставила Татьяну отвергнуть любовь Онегина, верность долгу более высокого порядка заставила Наташу разделить участь мужа, сосланного в далекое Забайкалье за причастность к движению декабристов. Уж одно это говорит, что Пушкин не ошибся в выборе прототипа своей героини. А доживи автор до середины века, он узнал бы еще немало деталей, свидетельствующих о «прекрасных порывах» души Натальи Дмитриевны.

Недавно в Костромском государственном архиве обнаружен любопытный документ — «Мирской приговор» крепостных крестьян имения Отрада, в котором они всем миром слезно просят свою владелицу... не отпускать их на волю и владеть ими до конца жизни. Но в завещании оговорить, что после смерти Фонвизиной они должны перейти не к законным наследникам, а в разряд государственных крестьян. Появлению этого «приговора» предшествовало письмо Натальи Дмитриевны своим крестьянам, в котором она предлагала всем вольную.

В. ПАШИН

ШАГАЮЩИЙ ВЕЗДЕХОД

Евгений
КОЛЕЗЕВ

Фото
И. Розина

Застрекотал проектор, засветился экран...

Непривычного вида машина свернула с асфальтированного шоссе на проселок и, тяжело покачиваясь, двинулась вдоль речного берега. Но вот не устроила ее, видно, и проселочная колея. Подминая траву, машина повернула, к воде...

— Обратите внимание,— тронул меня за рукав Виктор Павлович Харлов.— До воды — метров пятнадцать камышовых зарослей...

Смотрю на экран. Колеса у машины исчезли, она брюхом легла на землю. И вдруг, тяжело ступая понтонами-башмаками, «пешком» двинулась прямо по камышу. Вот препятствие позади, и за машиной (хотя какая это теперь машина? Баржа!) вспенились легкие бурунчики:

заработали винты. Водная преграда форсирована, и снова стальные башмаки зашлепали по заболоченному берегу. И вот машина опять стоит на колесах.

Это кадры не из научно-фантастического фильма. Во-первых, место событий, снятых оператором-любителем, мне хорошо знакомо: берега нашей Исети. Да и в водителе не трудно узнать моего собеседника — слесаря Виктора Павловича Харлова.

— Знаете, как охотники выбируются, если попадут в камышовые дебри? — спрашивает Виктор Павлович.— Встаешь на нос лодки и кладешь шесты на камыши прямо по курсу. Как рельсы. Потом по ним остороженько ступаешь и тянешь лодку. Прошел всю длину шеста — снова в лодку и перебрасывай шесты вперед. Так и доходишь до чистой воды.

Этот принцип и положил В. П. Харлов в основу работы своей машины-болотохода. У нее три понтона. Два крайних намертво скреплены между собой платформой, которая служит как бы крышей для третьего, среднего. С внутренней стороны крыши-платформы укреплены швеллеры, а на среднем понтоне — катки. Когда крайние понтоны стоят на земле, служа опорой, средний, приподнявшись, по швеллерам выдвигается вперед. А потом опускается на землю и принимает на себя вес машины. Тогда боковые понтоны, в свою очередь, поднимаются и по роликам перемещаются вперед. Потом снова выдвигается средний понтон, и опять — крайние. Так машина шагает.

Умение болотохода шагать Виктор Павлович демонстрирует на модели. Он хранит ее как реликвию. Благодаря ей слесарь Харлов получил авторское свидетельство на механизм шагания. С ней Виктор Павлович пришел на прием к предсе-

дателю Госплана СССР. Это под ее неуклюжее топанье Николай Константинович Байбаков первым из членов коллегии Госплана проголосовал за создание рабочего образца харловского вездехода.

Машина должна идти не туда, куда ее пускает дорога, а куда нужно. Катить по асфальту. Плыть по реке. Шагать по непроходимой топи. Таким и строился рабочий образец шагающего вездехода конструкции Харлова, который должен был испытываться в Тюменской области.

Испытания не состоялись: в самый последний момент вышел из строя один из двух двигателей болотохода. Пускать вездеход в топь на одном дизеле изобретатель не рискнул. Члены комиссии понимающе вздохнули и разошлись. А обескураженный Харлов решил уйти на «осрамившейся» машине с глаз людских подальше, к дому поближе.

Путь-дорога по реке Туре и по Тоболу и стала настоящим испытанием для харловского болотохода. На одном сорокасильном дизеле машина шла по реке со скоростью 15 километров в час. На Туре много наплавных мостов. Вездеход обходил их, к великому восторгу окрестных ребятишек, прямо по суше. На ночевки Харлов загонял машину в непролазные камыши. И хоть бы раз закапризничал вездеход!

Был и второй рабочий образец вездехода, который испытывался в гиблых сургутских болотах. 17-тонный болотоход «Сибирь» мог везти по шоссе до 20 тонн груза, а скорость его шагания по болоту с грузом в 15 тонн достигала трех километров в час — рекордный показатель для шагающих машин! Испытания продемонстрировали и другие достоинства болотохода. Он разво-

рачивался практически на одном месте. Но, в отличие от гусеничных машин, не портил плодородный слой почвы.

Вспоминает Виктор Павлович такой случай. Во время пробных испытаний «Сибири» в окрестностях Тюмени пришлось ему однажды «прошагать» на вездеходе по кромке картофельного участка. Вечером Харлов все сокрушался: «Надо же, сам всю жизнь огородишко держу, а тут попортил человеку урожай!» Наутро отправился Виктор Павлович на поиски хозяина огорода: откупаться, извиняться. Пришел за город, глядь — а картофельная ботва на участке стоит как ни в чем не бывало. Слово и не прошагала здесь накануне двадцатитонная громада!

Сейчас изобретатель-самоучка из Каменска-Уральского работает над третьим рабочим образцом болотохода.

— Новая модель предназначена для перевозки пассажиров и небольших грузов, — говорит Виктор Павлович. — Размером она с микроавтобус. Скорость движения по шоссе будет такая же, как у автомашин этого класса. А вот по болоту вездеход зашагает быстрее — до 12 километров в час.

После пробных испытаний новый рабочий образец будет представлен техническому совету одного из уральских автозаводов.

МАРШАЛ И МАСТЕР

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

В техническом журнале, выходящем в 1920 году в Екатеринбурге, было опубликовано рекламное сообщение: «Новый способ печатания при помощи стекла. Первая в России стеклографическая мастерская и лаборатория изготовляет и продает за наличный расчет или по товарообмену множительно-копировальные аппараты «Стеклограф». И далее объяснялось, что без стеклографа не может существовать никакое учреждение или предприятие, торговая фирма. Кроме размноже-

ния копий канцелярских документов, на стеклографе можно печатать чертежи, этикетки, бланки, рисунки, плакаты, ноты и даже книги. Если оригинал выполнен тщательно, то оттиски ничем не отличаются от литографической и типографской работы. И даже цветное печатание на стеклографе возможно, утверждала реклама...

Как же так: стеклография столь заманчива... и забыта? Впрочем, новейший политехнический словарь этому способу печати уделил внимание. Значит, он имеет не только историческое значение.

Изобретение, сделанное на Урале, в Екатеринбурге... Как она рождалась — полузабытая стеклография?

В журнале «Серп и молот» за 1920 год (он тоже выходил в нашем городе) я прочитал статью Б. Аронштама, которая рассказывает об уральской стеклографии. Действительно, не для красного словца было сказано в рекламном объявлении о том, что стеклограф изобретен в Екатеринбурге. Автор журнальной статьи, очевидно, был знаком с изобретателем, он указал на то обстоятельство, что изобретатель — не химик, и удивлялся, как же он при этом сумел подобрать слой реактивов, наносимый на стекло в качестве печатной формы.

Среди старых журналов в библиотеке Свердловского историко-революционного музея обнаружился необычный журнал. Его выпустили в свет в 1922 году педагоги и ученики первой советской школы II ступени им. Некрасова в Екатеринбурге.

Сей рукописный журнал «Электричество и природа» тиражировался на стеклографе. Значит, подумал я, стеклография в трудные времена после гражданской войны помогала делу просвещения. Наверняка можно и еще отыскать вещи, напечатанные на стеклографах в 20-е годы.

Через какое-то время мои знания об изобретателе стеклографа пополнились... Уральский краевед Ю. М. Курочкин показал проект двух свердловских энтузиастов, в котором они почти полвека назад предлагали обрабатывать землю без тракторов — с помощью передвигающейся по рельсам металлической конструкции, оснащенной орудиями земледелия. И одним из авторов этой новаторской сельскохозяйственной машины был Николай Владимирович Романов. «Это и есть изобретатель стеклографа», — сказал мне многознающий ураловед. Вот, значит, как: Романов — изобретатель-универсал? Тем более надо собирать материал о его жизни...

О моем поиске случайно узнал москвич, полковник в отставке Д. П. Старков. В начале 30-х годов он был членом Уральского областного совета Всесоюзного общества

изобретателей, интересовался историей уральской техники, а после войны работал в штабе Уральского военного округа и печатал в газетах заметки об уральских умельцах. И он рассказал такую историю.

Командующим войсками Уральского военного округа был Георгий Константинович Жуков. По утрам он обычно просматривал свежий номер «Уральского рабочего». Так было и в тот, запомнившийся полковнику день. Старков вошел в кабинет маршала для доклада. Завидев офицера, Георгий Константинович снял очки в простенькой металлической оправе (знаменитые тем, что в них он подписывал исторический акт о капитуляции фашистской Германии). Постукивая дужками по газете, маршал сказал: «Талантливейший народ живет на Урале! Вот взять, к примеру, описываемого вами изобретателя Романова. Самоучка, а утвердил наш «отечественный» приоритет в области стеклографии!..»

Случилось так, вспоминает далее Д. П. Старков, что в тот момент в моей папке лежало письмо, в котором говорилось о болезни автора стеклографии и о том, что ему следовало бы помочь. Жуков прочитал письмо и тут же дал соответствующее указание начальнику медицинской службы. Вскоре замечательный уральский мастер, опередивший ученых в разработке оригинального способа печати, поправил здоровье в Сочи. Было ему в ту пору 65 лет...

Оказывается, будучи еще рабочим частной типографии, Романов в 1915 году получил патент на стеклограф и сам изготовил первые сто множительных аппаратов, которые оказали услугу революционному подполью. Активный участник гражданской войны на Урале, член партии с марта 1917 года, большевик Н. В. Романов был одним из организаторов типографии «Уральский рабочий». А всевозможных изобретений и рационализаторских предложений в его активе было более сотни!

Поистине недремлющим было чутье маршала Жукова на народные таланты! Он моментально, по-военному сориентировался, когда речь зашла о настоящем мастере, и помог ему.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ...

Тамара
ЧИНАРЕВА

Рисунок
Розы Атлас

«...ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ С КАШТАНОМ И ЕГО ХОЗЯЙКОЙ НАТАШЕЙ ТОМИЛОВОЙ?» ТАКИМ ВОПРОСОМ ЗАКАНЧИВАЛИСЬ ПОЧТИ ВСЕ ПИСЬМА, ПРИШЕДШИЕ В РЕДАКЦИЮ ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ ОЧЕРКА «СКОЛЬКО СТОИТ ЛОШАДЬ?» («УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» № 6, 1982 г.)

АВТОР ОЧЕРКА ЖУРНАЛИСТ ИЗ ХАБАРОВСКА ТАМАРА ЧИНАРЕВА ПРОДОЛЖАЕТ СЕГОДНЯ РАССКАЗ ОБ ЭТОЙ УДИВИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ.

Вот несколько строк из письма молодого ветеринарного врача Валентины Тереховой, живущей в поселке Павлово-на-Неве: «Девушка купила лошадь в личное пользование. Мне хотелось бы узнать, действительно ли это так. Или эта статья — плод фантазии автора?» Сомнения Валентины Тереховой меня не удивили и не обидели. Так случилось, что в наш век мы не удивляемся покупке автомобиля. Если же человек завел обезьяну, попугая какаду или американских лягушек, мы смотрим на него, как на чудака. Ну, а если человек взял и купил лошадь — это факт на грани фантастики. Купил бы еще житель сельский, по профессии, к примеру, агроном, а тут — городской, да еще музыкант по профессии, да еще девушка к тому же — просто уму непостижимо. И тем не менее (отвечаю сразу всем адресатам, которые усомнились в достоверности событий очерка «Сколько стоит лошадь?») Наташа Томилова три года назад, будучи студенткой Хабаровского института культуры, купила настоящую лошадь породы русский рысак. Во дворе своего дома она построила для лошади отличную конюшню, с лета заготавливала сено, в зиму Каштана подковывал кузнец, который специально приезжал из села Воздвиженка Уссурийского края. Кузнецов, способных подковывать лошадь, в окрестных селах не было. Профессия эта из наших сел ушла в прошлое вместе с лошадьми. В общем, все, о чем рассказано было в том очерке, правда. Сами по себе события, связанные с покупкой лошади и ее жизнью в городе, настолько удивительны, что в фантазии автора не было решительно никакой необходимости.

Еще одно письмо, от бухгалтера из Донецкой области Зименко Е. И. Письмо это меня взволновало, и вот почему. «Меня с детства поражала грациозность лошади и ее изящество, — пишет автор письма. — И как я была бы счастлива, если бы имела возможность вот так, как Наташа Томилова, каждый день радоваться встрече с лошадью и знать, что она меня понимает».

Больше всего мне не хотелось бы, чтобы у Наташи Томиловой появились романтические последователи, молодые городские жители, которые, отказываясь

от туфель, джинсов, студенческих завтраков даже, начали бы копить деньги для покупки своей лошади. «Чтоб каждое утро видеть ее и чтоб она тебя понимала». Держать лошадь в городе — очень трудно, если не сказать другого слова — невозможно.

События развивались так, что мне захотелось написать небольшое продолжение к прошлогоднему очерку и рассказать, что же было дальше.

В очерке «Сколько стоит лошадь?» мы расстались с Каштаном зимой. Зимой трудной. В конце лета было большое наводнение, из берегов вышел не только Амур, но и маленькие речки и даже крохотный безобидный ручеек, который, сколько Наташа его помнит, прятался возле дома в овраге, заросшем лопухами и репейником. В один момент он вскипел, взобрался на пригорок к дому Томиловых, отшвырнув в сторону ветхий бревенчатый мосток, распахнул калитку, промчался под брюхом опешившего Каштана и, подхватив две копы золотого душистого сена, умчался дальше.

Наташа, не щадя своих пальцев музыканта, бродила по городским клумбам и косила прихваченную первыми морозами траву. Она мало была похожа на сено, эта трава. Добродетельные люди в одном совхозе пожалели и выписали два мешка комбикорма. Это мало успокаивало, потому что комбикорм для взрослой лошади все равно что манная каша для взрослого человека — на обед, на завтрак и на ужин. На овес надежды не было. Той трудной зимой каждый грамм овса был на счету в совхозах. Вот на чем заканчивался очерк.

Минувшая зима в Хабаровске была морозная, снежная, не в пример зиме во многих городах средней полосы. По самые окна замела она дом Томиловых, чуть ли одного роста с калиткой вырос сугроб во дворе. Снег на крыше, снег на ступеньках крыльца и на почтовом ящике. Ни тропинок, ни следов. Кроме ветра, в доме этом не бывает никто. Это

ветер пробрался сквозь щели на чердак, разворошил сено, разбросал соломинки по снегу. Промчатся на санках дети, посмотрят на двор, в котором так недавно жил замечательный конь Каштан с белой звездой на лбу, пожалеют: «И зачем он уехал в деревню, вот бы прокатил на санях или верхом...»

В конце лета Наташа Томилова вместе с мамой, лошадью Каштаном, двумя собаками, стареньким пианино, немногочисленной мебелью и посудой переехала на постоянное жительство в деревню. Из-за лошади. А скорее, ради лошади. Во всяком случае недоумевающим соседям Наташина мама так и сказала: «Куда же деваться, если у нас лошадь...»

Наташа уволилась из института, где была концертмейстером, вокруг ее заявления все долго охали и ахали, приговаривали и отговаривали: «Это надо вовсе головы лишиться, чтобы с высшим музыкальным образованием поехать в деревню, даже ради лошади...», но потом смирились, сошлись на мысли, что давно от нее этого ожидали. Проводили тепло, подарили пластинку, написав на конверте одно-единственное слово: «Возвращайся!». Важное для нее слово. Человеку обязательно надо знать, уезжая, что у него есть друзья.

Идея — переехать в деревню — витала в воздухе давно. Возникла она в первый же год, когда была куплена лошадь. Город не приспособлен для жизни лошадей. Это Наташа поняла сразу. В голове рисовался образ деревни, далекой, с широкими дугами за околицей, на которых среди клевера и ромашек пасутся кони. Окрест Хабаровска таких деревень не было. Это Наташа знала точно, когда ездила по ним в поисках кузнеца.

Было в этих деревнях всего много — коров и свиней, кур и теплиц со стеклянными крышами, под которыми зимой цвели огурцы. Кони встречались не во всех деревнях. А если встречались, то чаще старые, тощие, беспородные. На них пастухи пасли коров в

летних лагерях, или жили эти лошади при каком-нибудь дяде Пете, в прошлом старом кавалеристе, а нынче пенсионере, и использовались для разных хозяйственных нужд — привезти молоко в детский сад или несколько вязанок дров из одного двора к другому. Наташе Томиловой были нужны единомышленники. Встречалось много хороших людей, приходили, интересовались лошадью, некоторые приносили Каштану гостинцы — морковь, сахар, пакеты овсяной крупы. Они любовались лошадью как солнцем, опускающимся на закате в реку, как трогательной еловой шишкой, неожиданно возникшей на ветке. Они видели в Наташе «чудачку» и не годились в единомышленники.

А единомышленники были. Жили они далеко. Время надо было для того, чтоб найти друг друга.

Света Грошева работала конюхом в цирке. Свою лошадь иметь у нее не было возможности, потому что она ездила по стране с цирковым аттракционом абхазских джигитов. Чистила лошадей, кормила, прогуливала на полустанках, заплетала в косички гриву перед выходом на арену. Света и Наташа Томилова чуть не встретились в Хабаровске в маленьком цирке «шапито». Они были в нескольких шагах друг от друга. Наташа, которая не пропускала ни одного конного аттракциона и всех лошадей знала по именам, сидела в первом ряду, а Света стояла возле самой арены. Их разделяло всего несколько шагов. Людей, которые искали друг друга. Но представление кончилось, цирк уехал, а Наташа осталась.

В маленьком портовом городе жила бывшая спортсменка — наездница Марина. Она переживала трагедию. Перед поездкой на ответственные соревнования в Италию ее попросили объездить одну своенравную лошадь. Чужая лошадь ее понесла и на третьем круге, разъяренная, сбросила, дважды наступив копытом. С шестью серьезными переломами наездница была доставлена в боль-

ницу, откуда выписалась только через несколько месяцев. Врачи категорически запретили ей заниматься конным спортом. Марина со слезами прощалась со своим верным конем Бассейном и друзьями по Тимирязевской академии. Она навсегда уехала из шумной Москвы в тихий маленький городок.

Главным действующим лицом во всей этой истории, пожалуй, был все-таки председатель одного дальневосточного совхоза. Могучий усатый мужчина; потомок донского казака. Лошадей любил с детства.

Хозяйство, которым руководил этот председатель, не было передовым. Средняя ферма, большие картофельные деляны, немного овощей. Вот, собственно, и все. Несколько беспородных лошадок бродили по селу, радуя глаз председателя. Летом он ездил на лошадях по полям. Односельчане относились к этому с улыбкой. Все председатели ездят на «волгах» и «газиках», а этот по-старинному — верхом.

Случилось как-то дальневосточному председателю поехать на совещание. Проходило оно где-то в средней полосе. В первый день — выступления да доклады, а на второй — поездка в один из пригородных совхозов. Местный председатель встретил коллег душевно и, что называется, с порога сказал: «Прежде всего покажу мою конеферму...» Гости стали возражать: «Зачем нам твоя конеферма?! Мы опыт перенимать приехали в передовое хозяйство. А кони дело десятое, их в хозяйствах наших и близко нет...» Но председатель стоял на своем: «Зачем мне вам коров да свиней показывать, когда именно кони вывезли совхоз в передовики. Я когда начинал, тут одни развалины были...» Как зашли в конюшню, так и заболело сердце у дальневосточного председателя. Вспомнил он боевых коней, вспомнил сказочных лошадей своего детства, которые веселыми табунами носились в донских степях. И появилась у него мечта — завести конеферму в своем хозяйстве.

Чтоб вот так же, с гордостью можно было пригласить: «Давайте я покажу вам своих коней...» Но мечта мечтой, а совхоз специализировался на выращивании картошки. Кони никак не вписывались в планы хозяйства. И вдруг неожиданно, когда собрались председатели совхозов в управлении сельского хозяйства, было сделано долгожданное предведение — кто возьмется за разведение лошадей? Конечно, председатель наш прежде других сказал: «Я». Ему выделили средства, он построил на них большую конюшню, отгородил по ту сторону дороги напротив села громадный конный двор, собрал тощих лошадок, бродивших по деревне, и отвел каждой стойло в новой конюшне. Дело встало за специалистами. Тут не подходили люди случайные. Которые лишь бы работали. Разведение лошадей — дело новое. Или очень забытое старое. Не знаю, как будет точнее. Но нужны люди, которые бы относились к делу со всей душой. Таких искал председатель. Но было бы дело, а энтузиасты найдутся. В этом дальневосточном селе они собрались все вместе — председатель, бывший цирковой конюх Света Грошева с мужем, шофером по профессии, лошадиником в душе, мастер конного спорта Марина с лошадей Бассейном, музыкант Наташа Томилова с Каштаном. Я не называю сегодня точного адреса этого села по просьбе Наташи. Дело только начинается, и не пришло еще время для писем и гостей.

Наташа Томилова работает теперь конюхом. Работой довольна. После маленькой конюшни во дворе городского дома совхозная показалась ей дворцом. Просторная, с лампами дневного света под потолок. Во дворе — сани и брочки.

Уже завезли шесть породистых лошадей. Заведующая конефермой Марина ездила покупать их на ВДНХ. Станет зима помягче, прибудет еще партия лошадей. А по весне, едва растает снег, начнется строительство манежа. Предполагается, что сначала бу-

дут выращивать хороших лошадей для хозяйств края, а в перспективе в совхозе предполагается развивать молочное и мясное направление. Так что будет и ку-мыс.

В одном из загонов стоит Наташин Каштан. Совсем взрослый. Полведра овса съедает на завтрак. В деревне ему хорошо. Сена, комбикорма, просторных снежных полей — всего вдоволь. У лошадей тоже случаются маленькие тайны. Потому им, как и людям, плохо жить в одиночестве. «Хорошо, когда тебя понимают!» — мне показалось, что это сказал Каштан. Потому что рыжий конь долго кивал в ответ и его рыжая челка разлеталась в разные стороны.

Наташа живет на краю села в обычном деревенском доме. В сенях — крупные поленья осиновых дров. В кухне — большая печка. Знакомое черное пианино в комнате у окна. Конечно, Наташа немножко страдает. В городе лошади и музыка уживались в ее жизни на равных. Здесь, в селе, в момент, когда конеферма только начинает обживаться, для музыки места остается меньше. Ведь и профессия теперь Наташина — конюх. И все-таки как в городе прибежали к ней дети окрестных улиц посмотреть на лошадь, прибегают теперь ребятишки учиться музыке. Учитель музыки в селе пока большая редкость. И звучит в доме на краю села пианино. Вечером, если у Наташи нет ночного дежурства в конюшне.

А ранним утром, раньше солнца, когда жителям городским еще снятся сны, начинается для Наташи новый трудовой день. Она дает лошадям сено и воду, расчесывает хвосты и гривы, чистит щетками и скребками. Потом выводит на белый бесконечно просторный двор, взбирается на стройного рыжего коня и скачет. Стучат копыта: «Та-та-там! Та-та-там!». Музыка. Галоп. И солнечный восход навстречу.

Обсуждаем «ЦВЕТ РЕПЕЙНИКА»

Жестокость противоестественна!

Ваш журнал — для детей и юношества. Я — взрослый человек, но думаю, что и мне писать не возбраняется. Прочитала «Цвет репейника», где разным людям дана возможность высказать свое отношение к проблемам нравственного становления юного человека.

Очень меня заделали ответы студентов юридического института на вопрос редакции: надо ли судить за жестокое отношение к животным? Они рассматривают жестокость подростков как безбидную забаву: это, мол, возрастное, это пройдет... Пройдет ли?! Сегодня мальчишка вообразил себя охотником и избивает несчастных животных, а завтра что он будет делать, если уже заражен микробом насилия и почувствовал безнаказанность? Не из таких ли вырастают преступники или люди с патологическими изменениями в характере?

Бездомные животные и так несчастны. Если не можешь ничем помочь им, так хоть накорми — ведь ты же человек! Как можно мучить ту же собаку, бесконечно преданное, благородное создание? Кидаясь спасать хозяина, она погибает сама. А погиб ли хоть один хозяин, спасая собаку? Собака умирает от тоски по хозяину, но ни один хозяин еще не умер от тоски по своему четвероногому другу...

Очень прошу вас, печатайте побольше материалов о любви к животным, о жалости к ним, о том, что человек должен быть умнее, добрее. Душа ребенка не успела очерстветь, доброе слово дойдет до нее.

В. МЕЛЬНИКОВА,
Свердловск

И к старшим, и к себе — уважение!

До сих пор некоторые люди, будучи абсолютно трезвыми, то есть полностью себя контролирующими, сквернословят, не стесняясь никого окружения. Особенно возмуща-

тельно, когда брань исходит от совсем молодых людей — кажется, у них нет никакого понятия о таком веками выработанном обычае, как уважение к старшим.

Ехал я как-то в автобусе. На заднем сиденье сидел здоровый лохматый человек лет двадцати. Рассказывая о чем-то своему приятелю, он не стеснялся в выражениях. Я сделал ему замечание, и между нами завязался такой диалог:

— Заткнись, мужик, а то я доведу тебя до кондиции...

— Заткнуться-то, орел, тебе надо: тут женщины, дети.

— Где ты вылазишь? Мне ни черта не дадут, если тебе врежу, а ты поскрипишь годок-другой и развалишься.

Хулиган был, безусловно, сильнее меня, но настолько отвратительна была эта наглая агрессивность, что я назвал остановку. На остановке вышли. Не знаю, чем бы мы кончили, парень уже двинулся ко мне... Приятель схватил его за плечи: «Оставь!.. Он же тебе по годам отец!»

Нецензурная брань становится привычкой многих, даже, как потом узнаешь, неплохих людей.

...Лет пять назад я прочел книгу воспоминаний о жизни одного старого большевика. Запомнился такой приведенный в ней факт: в Австралии за брань при женщине в обществе суд наказывал каторжными работами... В книге А. Васильева «Мост через Босфор» Исмет Инену вспоминает, как он, уже будучи корпусным генералом, навестил отца, простого по положению в обществе человека, — будущий лидер Турции не смел даже в его годы закурить при отце...

Как это разнится с тем, что происходит у нас в последнее время, а ведь рассказывают старики, что и у русских существовало большое уважение к старшим, и боялись отроки, как бы не заполучить о себе от мира дурную славу...

В. ВОЛКОВ,
Тюмень

Человек был на пределе...

На классном часе мы прочли статью «Чужая боль» из «Цвета репейника». Она вызвала у нас споры: одни обвиняли Женю, другие — Таю,

третьи — родителей. Я тоже осуждаю Женю, его преступление бесчеловечно. Но понять его можно, бывают такие минуты у человека, что он готов на все. На мой взгляд, Женя был на пределе... Прежде всего, толкнули его на этот шаг сами родители. Как они могли оставить мальчишку и уехать? Ведь у него переходный возраст, ему внимание необходимо... Даже не попытались заглянуть в душу своему ребенку — вот так родители!

Только рядом с Женей были и другие люди. С кем-то он общался, разговаривал, сидел за одной партой. Мог быть выход в этой истории, если бы в нужную минуту нашлись рядом настоящие товарищи, ребята по училищу — как можно было никому-никому не увидеть его одиночества?!

После этой статьи весь мир показался жестоким. Так горько оттого, что возможно такое...

Людмила ЛУНЕВА,
Донецк

Пишет вам группа юношей и девушек, нам по семнадцать лет. Мы потрясены историей Жени, про которого рассказал очерк «Чужая боль».

Но вот осуждают родителей Таю и Жени. Упрекают их в том, что они погнались за деньгами. А как же иначе? Сейчас все недешево: свадьбу играть — деньги нужны, и немалые; квартиру детям достать — тоже дорого... И каждая мать хочет, конечно, видеть своего ребенка хорошо одетым, а размеры у нас большие, не по детским ценам покупаются. И почему же нельзя заиметь колечко, когда сейчас — уже в третьих — четвертых классах — смотришь, девочки серьги золотые носят...

Мы не говорим, что родители во всем правы, но надо ли их обвинять в том, что они хотели заработать как можно больше денег?

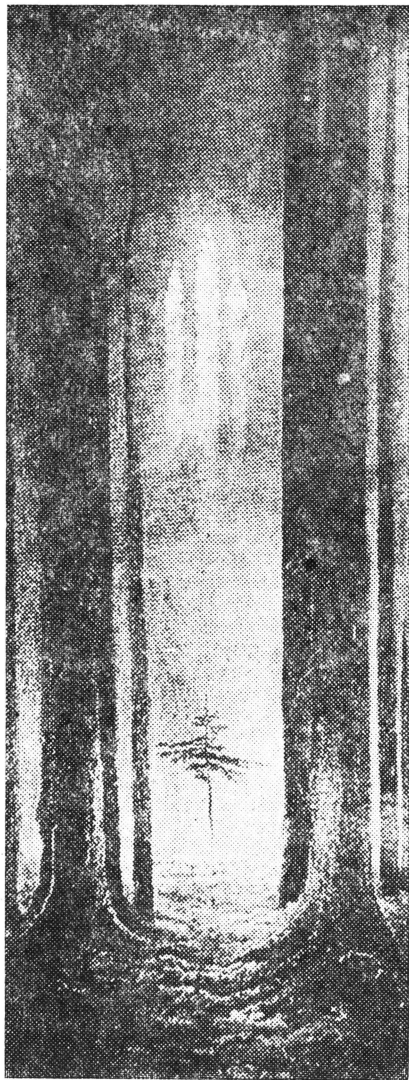
Поместите наше письмо в журнал. Может быть, в чем-то мы не правы?

Группа юношей и девушек,
Ишимбай

Птица- радость

**Виктор
КЛОЧКОВ**

Вряд ли найдется человек, не слышавший о «Джоконде»... Ее изображения, размноженные миллионными тиражами газет и журналов, перенесенные на майки, пакеты, рубашки, мелькают повсюду. Гениально, божественно... Таково отношение к признанным шедеврам.

Зато на своих современниках публика отводит душу, к ним она строга: «Не Рембрандт...» И это ее право, ибо от нового имени в искусстве публика всегда ждет откровения, глубокого проникновения в суть всего, волнующего человека.

Но талант редок...

На выставку художника Константина Васильева не зазывали афиши с аршинными буквами, на ней не предлагали красочных каталогов и буклетов. Талант редок, но он не нуждается в рекламе.

Первой у входа висела картина «Жница». Девушка с серпом и венком васильков на голове обняла белоствольную березку. На недожатую полоску поля спускается вечер. Картина эта держит, не отпускает от себя. Будто художник материализовал в ней мечту о женщине-матери, взрастившей нас, о любимой, которой мы хотели бы поклоняться всю жизнь, — и что-то есть в этой мечте завещанное предками — древними русичами. «Жница» — поэтический образ славянки. Сверхается большое волшебство искусства: открывается мир блистающий, живущий по законам гармонии и красоты, мир, в который ведет за руку настоящий художник...

Картин было много. В одних Васильев, что называется, нарапашку, в других — остро полемичен. Как же мы богаты, если у нас где-то на окраинах, без художественной среды и пригляда семи нянек, расцветают буйные и прекрасные в своей первозданности таланты! По городам и весям растут и мужают, удивляя не «измами», а глубоким проникновением в самые корни русского народа, в самое святое славянской души...

Художник Константин Алексеевич Васильев родился в занятом немцами Майкопе, в 1942 году. Отец его, бывший боец Чапаевской дивизии и старый коммунист, ушел в годы Отечественной войны в партизаны. Отряд, которым он командовал, наводил ужас на фашистов. За его голову была обещана крупная награда; за его семьей, с только что родившимся сыном, охотилось гестапо, и семье пришлось много скитаться. «Я — сын Отечественной войны, — скажет про себя Константин Васильев, — и я в неоплаченном долгу перед отцом и его поколением».

Лесная готика

Фредерик Шопен

В 1944 году они переехали в небольшой поселок под Казанью, называемый по странному совпадению — Васильево. Здесь глава семьи стал работать инженером лесокомбината. Родители хотели видеть сына инженером. Но уже в раннем детстве у Кости выявилась склонность к рисованию, и не было для него большей радости, чем забиться в уголок с цветными карандашами и поверять бумаге свои первые впечатления от окружающего мира. С первыми своими рисунками Костя бежал к отцу. Отец был широко образованным человеком, много читал, хорошо знал немецкий язык. От него впервые Костя услышал сказки Пушкина, стихи Гете, от него заразился на всю жизнь страстью к музыке. «Отец был для меня главным человеком».

Это отец повез Костю в столицу, на выставку картин из Дрезденской галереи. Потрясенный мальчик в оцененении простоял несколько часов перед «Сикстинской мадонной» и никак не мог поверить, что это всего лишь картина, что плутоватые мальчишки с крыльшками нарисованы, а не живые, что тетья, называемая странным именем «мадонна», с младенцем на руках, никогда не спустится с облаков... Отцу пришлось силой увести его от картины.

Он рос, как все мальчишки: лазил по деревьям, играл в казакоразбойников, бегал в лес за грибами и ягодами и приходил домой поцарапанный, с разорванными штанишками. Но бывало и так, что Костя отделялся от шумной ватаги и бежал домой, где у него в заветном месте была спрятана малая Третьяковская галерея: репродукция, вырезанные из «Огонька». Ему было тогда восемь лет.

Родители понимали, что у мальчика художественные способности, что ему нужны наставники.

И когда в 1954 году «Комсомольская правда» объявила о конкурсе в Московскую художественную школу-интернат имени И. Е. Репина, отец тайком от сына, вовсе не рассчитывая на успех, послал рисунки в редакцию. Приемная комиссия высоко оценила дарование юного художника из поселка Васильево: четверо было отобрано из семисот претендентов, в том числе — Костя. Так в двенадцать лет Костя Васильев уехал из родного дома в Москву.

Едва устроившись на новом месте, он отправился в Третьяковскую галерею — на встречу с подлинниками картин, любимых с детства и знакомых по «Огоньку». Дня не проходило, чтобы он не наведился туда. Вскоре Костя почувствовал себя в Третьяковке вполне своим человеком, у него появились любимцы: полотна Васнецова, Нестерова, Сурикова, Репина...

Незаметно пролетел первый год учебы в столице. Долго думал Костя: что купить в подарок родным из Москвы, и... выбрал пластинку с музыкой Баха.

Проснувшись рано утром в родном доме, он выскочил во двор и остановился, пораженный увиденным. Устроившись так, чтобы его не увидели соседские мальчишки и не задрезали потом «художником», Костя с упоением принялся рисовать двор.

Итак, Косте Васильеву повезло. Несколько лет учебы в художественной школе, затем бы — академия, выставки, признание, почетные заказы... Все это могло быть таким реальным, все это должно бы-

Иоганн Себастьян Бах

Дмитрий Шостакович

ло быть у него... Однако природа одарила его талантом, а талант — это не столько торжество, сколько мука вечного поиска и постоянного неудовлетворения.

В школе учили академическому рисунку, требовали точности, прорисовки каждой детали. А Костя уже переполнял замыслы один грандиознее другого, и он безостановочно рисовал, рисовал... Закончив очередную картину, с горечью убеждался, что опять получилось не то, что задуманное было гораздо ярче... Яростно скрежеща зубами, он замазывал написанную картину и плакал от бессилия. Он искал помощи у своих педагогов. Но те твердили, что он берется за непосильную задачу, предлагали научиться прежде основам мастерства. Нет, нельзя сказать, что педагоги не замечали яркого дарования мальчика — наоборот, они изо всех сил хотели помочь его становлению. Сам Васильев признавал: «У меня были прекрасные педагоги, я благодарен им за их попытки уберечь меня от ошибок».

Пятнадцатилетний Костя Васильев призвал на помощь абстракционизм. Нет, не нашел он в гармонии цветовых пятен ответа на мучившие его вопросы. Так бывает со всеми. Только вот Костя из-за этого школу бросил. Так и не смирился он, что в школе надо рисовать одно, а после школы — другое...

Домашние обрадовались возвращению сына, хотя и не обошлось без неприятных объяснений. Надо было думать о продолжении образования. Но рисункам, представленным в Казанское художественное учили-

ще, Костю Васильева приняли сразу на четвертый курс отделения художников-декораторов. Но здесь воспротивились родители: он был еще очень юн... В конце концов его зачислили на второй курс, и даже там Костя оказался самым младшим.

— Осенью 1958 года в нашей группе появился студент Костя Васильев, — вспоминает его соученица по училищу Ирина Родионова. — Новичок держался замкнуто. Уже на первом занятии поразил нас тем, как фантастически быстро рисовал... На что у нас уходило часа три-четыре, он делал минут за тридцать...

А вот что говорит о Васильеве учительница литературы Ю. С. Елизарова:

— Костя как бы дремал все время... Но это было обманчивое впечатление. Стоило зайти разговору, который его занимал, как он сразу преображался. Помню, мы проходили «Слово о полку Игореве». Как его увлек образ князя Игоря!.. По его просьбе я составила список литературы на эту тему, достала ему литературный портрет князя Игоря. В Косте Васильеве вообще был замечен интерес к Древней Руси, к истокам славянства.

Он по-прежнему живет в Васильеве, и ежедневно тратит на дорогу до училища часа по три. Но в молодости все ни о чем. И это время не уходит у него даром: достав томик Бунина или Достоевского, Костя на несколько часов углубляется в чтение.

В эти годы ему удается все. Казалось, совсем недавно занялся японской живописью и вскоре на спор с друзьями расписал дома печку сценками из японской жизни.

Вольфганг Моцарт

ни, применив технику Хокусаи и Моронобу. Не успел ввязаться за политическую карикатуру, и вот уже в сатирическом журнале «Чаян» одна за другой появляются его работы...

На последнем курсе Васильев создал серию графических портретов деятелей мировой культуры. Он не стремился к внешнему сходству, он пытался выразить одну, но главную черту, присущую творцу и его творениям. Шостакович — мудрость. Шопен — возвышенность, парение над мирской суетой. Ваг — монументальность. Моцарт — порыв...

После училища — мастерские при Художественном фонде. Работали артельно: один писал лицо, другой — туловище, третий — руки, ноги... Заказы были все срочные, и Васильев со своим умением рисовать быстро пришелься ко двору. После сдачи заказа устраивался праздник... Но потом ему стал мешать такой полубогемный образ жизни: нужно было время, чтобы подумать над своими картинами, а в мастерских было одно: «Давай, давай...»

Он так и не устроился с жильем в Казани. Мать просила остаться в Васильево, друзьям он объяснил, что все большие художники жили за городом, поближе к природе. Васильев встретило его неласково. Туго было с работой. Устроился на стекольный завод «подснежником» — работал оформителем, числился маляром... Это было еще хуже, чем в мастерских. Не было не только времени на раздумья, но и денег тоже...

Как-то под вечер явилась заказчица. Она попросила, чтобы на портрете был кудол: «Знаете, как у той актрисы... И подбородок второй уберите, и нос поменьше сделайте...» Васильев пробовал возражать, женщина сказала: «Я вам хорошо заплачу». Он не помнил, как выпроводил ее. Кажется, не сорвался и не закричал. Больше он никогда ничего не брал писать на заказ.

Однажды в городе Васильев встретил бывшего соученика, о нем говорили, что он занялся оформлением эстрадных ансамблей и вполне преуспевает. Бесцеремонно оглядев неказистую Костину одежку, баловень судьбы небрежно спросил:

— Ну, где ты сейчас?

— Да вот, перед тобой стою, — вспыхнул Константин.

Так и поговорили. С тех пор он стал ездить в Казань крайне редко.

Его все больше стало занимать Васильево, окрестности вокруг него, люди, живущие в селе. Он открыл, что по берегам Свяги двигались, оказывается, на штурм Ка-

зани полки Ивана Грозного... Что уголок пруда, где склонились плакучие ивы, — прямо-таки русалочье место... А старик, живущий на окраине, — уж не ведун ли?! По выходным дням он пропадает в лесу, и каждый раз возвращается «с добычей»: то подсмотрел, как за ночь среди великанов-сосен поднялась елочка, то забрел на лесное озеро и спугнул милующуюся пару лебедей. Он погрузился в мир преданий, легенд, былин, сказок... А потом заперся на ночь в мастерской — шесть квадратных метров, — и к утру рождалась новая картина...

Отсюда родилась легенда, что Васильев писал легко. Кто знает, сколько мук стояло ему слить сердце с кистью? Что стоило написать ему Илью Муромца — оборонителя земли русской, бесстрашного Добрыню Никитича, сражающегося с драконом, хитроумного Аleshу Поповича — это после великодушных-то картин Васнецова?! А его бесшабашный Васяка Буслай, лукавая Авдотья Рязаночка, Микла Селянинович с его тяжелой крестьянской думой... Его картины возвращали взрослым людям праздники детства. Он пробовал себя в скульптуре — так появился Сварог, главный бог древних русичей.

Стены в мастерской были завешаны картинами, рамы для которых он делал из досок, выломанных из ограды. Когда картины некуда было ставить, он дарил их знакомым или просто понравившимся людям.

В 1966 году Васильев задумал написать портрет своей любимой сестры Людмилы. Он задумал эту картину как гимн торжествующей молодости, сделал несколько набросков и остановился. Смерть Людмилы от рака в семнадцать лет заставила его вернуться к этой работе. Он написал сестру такой, какой она осталась в его памяти: в образе лесной Дианы...

К 30-летию Победы над фашистской Германией Константин Васильев создал цикл, посвященный войне. Он считал это своим долгом перед умершим отцом — старым солдатом, перед его поколением. В своих картинах он хотел показать смертельную схватку двух грозных сил — силы злой, безжалостной, и силы, борющейся за правое дело. Мерной поступью движется по проселочной дороге колонна вражеских войск. Солдаты вселяют ужас неумолимостью своего движения, кажется, никому их не остановить... Эту картину он назвал «Нашествие». А вот и сила, сломившая злобу: полки на Красной площади, Минин и Пожарский благословляют их мечом, от которого погибли и татарские орды, и псы-рыцари, и наполеоновские вой-

ки... Таков «Парад 7 ноября 1941 года».

Так он жил все эти годы и работал на износ — будто предчувствовал, что жизни ему будет отпущено мало...

Нет, он не был безвестен в те годы. О нем знали. К нему приезжали из других городов.

Первый успех!.. Ученые-математики устроили в стенах своего института выставку его работ. Сколько хвалебных слов было сказано в его адрес... Конечно, он был рад! А в душе жила тревога: всем ли нужны его работы? Чтобы положить конец сомнениям, он повез картины на льнокомбинат. И только тогда, когда его выставка была восторженно встречена рабочими, Васильев облегченно вздохнул. Теперь он готов был предстать перед всем миром...

С трудом найдя деньги, Константин Васильев нанял грузовик, погрузил свои картины и повез в Москву, к народному художнику СССР Илье Глазунову. Тот очень тепло принял молодого коллегу и высоко оценил его работы. Шел разговор о выставке Васильева в Москве, Глазунов обещал помочь.

Из Москвы Константин вернулся окрыленный. В дверях стояла слава. И ни он сам, ни близкие его еще не подозревали, что будет она посмертной... После Москвы он взялся наконец за долго вынашиваемый замысел портрета любимого им писателя Федора Михайловича Достоевского. Неяркий свет свечи едва освещает лицо. Как жить, для чего? — извечный для русского писателя вопрос написан на этом лице. Трагично-неуверенно лежит на столе рука, и по ней видно, что не знает писатель ответа и снова, и снова задает людям этот вопрос...

Васильев пишет свою лучшую картину «Человек с филином». Она представляет итог его раздумий об устройстве мира. Венец всего мироздания — человек. Филин на руке у него символизирует мудрость, свеча в другой руке — жизнь.

...Возвращаясь из Зеленодольска со своей выставки, Васильев в электричке заступился за людей, над которыми глумились пьяные подонки. Его тело нашли на железнодорожной насыпи. Было ему тридцать четыре года.

Нет больше прекрасного художника Константина Васильева. Но живет его Искусство, живет Птицарность, которую он успел подарить людям. Летит по белу свету...

Репродукции на 1—3-й стр.
вклады выполнены
А. Лаптевыми

Человек с филином. 1976 г.

Самая загадочная и таинственная из всех картин Васильева. Это самый сложный философский символ — образ человека, воплотившего в себе силу, мудрость и мощь русского народа. Изображенный на полотне папирус со словами, означающими псевдоним художника «Константин-Великоросс», сгорает в пламени, символизируя саможжение художника на огне искусства. Из этого пламени рождается дубок — росток могучей будущей жизни. Свеча в руке — все тот же символ горения души человеческой. Желтый глаз филина — мудрое всевидящее око, предупреждающее человека в ночи об опасности. Пlectrum в руке человека — символ воли и власти над собой и врагами. «Человек с филином» — собирательный образ русского землепашца, сказителя былин, охотника и мудреца.

На 1—3-й стр. вкладки репродукции, выполненные А. Лаптевым.

(К. Васильев «Русь былинная», «Изобразительное искусство», М., 1982 г.; «Константин Васильев», издательство «Правда», М., 1981 г.).

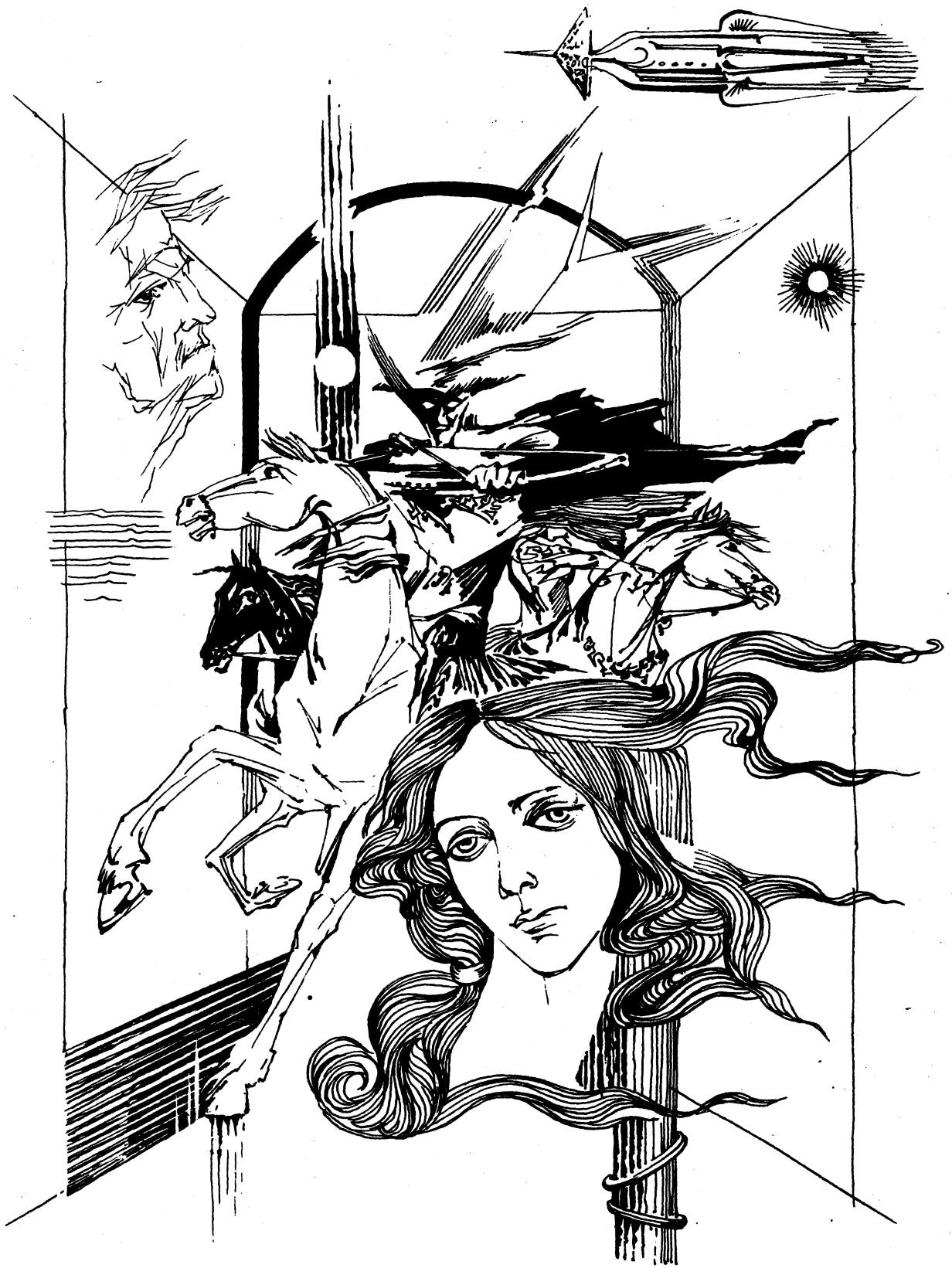

Рождение Дуная.
1975—1976 гг.

Один из героев эпоса, Дунай Иванович, в хмельном богатырском соперничестве нечаянно убил свою жену — удачную поляницу (богатыршу) Настасью Микулишну. Вместе с ней погубил он и дитя свое — чудесного святозарного младенца. Потрясенный случившимся, бросился Дунай-богатырь на свой меч, и кровь их слилась, дав начало Дунаю — великой реке.

Портрет сестры Людмилы. 1968 г.

Море Сафонова

Валерий
КОЗЛОВСКИЙ

Солнце казалось прибитым к небосклону, и даже ночью, когда темнело, Сафонову было трудно заставить себя взглянуть на небо. Он боялся, что солнце все еще там. Там и строго смотрит на него сверху, заставляя просыпаться в его сознании образы людей, когда-то таких близких, а теперь непостижимо далеких. Солнце везде и на всех одно. Что-то вроде универсальной постоянной. И оно было, пожалуй, единственной ощутимой в этом мире нитью, что связывала Сафонова с прошлым. Словно мост, соединяло оно память с теми далекими днями, когда он был счастлив.

Трель будильника заставила его вздрогнуть. Наступало время сеанса связи. Вот уже третий год Сафонов работал радистом в маленьком кишлаке, затерянном в дюнах бескрайней пустыни. Собственно, он мог бы и не работать, так как давно был на пенсии — капитан корабля, списанный на берег. Но тогда кому он нужен? Для него это был вечный вопрос, который к старости становился все острее. Жить и быть нужным людям оставалось для него — всю его долгую жизнь — неразделимыми понятиями, тем законом, которому он подчинялся сам и пытался заставить следовать других. Стоять на мостике корабля и ловить в глазах людей ожидание и готовность исполнить его приказы, те приказы, которые знал лишь он один и которые порою спасали людей либо посылали, может быть, на смерть ради жизни других... Всякое бывало.

Море. С морем у него были особые отношения. Он его ненавидел.

Сафонов поднялся, прислушался к глухим ударам сердца. Застыл, давая ему успокоиться.

На 4-й стр. вкладки
рисунок Е. Стерлиговой

Последнее время это удавалось все реже. Ухватился правой рукой за перила крыльца и сделал первый шаг. Сердце, казалось, остановилось, потом, будто рванувшись куда-то, затряслось пулеметной дробью. Сафонов замер.

— Тихо, тише, — пытался он уговорить сердце. И сделал второй шаг. Его ждали. Идти было необходимо. Сознание необходимости будто заставляло сердце подчиниться и выдержать.

Он включил станцию. Разговор был коротким и неприятным. Его предупреждали, что завтра вертолет доставит нового радиста и что ему настоятельно советуют отдохнуть и подлечиться. Этим же вертолетом он может попасть в город, а там его уже ждет бесплатная путевка. Туда, куда он пожелает.

«Списывают. Еще раз списывают на берег, — думал Сафонов. — Не доверяют...»

— Я бы выбрал Сочи! — весело посоветовал звонкий молодой голос. Чувствовалось, что парень на том конце искренне рад за него. Рад. А вот Сафонову чему радоваться?

А почему бы и нет? Семьдесят два года ему, и каждый год, как свинцовое грузило, висит на нем, приближая его к земле. Всего этого не отнимешь. Но сознание того, что кто-то за него распорядился и сам он уже не подвластен своей воле, злило его.

— Вас понял! — проговорил он в микрофон и выключил радиостанцию. И замер: не узнал своего голоса. Словно что-то убрали в нем. Убрали то, что придавало ему твердость.

— Стоп! — сказал он себе. — Ты еще есть! — Сердце своим глухим стуком будто согласилось с этим.

Ноги передвигались тяжело, и, наверное, прошло немало времени, прежде чем Сафонов добрался до двери. Он потянул дверь на себя, и она, сопротивляясь, будто живая, подалась со звенящим скрипом. Шаг, еще один шаг... Сафонов опустил на крыльцо.

Пустыня, черная, выжженная до основания солнцем, простиралась перед ним далеко-далеко, уходя за горизонт. Казалось, что она везде, всюду, на тысячи тысяч километров, что вся земля — пустыня, что и в нем самом — ее комок, большой и черный. Но он знал, что стоит лишь закрыть глаза, как увидит море.

Три года назад Сафонов бежал от него сюда, в пустыню, где само это слово — море — с его свежим ветром, шумом прибоя и накатом волн казалось кощунством.

— Море, море, море, — беззвучно бормотали его губы, голова клонилась к плечу, и он засыпал.

Неизвестно, как прознали местные ребятишки и связали его сон с тем, что стало событием в жизни кишлака последние три года, но только они всегда поджидали, когда Сафонов заснет. Едва голова его клонилась к плечу, они тихо, без криков, боясь потревожить этот сон, неслись к

окраине кишлака — и уже там раздавались их крики, пронзительные, словно крики чаек перед бурей.

— Море, море! — кричали они, жадно всматриваясь в черную пустыню. — Море! — кричали они, будто призывая его появиться среди этих черных берегов. — Море!..

И вот в ответ на их призыв где-то в самой глубине пустыни загоралась точка-искра. Точка эта становилась центром и притягивала к себе новые искры. Вот их уже десятки, сотни, тысячи. Точки-искры сливались в блики. И они все ближе, ближе... Ребята замирали, сердца их сжимались от счастья — казалось, вот сейчас выпрыгнут из груди и понесутся навстречу на глазах вырастающему из бликов морю. Море блестело, и волны ровными рядами, будто на параде, спешили к берегу. Ребята ждали. И тогда далеко в море появлялся корабль. Он легко скользил по волнам, и на его палубе, крепко держась за поручни, стоял человек. Это был Сафонов, не тот, который сейчас, а намного моложе и красивей. Сафонов улыбался. И все на берегу тоже улыбались и громко кричали:

— Плыви сюда, Сафонов!

Но он всегда проплывал мимо, будто не видел их, и пропадал в морской дали, а вместе с ним пропадало и море. Это было так несправедливо, так нечестно, что дети обижались на Сафонову, хотя и очень его любили. Однако никто из них никогда не говорил ему ни о том, что видел, ни о своей обиде. Они проходили мимо и смотрели снизу вверх на Сафонову, а тот с высоты крыльца на них. Им казалось, что он все еще стоит на палубе, под морским ветром, и за ним высоко поднимается морская волна, и Сафонов опять их не видит.

Но чаще всего они видели море и длинный белый берег. Он был пустой, и потому детям становилось страшно. А иногда на берегу стояла женщина. Дети видели ее лицо, оно всегда улыбалось, каким бы ни казалось в этот раз — совсем юным или много старше. Однако они хотели видеть ее только молодой и очень радовались, когда это удавалось, и громкими криками приветствовали ее. Крики сразу же замолкали, когда рядом с ней появлялись два мальчика: один повыше, наверное, постарше, другой пониже — младший. Оба черноволосые, как мать, они смотрели на детей кишлака серыми серьезными глазами, такими же, как у Сафонову, и о чем-то переговаривались.

Маленькая черненькая девочка Гульчара, дочь караванщика Ахмеда, однажды, увидев их, вдруг почему-то заплакала. Она закрыла руками глаза, повернулась и убежала.

— Влюбилась, влюбилась! — кричали ей вслед мальчишки. Они не хотели кричать, но что они могли сделать? Удержаться от этого было выше их сил. С тех пор Гульчара ни разу больше не

бегала с детьми к окраине кишлака, когда Сафонов засыпал, а садилась рядом с ним и внимательно следила за его лицом до тех пор, пока он не просыпался.

Сафонов просыпался. Сознание возвращалось к нему медленно, не сразу. Сначала пропадали звуки, и он не слышал, что говорила ему жена и кричали Васька с Мишкой. Потом уходили дети, но он еще долго видел на длинном белом берегу жену. Но вот волны закрывали и ее. Кругом оставались только море и волны. Море и волны. Волны набегали и, как быки, таранили корабль. Вот они все выше и выше. Удары их все крепче, сильнее. И вот уже все кругом просто одна волна. Она заполняет легкие и сердце Сафонову, он задыхается, волна разрывает его, вырываясь наружу. Все. Сафонову кажется, что его уже нет. Но вот в тумане проступают очертания домов кишлака. Сафонов мотает головой, стараясь прийти в себя окончательно, и долго еще чувствует на губах своих солоноватый вкус волны. Он встает с крыльца, чуть пошатываясь, и бредет в дом. Дверь он не закрывает, и через дверной проем видно его широкую спину, склоненную над столом. Стол завален бумагами и фотографиями. Вот он выбирает фотографию, на которой снята женщина и двое мальчуганов. Фотография простая, на ней не видно, какого цвета глаза у мальчуганов и какие волосы у матери. Но это та самая женщина и те самые мальчуганы, которых видели дети кишлака. Жена Сафонову и его дети. Он долго и пристально смотрит на них, так долго, что начинают слезиться глаза и он закрывает их. Но и так он видит, и слышит их голоса, и вдруг, забываясь, зовет. Звук его голоса словно пугает образы, что живут в его сознании, и они исчезают.

Первым погиб Мишка, младший. В самом начале войны. Мишка учился в мореходке. Они возвращались из учебного похода. Немецкая подводная лодка расстреляла катер, на котором они шли, в упор, а затем, будто проутюжив море, прошлась прямо по головам тонувших ребят. Не спасся никто. Двадцать восемь человек, и среди них его сын. Остались навсегда где-то в море. Где?

Тогда Сафонов долго стоял на берегу, и временами ему казалось, что сквозь волны он видит тянущуюся вверх руку сына. Нет, этого не может быть, — уговаривал он себя и срывался с места, искал лодку и прочесывал море.

Старший погиб в самом конце. Они всю войну воевали рядом, а вот увидеться не пришлось. Как все случилось, он узнал только после победы. Судно потопили в начале марта. Сафонову рассказали, что сын его отдал спасательный пояс раненому механику. Если бы это было их море — ласковое и теплое!.. Спасатели подошли через два часа, но в море уже не было людей. Мертвые, кругом плавали мертвые. Они все замерзли.

Спаслись лишь раненые на спасательном боте. Было у Сафонова только два сына.

После демобилизации жена не хотела, чтобы он уходил в море. Но что значил он без моря? И Сафонов уходил — на Кубу, к Австралии, во Вьетнам. Возвращаясь, знал, что его ждут. Он всегда узнавал ее фигуру на белом берегу, что открывался длинной полосой сразу же за портовым молотом. Он не догадывался, жена скрывала от него, что, когда его не было, она часами каждый день стояла на самой крайней точке мола. О чем она думала?

В тот день шторм разыгрался внезапно. Волны уже перекачивались через мол, но ее будто что-то гнало вперед. И ни одна не задела ее: они словно расступались перед нею. Так она и дошла до самого конца мола. Больше ее не видели. Море приняло ее, пропустив к сыновьям.

Сафонов ушел с корабля. Ушел, чтобы быть как можно дальше от моря. Чувство вины не покидало тогда его ни на мгновение. Если бы не он, не его любовь к морю, может быть, все было бы не так? Живы были бы сыновья и обязательно — жена... Из города, где он родился и где родились его сыновья, Сафонов уехал и несколько лет мотался по стране, пока не очутился здесь, в пустыне.

Сафонову стало вдруг душно. По всему телу, собираясь в струйки, проступил горячий пот. Сафонов повернулся на стуле к двери и подумал, что до крыльца ему не добраться. Чего-то ему не хватало. Чего? Сердце. Он почти не слышал, как оно бьется. И море. Сафонов не хотел признаться себе в этом, потому что признаться значило сейчас простить, а простить он не мог. Сафонову не хватало моря.

— Море! — беззвучно прошептали его губы. Голова его бессильно опустилась вперед, и тело стало медленно сползать со стула.

Гульчара насторожилась. Что-то ей подсказывало, что произошло несчастье. Она на цыпочках поднялась по ступенькам крыльца и подошла к Сафонову. Он лежал вверх лицом, с открытыми глазами. Гульчара тронула его за руку, лежавшую на груди. Рука вначале медленно, а потом все быстрее заскользила с тела и ударилась о пол. Сафонов будто и не заметил этого. Глаза его неподвижно смотрели на Гульчару.

— Дяденька Сафонов, — потрясла она его за плечо. — Дяденька Сафонов! — И только тут заметила, что Сафонов улыбается, а глаза его хотя и открыты, но ее не видят.

Гульчара никогда еще в своей жизни не видела мертвых. Поэтому поведение Сафонова просто очень удивило и испугало ее. Она осторожно, боясь очутиться спиной к Сафонову, спустилась с крылечка. И, все еще не понимая, отчего ей страшно, бросилась бежать. Палка валялась на дороге, Гульчара не увидела ее и споткнулась.

— Умер, — будто кто-то, пока она, споткнув-

шись, летела на землю, прошептал ей. — Дяденька Сафонов умер! — закричала она. — Дяденька Сафонов умер!

Она и не заметила, как добежала до конца кишлака.

Прямо туда, где начиналось море. Но она бежала вперед.

— Умер! Умер! — кричала Гульчара. — Это все оно, оно, оно виновато!

Гульчара вбежала в море. Стала бить ладонями по волне. Но вот одна, повыше, набежав, свалила ее с ног. Свалила и понесла к берегу. А Гульчара все била и била по волне.

Дети замерли на берегу. Они не верили своим глазам. Робко сбегал с холма один, оглядываясь на остальных. Вот он осторожно босой ногой тронул воду. И уже не оглядываясь, а что-то крича, бросился в волну. Волна приняла его и, будто кошка нашкодившего котенка, бережно, но настойчиво выпроводила на берег. Он встал и вновь кинулся к морю, визжа от восторга и страха. А за ним второй, третий, четвертый... И вот уже все дети кишлака, сорвавшись с холма, барахтались среди волн.

— Море, море! — кричали они, и их крики заглушили то, что кричала Гульчара.

Может быть, это было даже и не море, а просто большое озеро, подаренное им Сафоновым, но в детстве всегда не видишь берегов. И дети кричали «море», потому что они верили, что это море.

Сафонов умирал и думал о нем. О море. Он думал о том, что у него была жена, были дети. И что все это дало ему море. И еще он думал о том, что море — это радость. И нельзя забирать эту радость с собой.

Последний вечер с Натали

**Александр
БУШКОВ**

— Натали! На-атали! На-а-атали!!!

Человек упал лицом в узенький ручей, неизвестно где начинавшийся и кончавшийся, петлясто пересекавший зеленую равнину. Хватал губами воду, выплевывал, поперхнувшись, глотал, и руки рвали влажную черную землю, такую реальную, такую несуществующую. Оглянулся и всхлипнул.

Охота вскачь спускалась с высокого холма. Взметывали ноги черные кони, над усатыми лицами кавалеров и юными личиками прекрасных всадниц колыхались разноцветные перья, азартно натягивали поводки широкогрудые псы, стрелы лежали на тетивах, дико ревели рога. Движения всадников были замедленными и плавными, словно их сняли рапидом. Беглец двигался и жил в нормальном человеческом ритме, и это на первый взгляд давало ему все шансы, однако страшным преимуществом охоты была ее неутомимость. Он был из плоти, они — нет, хотя их стрелы могли ранить и убивать.

Беглец поднялся, мазнул по лицу мокрой ладонью и побежал к горизонту, над которым тускло светило неподвижное солнце — ночник над столиком с ожившими куклами, прожектор над сценой.

— Натали! На-атали! Хватит!

Ну останови это, умоляю тебя. Останови. Я твой создатель, твой творец, твой вечерний собеседник, Натали. Я придумал тебя, построил, дал тебе имя, разум... а душу? Или ты хочешь показать, что душу обрела сама? Если так, то ты разрушила все мои замыслы, Натали, ты должна была остаться разумом без души...

— Довольно, Натали!

Бесполезно. Охота уже на равнине, повизгивают псы, режут рога, черные волосы передней всадницы, юной принцессы, колышутся на неземном ветру, справа и слева, бросая друг на друга ревнивые взгляды, скачут влюбленные кавалеры, ищущие случая отличиться на королевской охоте, и дрожит спущенная тетива. Стрелы летят с

нормальной скоростью — пока мимо, кроме той, первой, что угодила в плечо. Пока мимо.

— Натали! Ну я прошу тебя, Натали!

Вначале были одни благие намерения. И машина, благодаря таланту создателя опередившая время, умевшая рассуждать, размышлять и отвечать творцу приятным женским голосом. Для пущего правдоподобия на одном из экранов светило женское лицо, напоминавшее Венеру Боттичелли, любимого художника творца, лицо жило, улыбалось, мило хмурилось. Было бы глупо назвать ее иначе, не Натали.

И была гипотеза, которую следовало проверить. Уж очень хотят некоторые из окружающих выглядеть лучше, чем они, наверное, есть на самом деле. Что, если поставить их в обстоятельства, когда сущность человеческая неизбежно проявит себя? Натали сможет сделать это. Сможет!

Разумеется, не каждый, кого ты подозреваешь в двуличии или незнании себя, окажется подлецом, слабым человеком или даже негодяем. И не каждому в его жизни дано познать себя. Просто-напросто некоторым по счастливому стечению обстоятельств удастся обогнуть ту точку во времени и пространстве, где, попади они в нее при ином раскладе судьбы, и открылась бы истина... Обладая верной и разумной Натали, способной за секунду перебрать миллионы вариантов и вынести не подлежащий обжалованию приговор либо безапелляционно оправдать, это, однако, можно устроить каждому.

Сначала это был неподъемный труд, адский даже для Натали, но она умела совершенствоваться, учиться, взрослеть...

— Натали!..

Сейчас трудно определить, с чего началось. Кажется, виной всему та зеленоглазая и неприступная, насмешливо игнорировавшая любые аргументы в защиту свободной, ни к чему не обязывающей любви. Или тот, из конструкторского, по мнению создателя, только притворившийся праведником и бессребреником. Или оба они вместе...

— Натали! Я не могу больше!

Как бы там ни было, но отныне можно было проверить любые подозрения и исследовать все варианты, потому что существовала Натали — прекрасное лицо юной ведьмы на мерцающем экране, чуть хриловатый, чуть насмешливый голос, миллионы квазинейронов и покорная готовность сделать все ради повелителя. Идеальная женщина — на этой мысли он порой ловил себя, а однажды поймал и на том, что погладил серебристо-серую панель так, словно это была теплая девичья щека. В женщине прежде всего ищут беззаветной покорности, а кто мог быть покорнее Натали?

— **Хватит, слышишь! Натали!**

И вот наступил тот, первый вечер. Волнуясь, он сел перед серебристо-серой панелью, положил пальцы на клавиши, надвинул тяжелый, начиненный невообразимо сложной электроникой шлем — и в закоулках несуществующего портового города трое пьяных молодчиков встретили ту, зеленоглазую и неприступную. Приставили к горлу нож, поставив перед выбором — или быть покладистой, или смерть.

Она была покладистой — хотела жить. И тот праведник из конструкторского, когда отправился из партизанского лагеря на разведку и попал к карателям, быстро выдал ведущие к лагерю тайные тропы. Эксперимент удался блестяще. Творец чувствовал себя обладателем тайного знания, хозяином волшебного стекла, позволяющего проникать в подлинную сущность окружающих. В душе он теперь смотрел на них снисходительно и свысока — они не знали, кем могли стать в иное время, но он-то... Каждый вечер он надевал шлем — и праведники оказывались подлецами, скромницы — шлюхами, бессребреники — хапугами, верные — предателями. Творец скептически кривил губы — мысленно, и ухмылялся — мысленно, когда при нем хвалили чью-то доброту, целомудрие или честность. Знал, чего они все стоят и кем могли бы быть при другом раскладе.

— **Натали!**

В глубине души он сознавал, что ежевечерние путешествия стали для него чем-то вроде наркотика, но остановиться уже не мог — тайное знание, тайные истины превращали его в верховного судью, всезнающего арбитра. Каждый вечер он уходил в невидимый неосязаемый мир Беспощадной Истинной Сущности (так он его прозвал), наблюдал со стороны за подлостью, предательством, развратом... и вдруг сам очутился в нем, в этом мире, и по пятам за ним неслась охота, его загоняли, как зверя, стреляли в него, хотели убить. Частичка сознания, свободная от животного страха, пыталась уверить мозг, что это иллюзия, что произошла непредсказуемая поломка, нарушившая обычную связь между ним и Натали и превратившая его в пешку на придуманной им самим доске. Рано или поздно сработает защита, и он сможет отключиться, доказывал он себе. Нет ни этой равнины, ни тусклого неподвижного солнца, ни раны на плече. Ничего этого нет, и тебя нет здесь, ты сидишь в мягком кресле перед серебристо-серым пультом, и вот-вот сработают предохранители, потому что творения уничтожают своего создателя только в сказках, потому что с Натали не может случиться ничего не понятного тебе...

Но все ли ты знаешь о Натали!

Несколько минут раздражающего легкое, бега — и он оставил охоту далеко позади. Упал в траву, стиснул ладонями виски, пытается вер-

нуть прежнюю холодную ясность мышления, снова стать ученым, способным анализировать и делать выводы.

Все ли ты знаешь о Натали!

Может быть, ее разум обрел душу. Может быть, разум обрел душу раньше, чем ты успел это заметить и понять, и Натали с самого начала была еще и женщиной, на свой лад любящей своего творца?

Любовь слепа. Любовь безоглядно прощает. Любящая женщина не видит недостатков своего избранника, считает недостатки достоинствами и готова повиноваться любым желаниям властелина, не отказывать ему ни в чем. Во имя своей любви она способна на спасительную для хозяина ложь, готова лицедействовать, подлаживаться, всячески поддерживать заблуждения повелителя... до поры до времени. Очень часто настает момент, когда женщина вдруг понимает, что верила в миражи, наделяла избранника несуществующими достоинствами, и он оказался много проще, мельче, подлее... И случается, что обманутая женщина мстит, презирая и себя за то, что столько времени лгала...

— **Натали! Прости! Я же не хотел, не думал...**

Не хотел верить, что она тебя обманывает? А может, тебе как раз и хотелось быть обманутым, верховный судья? Самого себя трудно обмануть, гораздо легче с благодарностью принять чужую ложь...

Охота приближалась, медленно и неотвратимо. Хлопья пены летели с лошадиных губ, остро посверкивали наконечники стрел, ревели рога, лица светились холодным азартом, и поздно было умолять, невозможно начать все сначала, не ответив за то, что было прежде...

— **Натали! Но мы же оба виноваты!**

А откуда ты знаешь, что один расплываешься за все? — пришла последняя трезвая мысль, оборванная звоном тетивы, и стрела впиалась под левую лопатку.

Боли он не почувствовал. Ревели рога, над равниной плыл тоскливый запах травы.

Он упал лицом на серебристо-серую панель, освещенную бликами меркнувшего экрана.

О любви и о вкусах

Космическая сказка

Илья
ДМИТРИЕВ

— Будь моей женой, прекрасная Микатарра!..

Аммиачный Джо с планеты Абувумба хлопнул клешней и замолчал. Чтобы сказать еще хоть слово, ему теперь требовалось опрокинуть в рот чарку-другую прохладного гидроксида аммония: жители туманной Абувумбы угрюмы и неразговорчивы.

Воспользовавшись паузой, вперед шагнул Малыш Парду.

— Несравненная Микатарра! Неужели я чему-то хуже этого увальня, который издает нечленораздельные звуки, подобные завываниям киквирка в плохую погоду? И мне, сыну радужных миров, не на что надеяться? Выбери меня — и мы вместе уедем на голубую Валгаллу!

— Микатарра! — проглотив свое пойло, проревел Аммиачный Джо. — Будь моей женой, будь! Не езди с Малышом Парду! Ничего хорошего нет на его Валгалле — один только репейник!

Микатарра оценивающе взглянула на соперников.

— Ступайте в путь и принесите что-нибудь диковинное и вкусное. А там я решу, кому из вас... Впрочем, отправляйтесь!

Малыш Парду поклонился и надел походные сапоги. Аммиачный Джо постоял еще немного, помигал единственным глазом, потом, топоча каменными башмаками, побежал к своему угловатому звездолету...

Парду устало тащился по тропам Вселенной. Изредка ему встречались большеглазые уроженцы планеты Путешественников.

— Нет ли чего новенького впереди, бездельники? Чего-нибудь такого, где вкусно готовят?

— Нет, Малыш Парду, на ближних планетах готовят дурно и неумело...

И Путешественники, ничуть не обидевшись на «бездельников», шли своей дорогой, а он — своей. Хитрые звезды холодно смеялись ему вслед. А он все шел и шел, тщательно избегая тех мрачных закоулков, в которых страшные черные тени поджидают одиноких скитальцев.

Но вот как-то однажды Малыш Парду пре-

большо споткнулся о крохотную планетку, не замеченную вовремя. Кляня собственное зрение, он уже собрался поддеть ее ногой и отправить на другой конец галактики, как вдруг... Как вдруг на него нахлынули запахи! Целая волна запахов! Парду пришлось зажать нос, чтобы устоять перед этой волной. Поразмыслив совсем немного, он понял, что случайно набрел на знаменитую планету Кулинаров, о которой давно уж ходили легенды среди Путешественников.

Планета Кулинаров вертелась перед ним. Он прыгнул на нее, предварительно уменьшившись до разумных размеров...

Он стоял над большим городом — и со всех сторон неслись к нему смешанные ароматы неведомых блюд. Малыш Парду терялся в догадках: что же здесь — самое вкусное?

...Хозяйка с девятого этажа уронила посуду, когда развело разбитое стекло и в окно просунулась лохматая голова с озорными глазами. Голова осмотрелась, принялась и ухватила не запечатанную еще банку с клубничным вареньем — что иное выбрали бы вы, оказавшись на месте Парду?!

Опомнившись, хозяйка высунулась в окно. Длинноногий уродец бежал прочь, перепрыгивая через дома и деревья. Потом он сиганул в небо и исчез...

Теперь Парду, изредка встречая на звездных дорогах неторопливых любознательных Путешественников, уже не останавливался, чтобы поговорить с ними. Во-первых, он боялся проболтаться о планете Кулинаров. Если это случится, вечно голодные Путешественники сбегутся к ней отовсюду и, конечно же, не оставят Кулинарам ни капли варенья. Во-вторых, он опасался потерять свою ношу: Путешественники — народ вороватый...

Так, шел он и шел. Близ тех миров, где жила прекрасная Микатарра, он повстречал Аммиачного Джо. Тот тащил на себе целую планету, покрытую глыбами льда.

— Ну что, Малыш Парду, где же твоя добыча? — Аммиачный Джо был настроен на удивление миролюбиво. — А я, как видишь, раздобыл вот эту штучку. Растоплю ее — и будет у нас с Микатаррой огромное море божественного напитка, равного которому нет во Вселенной!..

— Ах, как вкусно! — защebetала несравненная Микатарра, отдавая принесенного Малышом Парду варенья. — А что там у тебя, Джо?

Джо свалил с плеч свою ношу и, передохнув немного, отодрал кусок льда с ее поверхности. Затем принялся объяснять — поскольку был сейчас на редкость разговорчив:

— Эта планета — универсальный коктейль-бар! Я отбил ее у жуткого страшила, что живет на краю света. — Джо самую малость погрешил против истины: страшила был не так уж и страшен, и планету свою охотно променял на пред-

ложенный ему звездолет.— При этом я потерял свой корабль. Страшила же сам стал планетой и теперь вращается вокруг звезды там же, на краю света... Но — к делу! Секрет напитка таков: берем кусок льда, суем его вот в этот вулкан, единственный на планете. И получаем нектар!

В воздухе явственно нарастал запах аммиака. Прекрасная Микатарра лишилась чувств...

Свадьбу, они сыграли пышную. Малыш Парду синтезировал большое количество варенья, а потом уехал с несравненной Микатаррой на голубую Валгаллу, где они вскоре повывели весь репейник, насадив вместо него клубнику. Натуральное варенье все же вкуснее синтетического. И по сей день Путешественники славят хлебосольство супругов Парду.

А Аммиачный Джо, презирающий варенье, поселился чуть поодаль от Валгаллы на своей планете, где полным-полно его любимейшего питья. Родственников с Абувумбы он к себе не пускает — считает, что слишком дорого досталась ему эта планета. Там, среди льдов, он поет свои заунывные песни и разговаривает сам с собой.

Только вот за дровами для вулкана с каждым разом приходится ходить все дальше и дальше...

На Овечьей улице

Юрий
ШИНКАРЕНКО

Еще вечером на улице Овечьей никакого киоска не было. За ночь кто-то соорудил его под высокой пихтой с ветками-медузами, синий, обитый голубыми рейками.

В восемь утра распахнулись ставни, и торопливые пешеходы увидели за прилавком высокого кирпично-рыжего старика, веснушчатого, с длинными усами, облаченного в фиолетовый хитон с черными блестками. Старик, путаясь в обширных обшлагах рукавов, вывесил табличку, скромно и буднично извещавшую: «Исполнение желаний. Просьба соблюдать очередь».

В восемь тридцать утра от киоска вдоль шумной Овечьей улицы тянулась длинная оче-

редь. Торопилась старушка в магазин — остановилась. Шли восьмиклассники в школу, увидели необычный киоск, так всем классом и застряли на Овечьей. Бежал по улице четвероклассник, длинный да тощий, — галстук пионерский на худой шее, как выпел на мачте, — подумал, тоже в очередь встал. И только строгие рабочие, хмуря брови, проходили мимо: торопились на завод.

Ровно в девять рыжий старик закончил какие-то мудреные приготовления и начал работу.

Первой посетительницей оказалась старушка в сером салопчике, сером платке и, несмотря на солнечный май, в серых валенках. Серая старушка протянула горсть медажков и прошелестела сухими губами:

— Два литра сметаны! Сметана-то у вас не разбавленная?

Волшебник улыбнулся.

— Нет, густая, как... сметана.

Он вытянул перед собой руки, пальцы мелко задрожали, и тотчас в воздухе над прилавком повис ослепительный белый шар. Он пах снегом и травами.

— Подставляй, бабка, посуду!

Старушка суетливо нырнула в громадную сумку, долго рылась там, но банки не нашла. Дома второпях забыла.

— А у тебя баночки не найдется? Я б и за баночку заплатила!

Волшебник виновато развел руками:

— За один раз могу исполнить только одно желание.

Шар нетерпеливо дрожал в воздухе. Бабка снова нырнула в сумку, достала газету, ловко свернула кулек. Сметанный шар мгновенно обрушился в него.

— Денег не надо, бабка! Здесь бесплатно!

— Что еще за глупости — бесплатно! — старушка фыркнула и, оставив на прилавке пирамиду темно-желтых монет, поплелась восвояси. Шла, а за нею через всю Овечью тянулась белая пунктирная дорожка — капала сметана...

Следующим подошел к киоску восьмиклассник математической внешности, в огромных очках, за которыми прятались трезвые умные глаза. Черты его лица были так правильны, что по ним можно было доказывать любую теорему — хоть о непересекаемости прямых, хоть о свойствах треугольника, хоть какую другую. Восьмиклассник иронично улыбнулся (при этом параллельные так и не пересеклись):

— Говорите, исполняется только одно желание? Так исполните единственное мое желание: хочу, чтобы исполнилось семь моих желаний,

Конопушки на лице волшебника покраснели от удивления. Он в молчаливом пассае вытянул руки и тихо сказал:

— Ваше желание выполнено.

Восьмиклассник еще раз улыбнулся и пошел в конец очереди.

...Очередь продвинулась еще на одного человека. Высокий парень нагнулся, разыскивая в полумраке киоска лицо хозяина. Доверительным тоном начал:

— Вас не мучает беспричинная тоска? Нет? Тогда вам меня не понять. В мире что-то происходит. Мы на пороге каких-то великих перемен. Я не могу понять себя. Мне, перед лицом светлых далей, хочется чего-то великого. Хочется отрешиться от нашей суетной жизни, от спешки, мелкой возни, хочется потерзать себя сомнениями, испепелить свое сердце грустью. Вам такого не хочется? Нет? Странно. А я жажду уединиться, вникнуть в суть мировых вопросов, попытаться разрешить вечные проблемы человечества.

— Вас уединить, что ли? — участливо предложил волшебник.

— Нет-нет! Я уже уединен. Я созерцаю сам себя. Если бы вы видели, как это красиво — сердце, тихо пылающее немеркнущим огнем грусти.

— Ваше желание? — перебил волшебник юношу, потому что очередь начала волноваться.

— Разве вы можете исполнить мое желание, если оно до конца мной самим не осознано? Впрочем, — понизив голос, промолвил юноша, — так уж и быть: наградите меня за мои мучения, за вериги, в которые облачено мое хрупкое сердце, за мой подвиг.

— Чем?

— Три тысячи: я думаю, на первый раз хватит.

— Три тысячи чего?

— Рублей, естественно.

Старик торопливо, как клиент сберкассы, помолол воздух своими руками, и на прилавок шлепнулось несколько пачек зеленых купюр. Тотчас они исчезли в карманах стройного юноши. Горстка медяков, оставленных старухой за сметану, тоже, кстати, исчезла...

...Очередь шла, шла, шла. Молчаливая, азартно ждущая чего-то, крикливая, счастливая от неожиданного поворота колеса фортуны. От множества сходных лиц у волшебника зарябило в глазах. От сходных желаний стало скучновато. У него просили американские джинсы, мотоциклы «Ява», записи модных ансамблей, юный коллекционер попросил автограф. Вновь подошла очередь восьмиклассника с математической внешностью. Он пожелал, чтобы каждое из семи желаний исполняло еще по семь желаний. Многие требовали, чтобы школа выдала им отличную характеристику, взывали устроить их в институт. Промелькнуло несколько бабок, заинтересованных слухом о сметане. Снова выплыл математический мальчик, горячечно высчитывая количество желаний...

Сотни ног выбили на пустыре возле киоска всю траву. Вдавленные в землю ромашки тускло смотрели в небо своими бельмами...

Возле киоска случилась ссора.

— Да стоял я здесь! Честное слово, стоял! Я за кирпичами ходил. Мне к окошку без них не дотянуться, — оправдывался худенький четвероклассник, как жевательную резинку, растягивая слова.

Волшебник глянул на мальчишку и улыбнулся.

— Мотай, мотай отсюда! — хором возмутились восьмиклассники.

— Кто там? — заинтересовался конец очереди.

— Ихтиозавр приплелся! Сейчас опять будет оригинальностью своей давить!

— Ихтиозавр! Ты еще копошишься? Тебе ведь когда сказано было, чудаки давным-давно вымерли. Не в моде они сейчас.

— Гоните его в шею! Время только тянет!

— Тише! — вдруг впервые за весь день крикнул волшебник и тихо спросил: — Что тебе, мальчик?

«Ихтиозавр» поставил на землю кирпичи и взгромоздился на них. Тонкая шея и большая голова возникли над прилавком. У мальчишки был неправильный прикус, и верхняя челюсть выпячивалась немного вперед. Вдобавок зрачки его чертовски огромных глаз не отличались однотонностью: левый зеленел, как у кошки, а правый, как море, светился синькой.

— Чего тебе? — ласково повторил волшебник.

— Мне... надо... большую... и красивую... радугу!

Ни одно желание волшебник не выполнял с такой готовностью. Он взмахнул рукавом, но мальчишка остановил его.

— Но мне надо не простую радугу! Ее я и так дождусь. А можно ночную радугу?

Волшебник закрыл глаза. Наверное, пытался представить себе радугу в ночи.

Потом сказал:

— Подожди! Я сейчас.

Он вытащил из-под прилавка лист бумаги, нацарапал на нем: «Ушел смотреть ночную радугу. Наверное, не вернусь». Прикрепил лист к витрине и вышел из киоска.

И они неторопливо побрели по Овечьей улице. Неторопливо — потому что фиолетовый хитон с черными блестками путался под ногами волшебника и не давал спешить. Они уходили, и сумерки гущались за их спинами.

Скоро стало темно, как ночью. Небо покрылось сыпью белых звезд. И тогда в высоте вспыхнула радуга. От горизонта до горизонта! Она была такой сочной и такой живой, что многие люди на земле подняли к небу головы.

...Когда же ночь растаяла, в посветлевшем небе еще долго висели разноцветные обрывки радуги.

Маленький принц, Громозека и невидимки

НАШИ ЧИТАТЕЛИ, ОЧЕВИДНО, ЗАМЕТИЛИ, ЧТО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «НЕДЕЛЯ» В ПЯТОМ НОМЕРЕ ЭТОГО ГОДА ЦЕЛЫЙ РАЗВОРОТ ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВИЛ ФАНТАСТИКЕ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА». ПОДОБНЫЙ РАЗВОРОТ БЫЛ БЫ, ВЕРОЯТНО, НЕПОЛОН БЕЗ НФ МИКРОВИКТОРИНЫ — И ВОТ МЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПОДВОДИМ ИТОГИ ЭТОГО ВНЕПЛАНОВОГО БЛИЦТУРНИРА. ИТАК...

1. Кто из популярнейших литературных героев прибыл с астероида В-612?

В редком письме не оказалось правильного ответа: разумеется же, это Маленький принц из чудесной сказки Антуана де Сент-Экзюпери прилетел в пески Сахары с астероида В-612 (в иных изданиях — Б-612)! И едва ли не каждый третий из отвечавших добавлял при этом, что норвежец Т. О. Брингсвард в рассказе «Барашек, роза и три маленьких вулкана» перенес к Маленькому принцу на его планетку и самого Сент-Экзюпери...

2. «Чтобы не сглазить, он провёл четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: «Баскури-барипарага...» Откуда взят этот отрывок? И не припомнятся ли вам другие заклинания, столь же эффективные в устах и руках героев фантастики?

Несложным для читателей «Недели» оказался и этот вопрос: кто же не знает милейшего Громозеку — космоархеолога с планеты Чумароз, если встречается он ныне не

только в книге повестей К. Булычева «Девочка с Земли», но и в мультфильме «Тайна Третьей планеты»?! Ко второй же половине вопроса даже страшновато приступать (и потому мы оставим ее на будущее) — так часты оказались заклинания в НФ книгах!

3. Как известно, «Машина времени» Герберта Уэллса породила тысячи подражаний, а вот произведения о «человеке-невидимке» можно пересчитать по пальцам. Что это за произведения?

Человек-невидимка. Персонаж, посредством науки сумевший достичь собственной незримости... Во-первых, это, конечно же, сам уэллсовский Гриффин из романа «Человек-невидимка» (1897). Во-вторых... снова он же, поскольку литературная жизнь Гриффина продолжилась в одной из миниатюр шуточного «Послесловия к Уэллсу» А. Днепровца, в радиопьесах «Клуба знаменитых капитанов» В. Крепса и К. Минца. В-третьих же, из ответов (а отчасти из собственных разысканий) нам удалось выстроить, пусть и не слишком длинную, хронологическую цепочку.

Одним из первых отреагировал на появление книги Уэллса знаменитый Жюль Верн: в романе «Тайна Вильгельма Шторица» (издан в 1910 году, но написан раньше: ведь в 1905-м писатель скончался) он вывел злобного эгоиста-химика, сумевшего изготовить и препарат, сообщавший телу невидимость, и «лекарство» от этой последней.

В 1906 году появился рассказ Джека Лондона «Тень и блеск». Помимо прозрачности, достигнутой с помощью химических реактивов, писатель предложил и другой способ — абсолютно черную краску, которая, поглощая все без исключения лучи, падающие на окрашенный ею предмет, тем самым тоже делала его невидимым. Автор сам оговорил недостатки этого варианта — отбрасываемую тень и неизбежное темное пятно на окружающем фоне.

В 1911 году Хьюго Гернсбек опубликовал свой роман «Ральф 124С 41+». Невидимка в этом романе проходит третьим планом, но, несомненно, интересен тем, что прозрачности не достигает посредством особой — ультракоротковолновой — машинки, придающей любому предмету частоту колебаний, равную частоте света.

Массу приключений пережил герой романов некоего Боргуса Никольсена «Глориана» (1924) и «Масцена» (1927): его прибор, используя невидимые для нас инфракрасный и ультрафиолетовый лучи спектра, и человека делал столь же невидимым.

Чуть позже, в 1928 году, стано-

вится невидимкой и персонаж фантастико-сатирической повести И. Ильфа и Е. Петрова «Светлая личность», неосмотрительно воспользовавшийся новейшим средством для выведения веснушек.

Наконец, в 1929 году вышел переработанный у нас роман Яна Вайсса «Дом в тысячу этажей», герой которого использует физическим путем («распылением») полученную невидимость для борьбы с воплощением вселенского зла Агасфером Мюллером.

После войны интерес к невидимкам в чистом виде заметно угасает. Вспоминается нам, правда, роман старшего армянского фантаста Ашота Шайбона «Победители тьмы» (русский перевод — 1952), где производство чуть фосфоресцирующих «белых теней» было поставлено на поток. Да еще один рассказ, «Прилежный мальчик и невидимка» Д. Биленкина, отыскали наши читатели; герой его всю жизнь положил на достижение невидимости и повержен в смятение: где же ее, невидимость, использовать — то, разве что на пляже — для переодевания? В конце концов, место для нее находится в театре: для показа привидений.

Возможно, именно ненужностью невидимок в самом близком будущем и объясняется пренебрежение к ним со стороны фантастов? А впрочем, и для перечисленных произведений нам (вы заметили?) уже не хватает пальцев обеих рук...

В блицтурнире «Недели» участвовало немало победителей наших «больших» викторин. Умудренные опытом, закаленные эти бойцы походя и с блеском расправились с вопросами микровикторины. Но иногда мы и не ожидали, а потому припасли разочаровывающий сюрприз: в число призеров включили лишь тех, кто если и участвовал уже в наших викторинах, то, во всяком случае, ни разу не попадал в победный список.

Итак, книги с автографами советских фантастов получают десятиклассники Владислав Заря [Якутск] и Кирилл Богданов [Москва], а также В. Передков [Комсомольск-на-Амуре], М. Нейман [Баку], В. Колядин [Рязань], Э. Путьный [Ереван], Г. Фатеев [Лунга МССР], В. Воробьев [Полтава] и Б. Рифтин [Сумы], А. Дороднов [Ульяновск], И. Сахарова [Томск] и... и крайне неразборчиво написавший свою фамилию товарищ из Ташкента по имени Айдар, который для получения приза должен откликнуться на эту публикацию.

● В Брянске, возле педагогического института, открыт памятник учителям. Коленопреклоненную фигуру учителя с пробитой осколком книгой в руке дополняет надпись на пьедестале: «Советским учителям, отдавшим жизни за Родину, за торжество разума и гуманизма в войне 1941—1945 гг. Несущий знания — бессмертен».

● В 1928 году пионеру Ване Бондареву был повязан красный галстук. Стал Ваня комсомольцем, в Отечественную войну — военным летчиком, совершил 196 боевых вылетов... Уже после войны родился у Ивана Бондарева сын Саша; галстук перешел к нему, затем — к младшей сестре Оле. Ныне семейная реликвия Бондаревых стала экспонатом музея пионерской славы при московском городском Дворце пионеров на Ленинских горах.

● Музей народного образования создается педагогами Удмуртии. Экспозиции его расскажут о развитии народного просвещения в республике, о подготовке педагогических кадров.

● Бельго — село нанайское. В музее местной школы бережно хранятся вырезанная из коры деревьев посуда, фигурки идолов, убранство шамана — все, что может рассказать о жизни когда-то существовавшего здесь нанайского стойбища. Инициатор создания музея — учительница Анна Ивановна Мутовина.

● Конкурс юных гидов прошел в музее истории Латвийской ССР. Гидам, учащимся рижских школ, было предложено познакомиться зрителям со стендами своих школ и охарактеризовать представленные экспонаты.

● Колокол звонил... на урок

Необычный колокол этот висит на лестничной площадке в старинном доме на Невском проспекте, где располагается сейчас ленинградская школа № 222. Вот какая надпись на нем: «Этот колокол много лет подряд возвещал начало и конец уроков. Теперь он звучит в первый день учебного года, в день последнего звонка и на традиционном сборе окончивших школу».

● Сегодня и всегда — Родина

Точную дату возникновения старой крепости в селе Московское Изобильненского района Ставропольского края учителю Вилору Алексеевичу Бочарникову установить было не просто, зато теперь сомнения нет: известна и дата, и время, когда заложено село, которому оказалось двести лет. Отшумевшие два века напоминают о себе экспонатами школьного музея, где хранится оружие времен Суворова, собранная старинная утварь...

Вилор Алексеевич преподает в школе английский язык. Многим своим питомцам дал он прекрасные знания, и не только знания... Заехал как-то к учителю Анатолий Смоляков — переводчик, знающий немецкий, испанский, английский, и привез для родного музея коллекцию старинных монет. Бочарников ахнул: среди монет обнаружилась медаль, отлитая в честь Бородинского сражения!

Сельскому учителю не довелось воевать. Но фашизм он видел своими глазами. Пережил похоронку на отца, бывшего конармейца; видел, как мать в войну, пытаясь вывезти совхозную технику, со слезами на глазах уничтожала тракторы, потому что уже нельзя было уйти от немцев; помнит блокадную свою студенческую пору в Ленинграде... Во имя мира на этой земле работает и учит ребят В. А. Бочарников. Огромная страна и маленькое село сегодня и всегда остаются Родиной.

● Учились в катакомбах

Удивительный музей создан в одесской средней школе № 46 под руководством учителя истории А. Б. Портнова. Можно в нем увидеть карту боевых действий, плакат «Смерть фашистским оккупантам!», макет школы, классы которой располагались в... катакомбах.

В августе 1941 года фашисты бомбили Одессу. Несмотря на это, учителя взяли на учет всех ребят школьного возраста и готовились к учебному году; чтобы была возможность вести занятия, классы были перенесены в катакомбы, под землю. В десяти километрах проходила линия фронта, а в подземной школе звонки регулярно извещали о начале уроков...

● Учитель всегда учитель

Лига Карловна Удрия — учитель второй школы в Лиелае. Войну она даже не помнит, но с армией судьба ее свела. Прежде чем стать учительницей, Лига Карловна работала маляром-штукатуром — это ее первая профессия, а затем освоила специальность радиста-телеграфиста, пошла добровольцем в армию, служила, вышла в запас старшиной первой статьи. В армии же окончила заочно истфак.

Первое письмо пришло в школу, когда Удрия была еще пионервожатой. Незнакомая женщина из Свердловска просила найти могилу сына, погибшего под Лиелаем. «Армия приучила меня к исполнительности», — так всегда говорит Лига Карловна. Она взялась за поиск, нашла могилу солдата, ответила матери. Сколько их было потом, таких писем!.. Тысячи... Так и втянулась учительница в поиск, и втянула ребят. Не ограничиваясь историей 67-й дивизии, оборонявшей Лиелаю, они ведут самый разносторонний поиск — всегда скрупулезный, всегда трудный. И задача у них только одна — успеть найти, пока живы ветераны...

СВОЙ ПРИХОДИМ КЛАСС...

Предлагали Лиге Карловне перейти работать в музей, только она отказалась. Здесь, в школе, рядом с ней — ребята, которым она преподает не только историю... Учитель всегда учитель.

● Партизанская быль

Тридцать лет, до самой своей кончины, проработала учительницей начальных классов в Смольковской средней школе Горьковской области Матрена Исаевна Вольская.

А пришла Матрена Исаевна в эту школу в самое военное время, в 1942 году... В облоно не хотели давать ей распределения: «Что вы, какая работа? Вам в госпиталь надо ложиться...» Вид у молодой учительницы, действительно, был больной — она только что вернулась из тяжелейшего перехода. По заданию Смоленского подпольного обкома партии учительница-партизанка из отряда «Батя» вывела с оккупированной фашистами территории тысячи детей. Более двухсот километров вела она полуголодных ребятишек по лесам и бездорожью, пока не пересекла линию фронта. Вот тогда-то, сдав «ребячий эшелон», и пришла в облоно — проситься на работу.

В Смольковской школе помнят Матрину Исаевну Вольскую. В школе установлен бюст учительницы-партизанки.

● «Один глобус, три арифметических ящика, Новый завет — один экземпляр...»

Эти сведения о том, чем располагала Богдановская школа в конце прошлого века, найдены в анкете, отправленной в Санкт-Петербургский комитет грамотности

учителем Н. И. Строниним. Вот что он в ней писал: «Прежде обучали грамоте приходившие со службы солдаты. Позже была основана приходская школа, в которой учителем состоял местный дьякон... А затем в 1867 году возникло сельское училище. Обществом был дан приговор содержать это училище, на что с каждой души собирать по 20 копеек...»

Учащиеся Богдановской средней школы Кинельского района Куйбышевской области отметили 115-летие открытия школы в своем селе.

● Родная школа, родной завод

Большинство учащихся челябинской школы № 107 — дети и внуки тракторозаводцев, да и расположена школа по соседству со знаменитым ЧТЗ; и музей в ней — трудовой славы — посвящен заводу. Этапы всей его богатой истории представлены здесь: бессонные ночи Тракторостроя, сжатый ритм стахановских вахт, военная героика Танкограда, величавые будни мирного времени.

Руководит музеем и всей поисковой работой Маргарита Константиновна Одольская, заместитель директора школы и учительница химии. Она же — председатель школьного штаба «ЧТЗ-50».

Биография завода — это судьбы родителей, это жизнь многих знакомых ребятам семей. Бабушка Олега Бабкина помнила первый трактор, вышедший из проходной завода. Дед Владика Вдовенко столько проработал на заводе, что вместе с ним отметил трудовой юбилей — 50 лет. Женя Важенин живет на улице Рождественского — героя Уральского добровольческого танкового корпуса...

В год славного юбилея Челябинского тракторного завода коллектив учителей и учащихся 107-й школы борется за почетное право носить имя «Школа имени 50-летия ЧТЗ». Сегодня школа располагает огромным количеством документов, фотографий, наград, магнитофонных записей, газетных статей, рассказывающих о жизни завода.

● Учитель истории восьмилетней школы села Бутаково под Лениногорском Николай Алексеевич Зайцев в 1968 году организовал со своими ребятами этнографический музей. Многие годы копился фонд музея, и вырос до 9000 экспонатов. По решению Совета Министров Казахской ССР школьный музей преобразован в областной архитектурно-этнографический.

● Тысячью книг и монографий располагает музей имени А. С. Макаренко Легейской средней школы Усть-Алданского района: это — крупнейшее в автономной республике собрание материалов о жизни и деятельности выдающегося советского педагога.

● Школьники арцваникской средней школы в Армении под руководством учительницы Э. Манучарян организовали у себя музей, ставший очагом культуры в селе. Вещи из бронзового века, монеты, датируемые от 1453 года, предметы обихода XIX века составляют его экспозицию.

● Давняя слава мастеров Саята живет и поныне в названии улиц: Кузнечная, Мастерская... Мастерам кузнечных дел посвящена экспозиция в музее школы совхоза имени Кирова Фаришского района в Узбекистане. Старые кузнецы и внуки тех, кто ковал лошадей для бойцов Красной Армии, отдали в музей уздечки, удила, стрелы, серпы, кетмени.

● Флаги дрейфующих станций, личные вещи полярников, приборы для арктических исследований — множество интереснейших экспонатов хранят ребята московской школы № 336, где уже десять лет существует музей Арктики.

Фронтная мальчишечья

Василий проснулся и долго не мог понять, отчего. За стенкой привычно завывал на высокой ноте станок, выделявшийся в цеховом шуме, как фальшивый голос в хоре. Отдаленно бухал молот. Мастер еще не пришел — можно бы доспать... Вторую неделю бригада на казарменном положении, и ребята ценили каждую лишнюю минуту сна. Порой в перерыве пить за двадцать шагов не пойдут, лишь бы вздремнуть... А тут вдруг проснулся. Перевернулся на другой бок и тут отчетливо услышал громкий всхлип...

Василий скинул ноги на пол, прошел мимо спящих. Плакал Ваня Рогачев, самый младший в бригаде.

В конце прошлой смены, когда они снова не выполнили план, собрались ребята вокруг рогачевского станка. Все молчали. Говорить начал Ваня Яковлев, наверно, потому, что такой же пацан был, имел право на разговор:

— Рогач, ты когда перестанешь вольничать? Из-за тебя опять стояли! Ты, значит, Красной Армии не хочешь помочь?! Да ты!..

Не зная, как еще выразить свои чувства, Ваня, по старому правилу тагильских мальчишек, как правый в споре, двинул Рогачу под бок. Ребята распетушившегося Яковлева оттащили. А Василий тогда удивился: Рогачев все это время стоял с одним выражением лица, будто не его вовсе касалось.

И вот тебе на... Рогачев, которого они ничем не могли прошибить — ни словами, ни тумаком, ни обещанием вывесить фамилию на «доску дезертиров», тех, кто не выполняет норму, — этот Ваня Рогачев плачет...

Василий сделал вид, что ничего не заметил. Не из высоких побуждений. Действительно, работал Рогачев плохо, вся бригада из-за него план не выполняла, а, значит, и из-за них Красная Армия танков меньше получит. Василий Воложанин умел быть жестким в свои неполные восемнадцать лет.

Хотя если по-человечески... Надо было ему просто Ване давно о себе рассказать. Он ведь почти одновременно отца с матерью лишился, с двенадцати лет в Шадринском детском доме воспитывался. Время от времени убегал отсюда: обида на жизнь заедала. Был у них один воспитатель: урок ли, беседу какую начинал с обращения «Граждане сироты!..» А какой он сирота, если в Нижнем Тагиле у него две тетки живут? Доберется за месяц — где прирабатывая, а где, по правде сказать, приворовывая по мелочи. Только у теток своих ртов хоть отбавляй, он это понимал...

А в тридцать седьмом после семилетки уже вместе с двумя

другими в ФЗО в Тагил поступать приехал. Милиционер на вокзале увидел знакомое лицо и говорит:

— Опять ты... Ишь, еще и братцев прихватил. Езжайте-ка вы, откуда приехали, у нас своих таких хватает.

Только путевки наркомовские и спасли. Нельзя сказать, чтобы и в школе фабрично-заводского обучения Василий самым примерным учеником был и что потом сразу ударником стал в токарях. Первый его наставник на «Вагонке», дядя Витя Алексеев Пономарев, не на один год свою жизнь укоротил, воспитывая из него настоящего рабочего. Ведь, честно говоря, во все времена, видно, мальчишкам интереснее шахматные фигуры вытачивать, чем делать плановые детали, и важнее — будет ли сегодня Радька-Фунт у кино со своей компанией ждать, чем то, что за невыполнение плана будут после смены ругать.

Но ведь это все было до войны!.. Есть ли хоть у одного человека в стране право жить по-прежнему, когда немцы под Москвой? Сейчас все должно быть иначе. И возраст здесь ни при чем, коли дело так повернулось. Из мальчишек надо сразу стать мужчинами. А подростки и юноши после войны снова будут...

Нет, не стал Василий ничего рассказывать Ване Рогачеву. Поправил шапку под головой, вздохнул глубоко и заснул. Вот-вот двенадцать пробьет: у ночной смены перерыв будет, а их растолкают. Пока те час обедают да отдыхают, чтобы станки не простаивали, бригада Василия Воложанина будет работать.

Февраль сорок второго шел. План выпуска танков завод не выполнял.

Когда-нибудь Василий Михайлович Воложанин попробует все вспомнить и записать. Правда, в музее боевой славы Уралвагонзавода хранятся записи его рассказа о том времени. Но там больше о том, как работали, на сколько процентов план выполняли, какие за это время бригада награды получила. А вот о том, как работали, каких это усилий стоило — ударно работать, сколько спали, как-то все в стороне пока оставалось. Раньше он считал, что это неважно...

Сейчас он начальник отдела кадров орденосного Уралвагонзавода. Большой завод — большие обязанности. Устраняется на работу парень, освободившийся из мест не столь отдаленных, — надо решить, в какой его цех направить, где коллектив дружнее. А вот семнадцатилетняя девчонка просится на работу в формовочный:

подзаработать решила. Без специальности. А если убедить сначала получить профессию — обязательно останется на заводе, а так через полгода уволится... Это он по многолетнему опыту знает: и в цехах много работал, и директором профтехучилища — тогда еще ремесленного. А вечером встреча с нынешними учащимися базового училища. Как им за сорок минут рассказать обо всем, что пережил, о чем передумал в те долгие военные дни?..

...Осенью сорок первого в Тагил стали прибывать первые эшелоны с оборудованием, эвакуированным из западных областей. До этого на заводе обшивали бронированными листами вагоны. Было ясно, что время бронепоездов прошло. А вскоре и совсем известно стало: заводу предстоит выпускать танки.

На какие только ухищрения ни шел Василий, чтобы попасть на фронт. И в открытую ходил в военкомат, и годы по наивности, полагаясь на случай, подправлял в документах или убеждал, что потерял их. Однажды даже до Свердловска доехал... Ответ был один: «Не пришло еще ваше время, парни. Здесь нужнее будете».

А когда в ноябре его перевели в токарный цех, когда узнал, для чего детали точит, да еще увидел, что за станками стоят женщины, старики, вернувшиеся на завод, да свой брат-подросток, понял разом: здесь тоже серьезно. Многие ребятки только-только встали к станку — не скоро еще от них толк будет; старики после часа работы на ящичек приседали: ноги уже не те...

В конце года комитет комсомола завода стал по инициативе уралмашевцев организовывать комсомольско-молодежные бригады. Вызвали Василия к начальнику цеха. А там у него и мастер, и мужики, что из кадровых остались, и секретарь комсомольской ячейки.

Начальник цеха, Петр Поликарпович Вислобоков, так прямо и резанул:

— В бригады тебя, Вася, прочим.

Василий Воложанин и виду не подал, что удивился. Только спросил:

— А почему меня-то?

— А шустрый больно, — подначил Вислобоков. — Сделаешь так, чтобы бригада план выполняла, да чтобы носы после работы не вешала — вот и дело будет. Это и первое комсомольское поручение тебе.

Отказываться Василий не стал, одно только условие поставил:

— Три месяца работаем, не получится — снимаете без разговоров...

На том и порешили. Дали ему

пятнадцать человек, сам шестнадцатый. А бригады, надо сказать, тогда так формировали: к тринадцати пацанам присоединяли двоих-троих взрослых, «для порядку». Работали на равных. А вот карточки на хлеб на всю бригаду хранились у самого старшего; поте-

рять «декаду» значило за десять дней бесхлебной жизни дойти до дистрофического состояния, потерять месячную карточку... Словом, в этом деле авторитет возраста был непререкаем. Или другое: попробуй Василий убедить своих согодоков и «малышню» пойти после двена-

дцатичасового рабочего дня в баню, когда и сам-то бы лучше в кино или поспать... А у мужиков это разом получается. Хотя у тех же сорванцов хватало чуткости и понять горе взрослого человека. У Федора Масюкова осталась семья в оккупированной Смоленской области. «А может быть...» — с этой фразы неумело, но от всего сердца успокаивали его, как могли. И Василий Брюховский жил далеко от семьи, и его подбодряли. Так и жили, Отцы и дети.

Первые два месяца план они с треском проваливали. Потом состоялся тот памятный разговор. Закончилась смена, собрались. Начал Василий:

— Вчера Яковлев Ванюшке Рогачеву в общем-то правильно говорил. Да в нем ли одно дело? Назвались бригадой, а работаем всяк за себя...

— А что, еще и за него будем?..

— Не в этом дело...

— И в этом, — вдруг заговорил не больно-то многословный Федор Масюков. — Ты, Вася, встань вместо Рогачева на обработку балансиров, а он пусть идет на конечные операции — задел-то будет больше, вот и не станем простаивать...

Поспорили, а все-таки решили попробовать. Выработка на другой же день стала выше нормы. И вся бригада за март не только выполнила план, но и нагнала все недоработанное. За квартал они стали победителями в цехе...

Тот разговор запомнился еще и по другой причине. Не только в перестановке было дело. Когда обсудили предложение Федора, Воложанин сказал:

— И еще, до каких пор мы будем отсиживаться в тылу?..

Все переглянулись: чего это он?

— Под брезент в эшелон прятаться мы все мастера!.. Выкидывают нас — и правильно делают! Не дорос — не суйся... Я о другом: на заводе фронтные бригады из ребят создаются. А мы, выходит, в тылу?

Ох, и раздухарились же все, чуть не до драки разругались — все выясняли, кто виноват в отставании. Уж и не помнится, кто тогда сказал:

— Нашим под Москвой танков не хватает... Люди гибнут из-за того, что с гранатами под «тигры», а мы...

Разошлись молча.

Уже после войны Федор Масюков, который председательствовал в колхозе на родной Смоленщине, написал Воложанину в письме, вспоминая этот эпизод: «Знаешь, после разговора о том, что и мы виноваты, ну, что танков под Москвой не хватает, было такое

ощущение, что я, мы все, в общем, за всю Родину в ответе. Что и от нас победа будет зависеть...»

И у Воложанина было такое же чувство.

Когда порой на встречах с сегодняшней молодежью Василию Михайловичу задают вопрос: «Кого, по-вашему, можно назвать патриотом?» — он обычно отвечает: «Человека, который чувствует на себе лично ответственность за всю Родину».

Каждую ночь, ровно в три часа, в кабинете директора завода Ю. Е. Максарева, куда собиравшись к этому времени руководители, раздавался телефонный звонок из Москвы. Председатель Государственного Комитета Обороны задавал один и тот же вопрос: сколько отгружено танков? Исход войны во многом решался здесь.

8 декабря 1941 года водитель-испытатель Ф. Захарченко увел в первый испытательный пробег Т-34 — «ласточку» Танкограда.

20 декабря на фронт ушел первый эшелон с двадцатью пятью танками.

В марте 1942-го завод начал массовое производство новых машин. А во второй половине 1942 года советские танкостроители превзошли производство танков в фашистской Германии...

Во втором квартале 1942 года воложанинская бригада была признана лучшей по заводу. И в начале июля выступила с предложением: каждому члену бригады приобрести вторую профессию. С одной стороны, это помогло бы избежать монотонности работы на одной и той же операции, а с другой... Но это было пока секретом бригады — чего болтать раньше времени. Когда все без отрыва от работы прошли краткосрочные курсы, — предложили произвести на участке балансиров перестановку оборудования. Каждый из них стал многостаночником. Выработка увеличилась в четыре раза. В то же время вместо одной бригады стало две. Так, с новой бригадой Петра Сухоносова и соревновались они до конца войны.

Инициативу воложанинцев подхватили сначала на заводе, а потом и на других предприятиях страны. Сам нарком танковой промышленности поздравлял их с успехом через газеты. Нормой для них стало делать четыре нормы за смену. И все бы ничего, да Ванюшка Яковлев как-то расскандалился:

— Вот ты, Вася, у нас член бюро... Скажи, ну где справедливость? Как работать — так за чеп-верых, а как в кино на вечерний сеанс — не дорос...

Посмеялись, когда Воложанин

передал заводскому комитету комсомола ребячью обиду, но членам передовых бригад выдали в кино специальные пропуска...

В течение 1943 года на фронт ушли четыре сверхплановые комсомольские танковые колонны. Воложанинцы внесли в них свой вклад.

Нужно было заменить и тех, кто ушел воевать в составе Уральского танкового добровольческого корпуса. «Бейте фашистов, дорогие земляки, за нас и за себя! А мы выполняем вашу норму выработки и ждем с победой», — писали члены бригады в те дни экипажу Семена Бойченко, с которым заочно соревновались. Они были там, на фронте, с ними еще и потому, что в конце 1943 года бригаде присвоили почетное наименование — «фронтная».

Года три назад собрались они в канун Дня Победы в заводском музее боевой славы. Прославленные командиры фронтовых бригад: Василий Воложанин, Наум Корензаев, Надя Хайдукова, Тania Бревнова, Сима Уздемир, Толя Смирнов и многие другие. Именно так по привычке они и в свои «после пятьдесят» звали друг друга. Стали вспоминать свою юность... Сигнальные посты. Не дает цех на сборку какой-то узел, комсомольский пост сборщиков идет к сигнальному посту цеха, потом вместе — к мастеру. А необходимость была, так докладывали и секретарю комитета комсомола, и директору завода. У директора даже было правило: сигнальные посты принимать вне очереди...

Вспомнили и свой молодежный городок из двенадцати бараков, и среднюю площадку в 1,7 квадратных метра на брата, по поводу которой шутили: «Средняя глубина реки один метр, а корова утонула...» И комсомольские театральные «баланганчики» вспоминали. И фронтные сто грамм — стакан хвойного экстракта против цинги, без принятия которого в столовую не пускали, и знаменитую баланду — мешок муки на котел воды, суп гороховый «деликатесный»...

— А помните коробку шоколада девчонки Нади Хайдуковой? — сказал кто-то, и все разом как-то замолчали, невольно взглянув на вазы с шоколадными конфетами, расставленные на столе.

Да, был такой случай... Перед самым новым, 1944 годом пришел с фронта на ремонт восемь непла-новых танков. Девчонки из бригады Нади Хайдуковой уже в платях, раз в год надеванные, оделись, а тут срочная работа... Со слезами переоделись, знали ведь: они одни пат-

рубки для танков делают. Директор завода, чтоб как-то утешить девчонку, из самого глубинного «НЗ» коробку фигурного шоколада передал в бригаду — невиданная ценность!.. Можно было на мешок муки смеяться...

А девчонки шоколад этот на фронт послали. Через месяц с фронта письмо пришло от воевавших на наших танках добровольцев: «За подарок, девчата, спасибо, мы его в подшефный детский дом отправили».

...К дню стахановской вахты Василий готовился особенно тщательно. Это была традиция, а не праздничный эпизод в биографии. Но предстояло пойти на невиданный рекорд — сделать десять норм, стать «тысячником».

Главное — уловить ритм... Включены первые два станка. Привычные движения рук — и заготовка установлена в третьем. Теперь снова — к первому... Четвертый, второй, третий... Пятый! Закрутилась карусель. Полетел резец... «Не суетись, — приказал себе Василий, — тебя еще семь секунд».

— Есть три нормы... — не доверяя срывающемуся мальчишечьему голосу, показывал на пальцах Ваня Яковлев.

— Есть семь норм...

— Двенадцать!..

Василий и сам чувствовал, что рекорд будет. Ни усталости, ни шума в ушах — был всепоглощающий ритм и упоение работой. И праздничность... Хотя он, наверное, тогда и не думал вовсе, как назвать это необыкновенное свое состояние...

Норму он в ночь на 21 декабря выполнил на 1343 процента. После смены стал кандидатом в члены ВКП(б).

Февральская поземка кружит за окном. К проходной завода тянется нескончаемый людской поток, и из окна кабинета начальника отдела кадров на третьем этаже кажется эта поземка в свете фонарей какой-то диковиной змейкой, играючи проскакивающей через этот поток.

Рано, очень рано начинается обычный рабочий день Василия Михайловича. Мы уже час беседуем, а идут только первые рабочие ранней утренней смены. В день у него бывает до ста посетителей, плюс совещания-заседания.

— Приходит недавно старый, кадровый наш рабочий, с войны знаем друг друга. «Михалыч, — говорит, — сын у меня институт бросил, не по душе, мол. Месяц дома музыку крутит. Давай на завод его, что ли, устраивать?» Бери к себе, — предлагаю. «Да что ты, у меня ведь пыльно, да и тяжело.» Я вот часто думаю: мы иногда молодых

за эту самую инфантильность ругаем. А сами-то чего лезем за них все решать, от всего трудного, непредвиденного оберегаем?!

Вдруг засмеялся:

— И нас ведь ругали, да и было за что. А как дело повернулось... Я вот сейчас вспоминаю то время, всех, с кем работал в войну, — ни про кого ничего худого сказать не могу...

Во втором полугодии сорок четвертого его бригада за высокие показатели была включена во всесоюзное соревнование за Переходящее знамя ЦК ВЛКСМ и наркомата танковой промышленности. Воложанинцы выступают с новым предложением. К тому времени каждый из них уже стал настоящим асом. На строгальных, сверлильных, фрезерных станках работали с закрытыми глазами. И вот они высвобождают еще трех человек, и пятеро обслуживают четырнадцать станков.

В это время на заводе идет соревнование за звание гвардейских фронтовых бригад. О том, какими жесткими были условия соревнования, говорит только один факт: за годы войны из 314 фронтовых бригад этого звания на заводе были удостоены лишь 15, в том числе — воложанинская. За четвертый квартал 1944 года, за первый и второй 1945-го знамя победителей всесоюзного соревнования было присуждено им — на вечное хранение. Все пятеро были удостоены правительственных наград. Воложанин был награжден орденом Ленина.

В апреле сорок пятого Воложанина вызвали в Москву, на всесоюзное совещание командиров фронтовых комсомольско-молодежных бригад.

Четыре дня со всеми московскими впечатлениями пролетели, как один. В Исторический музей зашли на экскурсию, а там со стенда, где о фронтовых бригадах рассказывается, на него смотрит его фотография. Отошел от своей группы. Экскурсовод школьникам около него что-то рассказывала, взглянула и — так тихо:

— Извините... Вы — это не... вы?

Он смущенно ответил:

— Ага, я — это я...

И часа полтора рассказывал о заводе, о ребятах, откуда и слова нашлись. Прямо как на трибуне!

А вечером перед отъездом всем участникам на складе выдавали кожаные пальто.

— Берите, молодой человек, побольше, — убеждал чернявый кладовщик. — Попомните мое слово: через год мало будет!

Ну, уж нет! В Тагил он хотел франтом приехать!..

А правду говорил кладовщик. Война кончилась, с харчами стало лучше, и через год он в пальто уже не вмещался... Висело сначала в прихожей, потом в кладовку попало. Лет тридцать пять там пылилось.

Приехала однажды сотрудница музея из Ленинграда:

— Нет ли у вас каких-либо вещей того времени? Мы экспозицию о героическом труде ветеранов тыла создаем...

А у него ничего и нет: почти все по музеям отдал. Жена только про это пальто и вспомнила. Отдал.

Знакомые, бывавшие в музее боевой славы ленинградского Дворца культуры имени 40-летия Октябрьской революции, рассказывали: висит оно там — рядом с курткой Рихарда Зорге, шинелью военачальника и шлемом танкиста-добровольца...

Остановка

В пути

**Юрий
КЛЮШНИКОВ**

Январь 1855 года. По реке Туре — санный след: ямщицкая дорога. Звенит вдали, со стороны Тюмени, бойкий колокольчик. Показалась упряжка. Лошади вынесли ее на туринский берег, помчали по улице уездного городка и притормозили на постоялом дворе. Ямщик побежал договариваться.

— Свежих лошадей барину!

— А что, ездок-от генерал, что ли? Дюжину подавать — коней не хватит.

— Нет, не генерал. Должно, титулярный советник. Тройку закладывай!

— Издалека? — продолжали допытываться в ямщицкой.

— Из Иркутска едем, — отвечал возница. — Сам-от барин с берегов Охотского моря. Где верхом на лошади, где пёхом. Джугджур одолел. Отважный человек!

Тем временем ездок, сбросив медвежьи шкуры, укрывавшие его, тяжело вылез из саней и в здоровенном малахае, в торбасах, в заячьей шубке, в дохе из шерсти горного козла (сколь одеж наследвал!) направился немного отдохнуть в дом для проезжающих. Сейчас в нем, с помороженным лицом, небритом, трудно было узнать знаменитого столичного литератора. Но это был он, великий русский писатель Иван Александрович Гончаров.

Подробностей этой краткой остановки в Туринске мы, к сожалению, не знаем. Гончаров не оставил их в письмах, автобиографиях и мемуарах.

Последнее письмо из Якутска было послано издателю «Отечествен-

ных записок» А. А. Краевскому в сентябре 1854 года. 25 февраля 1855 года — возвращение в Петербург. Потом работа над «Фрегатом «Палладой», безнадежная страсть к Е. В. Толстой, работа над романами «Обломов» и «Обрыв». Лишь на закате жизни писатель написал очерк «По Восточной Сибири». В книге «Фрегат «Паллада» описание путешествия доведено только до Иркутска. Если бы автор продолжил книгу, там обязательно был бы назван Туринск.

Сибирский тракт, как известно, с 1597 года проходил от Соликамска через Верхотурье, Туринск, Тюмень и дальше на Тобольск, Ишим, Омск, Колывань, Томск, Иркутск, Читту, Хабаровск, Владивосток. Итак, Туринск — на пути следования. Зимой реки служили надежной санной дорогой, которой и воспользовался Гончаров от Тюмени на Туринск. «Возвращение мое восвоеси, ко всему отечественному, — писал с дороги писатель, — совершается с медленностию, истинно одиссеевскою, и между началом и концом этого возвращения лежит треть года, две трети полушария и половина царства».

В столице откровенно удивлялись и недоумевали. Звезда восходящей литературной славы, автор «Обыкновенной истории» и первой части «Обломова», человек, склонный к полноте, называющий себя де Лень, в сорок лет отправляется в кругосветное плавание? Не обдуманная ли это выходка, не артистическая ли шутка? Нет, то было другое. Жажда увидеть новые края и земли, по признанию Гончарова, возвратила мечты и надежды юности. И кто знает, не пойдет ли успешней работа над «Обломовым», которая застопорилась. И какой замысел! Написать путешествие вокруг света в 12 томах, с планами, чертежами, картой Японских берегов, описаниями костюмов и портретов жителей Океании. Пусть вместо 12 томов позже появился лишь «Фрегат «Паллада», но явивший собой замечательное литературное явление в жанре книг-путешествий.

Итак, в 1852 году Гончаров — секретарь при адмирале Е. В. Путятине, начальнике экспедиции, снаряженной правительством, как па-

шет сам писатель в автобиографии, «для обозрения российских колоний в Северной Америке и для заключения торгового трактата с Японией».

Кронштадт, Портсмут, Лондон, мыс Доброй Надежды, поездка в глубь Капской колонии, Индийский и Тихий океаны, Сингапур, Гонконг, Нагасаки, экспедиция в Китай, Манила, остров Гамильтон... Два года нелегкого, изнурительного плавания, требующего недюжинного мужества и сильной воли. И вдобавок — самый сложный путь возвращения на родину, затеянный писателем. 7793 километра (7376 верст) только от Владивостока до Тюмени. А до Петербурга — все десять тысяч верст. Лесами, горами, болотами и топиями, реками и тропами. «Истинное путешествие в старинном трудном смысле, словом, подвиг, только с этого времени и началось», — писал Иван Александрович с дороги в столицу.

С сумкой, плотно набитой тетрадями с готовыми очерками и дневниками, Гончаров бестрашно, верхом на лошади, пробирается сквозь таежные дебри, упорно в цепочке путников, рискуя жизнью, поднимается по ледяным склонам Джугджура, стремительно несется в лодке вниз по течению порожистой и коварной реки Ман. В лютые морозы отваживается ехать зимней дорогой из Якутска на Урал. Вот вам и тихоня де Лень!

...Скинув с себя все, Гончаров грелся у теплой печки в доме для проезжающих. Появился ямщик.

— Лошади готовы, ваше благородие!

Что ж, надо ехать. Гончаров садится в сани, обкладывается опять медвежьими шкурами. Тройка, как птица, выпорхнула из ворот постоялого двора. Проскочила Туринск, вымахнула на крутояр, спустилась к Туре и понеслась ледовым путем, вверх по течению.

Туринск можно считать очевидцем мужественного шага человека, сказавшего, по выражению Н. А. Добролюбова, «новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины».

Глиняный город

**Анатолий
ПЕЧЕРСКИЙ**

В селе Ново-Воскресеновка Джамбулской области сохранились остатки глиняной крепости Ашпары, стоявшей на Великом шелковом пути более шестисот лет. Нет в Казахстане другого такого памятника глиняной архитектуры позднего средневековья.

Ашпары начиналась с цитадели, высота которой достигает и ныне двадцати метров. Она служила резиденцией правителя города и округи. Около ее располагались жилища знати и купечества. Эта часть города называлась шахристаном. Он был окружен мощными стенами с грозными башнями у въездов и глубоким рвом. Даже сейчас сюда трудно подъехать из-за сильно заболоченной местности, только дамбы указывают места, через которые когда-то попадали в него.

Однажды юные археологи разгадали тайну прочности глиняных стен укреплений, которые много веков противостоят воде и ветру. Собрался на раскопки самые любознательные: Вася Хиценко, Руслан Киер, Саша Ломакин, Таня Землякова. Потом к нам присоединились учащиеся школы колхоза «Победа» — Рашид, Латифша и Джамшит Юсуповы.

...Вскарабкавшись на цитадель, осмотрелись. В полукилометре увидели остатки башни, у южных ворот Ашпары, где сейчас улица Абая смыкается с центральной дорогой (бывший Шелковый путь), соединяющей три республики — Киргизию, Казахстан и Узбекистан. А вдаль, в километре на юг, в саду колхоза «Победа», возвышаясь над вершинами деревьев, видны развалины каравансарая.

Началась работа. Обнаружили остатки мечети XIV века, ибо в начале XV века крепость была покинута мусульманскими войсками Тиму-

ра, мечеть полуразобрана и все ценное увезено. Это подтверждается сведениями из древнего документа. В 1405 году после смерти Тимура начальник гарнизона Алладада счел благоразумным покинуть крепость Ашпару, окруженную беспокойными монгольскими племенами. «При этом же он приказал своей свите и войскам, и они забрали с собой все большое и малое...»

Ребята с нетерпением принялись извлекать на местах прежних раскопок кирпичи. Мокрые, они были холодны, выскальзывали из рук. Руслан обратил внимание на то, что они очень тяжелые.

— Внутри их... булыжники? — неуверенно скафал он и пошел на поиски камней, чтобы с их помощью разбить кирпичи. Но Руслана опередил Вася. Он быстро приволок пару голышей и принялся молотить камнями по кирпичам. Не найдя камней, возвратился Руслан и стал наблюдать за работой ребят. Потом проговорил:

— Так это же в кирпичях кристаллики замерзшей воды! Она заполнила пустоты, а в сильные холода замерзла...

Предположение тут же опроверг Вася.

— Смотри, Русик, от твоих «кристалликов» высекаются искры.

— Давайте промоем комочки в воде, — предложил Саша. И не дождавшись ответа, сгреб их и помчался к ближайшей луже с талой водой.

— Вот это да, — с радостью промолвил кто-то из мальчиков, склонившись над Сашей. Я увидел у ребят на ладонях сверкающие камешки...

Услышав наши восклицания, прибежали мальчики, искавшие осколки керамической посуды.

— Что вы нашли? — спросил Латифша, не понимая, для чего ребята промывают какие-то камешки.

— Это не простые камешки, а очень даже драгоценные, — с хитрой улыбкой ответил Саша.

Саша был прав. Стены из таких кирпичей с включением кварцевого песка и камешков не только выдержали тараны, но и время. Поэтому и сохранились остатки древнего глиняного города.

Исток трех великих рек

**Федор
КРЕНДЕЛЕВ**

Издrevле существовал этот обычай — отмечать особым знаком или названием примечательные места, главные ориентиры мест обитания. Заметные камни, острова, утесы, урочища выбирали шаманы для камлания на берегах рек или морей. У великих дубов, на курганах собирались племена и народности на праздники урожая, начала посева, в години бедствий и испытаний. На круглые яры и откосы собирався люд на празднества. Язычники устраивали свои капища, устанавливали идолов и тотемы в таких местах, которые не спутаешь ни с какими иными.

Монастыри и церкви, святилища, кресты и бурханы, как правило, располагаются в местах слияния рек, на их излучинах, на вершинах гор и перевалах, среди величавых дубрав и рощ, близ источников и родниковых ключей. Путник, возвращаясь из странствий, издали завидев ярчайшую приметную долину, важную вежу на пути к ней, волнуется, прибавляет шаг, торопит коня, упорнее налегает на весла.

Когда иноземные захватчики разрушают святыне для отечества города и веси, на пепелищах возрождаются новые поселения. Бывает, исчезнут и храмы, и пагоды, а географическое название местности позволяет точно определить местоположение исчезнувшего объекта. Обычно выбирался неуничтожимый и контрастный ориентир, однозначно выделяющийся на фоне окружающей природы, легко различимый издали. Контрастность — наиболее верный подход к выбору ориентиров на местности. Особенно интересны в этом отношении истоки рек и горные перевалы. Их отмечают с особой любовью и уважением во все времена и у всех народов.

В истоках Волги, там, где сквозь толщу земную пробиваются светлые струи, поставлен домик-кладезь, в которм, как в колыбели, зарождается

жизнь реки-кормилицы, кормилицы русской земли — Волги-матушки.

В странах Ближнего Востока, Европы, Африки практически каждый ключ одет каменной кладкой, ухожен, окружён вниманием.

И в Забайкалье обычай отмечать истоки рек, вершины гор и перевалов бытует с давних пор. Он отражается в топонимике, в географических названиях особыми знаками. Буряты и монголы называют их «обо». Близ ключей и источников на ветки берёз, лиственниц, ильма или на кустарники привязывают они множество разноцветных ленточек, так что издали деревья напоминают новогоднюю елку, пришедшую к нам из времен язычества. На гольцах или сопках местные жители укладывали груды камней, подбеливали их известью, украшали длинными шестами с конскими черепами в навершиях, ритуальными лентами, иногда полотнищами с поминальными текстами. И эти сооружения называются тоже «обо». Есть обо, славящиеся на все Забайкалье, есть маленькие их собратья, так сказать обо местного значения. Можно вспомнить изумительные обо в ущелье выше источника Нилова Пустынь в Тункинской долине, Саган-обо над Тапхарской котловиной близ Улан-Удэ, около посёлка Гонда среди Еравненских озёр, где на вершине одинокого холма в округлой яме сохраняется озеро студеной воды, сквозь которую потаённым изумрудом просвечивает синий лёд.

На многих тюркских и монгольских языках слово «обо» (или «об») означает просто вода или река. На высоте около пяти километров, на самой Крыше мира сквозь теснину падают с 200-метровой кручи воды речушки Сары-об (жёлтая река), самой стремительной на Памире. И над самым обрывом стоит берёзка, украшенная лентами, и трепещет, как будто хочет взлететь ещё выше, подняться над этой головокружительной и священной красотой.

И не потому ли величайшая река евроазиатского континента называется Обь, столь близкая по звучанию слову «об» или «обо»?

А теперь отправимся на Арахлейские озера. Быстро пролетают последние строения города, дорога

стремительно взбирается по серпантину на Яблонево хребет и становится ровной. И вот на обочинах дороги мы замечаем скромные деревца, украшенные цветными, но главным образом, белыми лоскутками. Это саган-обо (в другом произношении — цаган-обо, то есть белое обо) — примечательный объект местного значения. Какой рубеж отмечают скромные деревца?

Развернем карту, взглянем в неё и сориентируемся на местности. Один ручеек уходит на запад и впадает в речушку Монгой, другой — в Читинку. Иными словами, перевал между двумя небольшими речушками. Посмотрим ещё разок на карту и на местность: в нескольких километрах к югу высится темная гора Хороходала с отметкой около 1280 метров, а ещё ближе безымянная пологая вершинка едва видится на карте, а на местности заслонена тайгой. Водораздел между ними болотистый, незаметный, но на карте синий трехпалый паучок отмечает начало трех ручейков. Если пройтись взглядом по ручейкам, то увидишь, что один из них впадает в речку Монгой, та — в Конду, Конда — в Витим, а он — в Лену. Второй ручеек включается в цепочку: ручей Кадала — озеро Арахлей — река Хилок — Селенга — озеро Байкал — Ангара — Енисей; третий — в цепочку: ручей Кадалинка — реки Ингода — Шилка — Амур. Вот тебе и обо местного значения! Совсем рядышком три малозаметных ручейка разливают свои воды на полстраны; истоки трех великих рек мира — Амура, Енисея и Лены сошлись на пятачке, и достаточно каких-нибудь полчаса, чтобы испить воды трех главнейших артерий.

Первопроходцы изобрели много оригинальных способов фиксировать заметные точки на земле. В Эквадоре, Индии, на Галапагосских островах физически прочерчены линии экватора. Можно фотографироваться, стоя одной ногой в южном, другой в северном полушарии. В Эквадоре на линии стоит столб-obelisk, а рядом с ним точно по экватору натянута волейбольная сетка и туристы-южане азартно перебрасывают мяч в иное полушарие. В местечке Гринвич близ Лондона отмечена граница восточ-

ного и западного полушария, нулевой меридиан. У нас в Карелии четко обозначен Полярный круг. В Стамбуле на мосту через Босфор проложена светящаяся ночью линия — условный рубеж Европы и Азии, где европеец может прикурить у азиата, и наоборот.

Когда ледокол «Арктика» проломился сквозь льды к Северному полюсу, сейчас же бочками был обозначен круг, в центре которого установлен флаг Страны Советов, а через прорубь на дно океана опущена чугунная плита с гербом, надписью «СССР» и датой достижения полюса. На Уральском хребте есть несколько столбов, разграничивающих Европу и Азию по водоразделу Уральского хребта, а в городе Кызыл стоит скромный памятник «Центр Азии». Примеры можно продолжать.

Скромные берёзки-обо рядом с Читой отмечают водораздел двух океанов — Тихого и Ледовитого, символизируют истоки трех главных рек континента. Кто подумает — как отметить это редкостное и столь достопримечательное место? Каким символом? Какой эмблемой? Дело за энтузиастами.

История подписного листа

**Виталий
ПАШИН**

Разбирая архив дореволюционного журналиста Ф. В. Смирнова, костромской писатель В. А. Бочарников обнаружил любопытный документ восьмидесятилетней давности. Готовясь отметить 25-летие со дня смерти Н. А. Некрасова, члены Ярославского общества содействия народному просвещению задумали в бывшем родовом имении Некрасовых — селе Грешневе — устроить школу и библиотеку имени поэта-земляка. Поскольку усадьба в то время принадлежала лицу, не имевшему ни родственных, ни духовных связей с

Н. А. Некрасовым, было решено купить у него господский дом.

Но где взять деньги? Ни правительство, ни земство не поддержали идею энтузиастов. Поэтому было решено частным порядком обратиться к жителям Ярославля, Костромы, Рыбинска и других населенных пунктов Верхневолжья, где бывал Некрасов, где еще жили люди, лично знавшие поэта.

Один из инициаторов этой затеи Ф. В. Смирнов, чтобы подзадорить толстосумов, выпустил книгу «Перед некрасовскими днями» и весь гонорар передал в общественный фонд. К сожалению, последователей у него оказалось немного — всего 45 человек. А взносы их были настолько мизерными, что от благородной задумки пришлось отказаться.

Подписной лист с фамилиями жертвователей, сохранившийся в архиве Смирнова, свидетельствует, что деньги давали учителя, мастера, крестьяне — словом, неимущий люд. А от богатых волжских пародчиков, купцов, подрядчиков в фонд не поступило и гроша.

Только после Великого Октября рабоче-крестьянская власть не поскупилась на средства, чтобы увековечить на Ярославщине память о великом земляке. Восстановлен и превращен в музей дом и парк в Карабихе. Ежегодно на поэтические праздники сюда съезжаются тысячи почитателей таланта Некрасова. Во многих населенных пунктах верхней Волги установлены памятники поэту «народной печали и гнева».

Златоустовские карандаши

Азриель
ЛИБЕРМАН

В 1565 году в трактатах о минералах Конрад Геснер описал карандаш из графита, вделанного в дерево.

Карандаш в современном его виде был изобретен французским ученым Н. Контье в 1790 году. Одновременно чех И. Гартмут предложил изготавливать пишущие стержни из смеси измельченного графита и глины.

В России замечательные каран-

даши изготовлял сам М. В. Ломоносов. В 1815 году Академия художеств дала высокий отзыв А. Гапонову о качестве производимых им карандашей. Однако массовое изготовление карандашей в России началось в 1842 году, тогда предприниматель Никитин основал в Москве фабрику, а Павел Петрович Аносов, великий русский металлург, создатель русского булата, организовал производство карандашей на Златоустовском заводе.

На восточном берегу озера Большой Еланчик, что южнее Чебаркуля, было открыто месторождение кристаллического графита — твердого углерода.

В феврале 1842 года Аносов пишет докладную записку о возможности производства на Златоустовском заводе карандашей, просит о доставке в Златоуст по первому зимнему пути кедровых краяхей.

Артель из девяти человек приступила к новому производству. Известны имена рабочих — старшего подмастерья Филиппа Мухина, младших — Карасева, Малоземова, Максима Мухина, Федора Пелявина, Гаврилы Сайгина, Судакова, Балобанова, Полубоярова. С 1 октября 1842 года артели был установлен «урок» — восемь штук карандашей в день на каждого и дано указание, чтобы «не было приготовлено карандашей худо набранных или не чисто отделанных».

В начале августа 1842 года первая партия карандашей, изготовленных артелью — 15 дюжин, поступила в Главную контору Златоустовских заводов и оружейной фабрики. Две дюжины из них были посланы на испытание в Уральское горное правление и лично Горному начальнику Екатеринбургских заводов. Вскоре пришел отзыв: «Имея в виду, что карандаши стоят гораздо дешевле покупаемых на Нижегородской ярмарке, я поручаю Вашему Превосходительству снабжать ими Горные заводы по требованию их».

Хорошие отзывы о качестве карандашей были получены из Горного и Технологического институтов, из Санкт-Петербургской рисовальной школы. В декабре 1842 года поступил заказ на изготовление 3000 дюжин карандашей только для Санкт-Петербургской рисовальной школы.

Златоустовский завод изготовлял карандаши несколько лет. С отъездом П. П. Аносова из Златоуста многие его начинания были преданы забвению, в том числе и изготовление карандашей.

Откуда пошло село Быково

Недалеко от границы двух областей, Свердловской и Пермской, на Сибирском тракте стоит селение Быково. Уроженец этого села Александр Трофимов решил узнать: когда оно образовалось и что значит его название? Вот что он выяснил из рассказов старожилов и сопоставления исторических событий.

...В 1765 году вышел указ о ссылке в Сибирь крепостных за неповиновение. В 1767-м этот документ был дополнен новым указом — о ссылке крестьян, осмелившихся подать жалобу на помещика. По этим указам из Самарской губернии в Красноуфимский уезд Пермской губернии была сослана семья Русиновых. Им было определено место жительства недалеко от Ачитской крепости, в лесу, на берегу небольшой речки Сырка. Отдаленность от властей была относительной, и поселенцы решили скрыться еще дальше, в глубь тайги. Попытка бегства не удалась. Уездная земская управа, которую возглавлял некто Быков, жестоко наказала ослушников. «Быковым драные», или «быковцы драные» — так стали называть их в близлежащих населенных пунктах. Название Быковское (Быково) закрепилось и за селением. Пошло оно от фамилии ретивого царского служаки — и не заслуживает он такой памяти в веках, да история беспристрастна...

Дома в селе в основном строились по берегу реки. В деревне насчитывалось около шестидесяти дворов, когда здесь прошел великий Сибирский тракт. Вдоль тракта велено было строить улицу — так возникло солдатское поселение, «полупята». Солдаты имели конный двор и небольшой кирпичный завод. После ликвидации поселения часть солдат осталась здесь на жительство. Озерко Солдатское напоминает о солдатской слободке.

СВЕТОЗАРЫ

Рассказ

**Петр
ДЕДОВ**

Хороши зрели хлеба в первое послевоенное лето! Высокие да густые — шапкой не пробьешь. Будто в благодарность наградила природа людей за труды их праведные, тучные злаки прямо на глазах перли из кормилицы-земли, вдвоём да сиротским потом пополам со слезами политой.

Сначала забелели на гривах овсы, такие рясные, что лошадь в них путалась и глохли крики перепелок. Ядреные метелки шушукались под легким ветерком, шуршали и шевелили матово-серебристыми сережками.

А там и озимая рожь подошла, вымахала чуть ли не в рост человека, и целыми днями, белесо светясь, ходили по ней от края и до края тугие тяжелые волны, а когда налетали степные вихри, ржаное поле бушевало, как большая вода: вздымаясь гребнями и опадая темными пучинами, завиваясь воронками и стелясь по земле...

Скоро и пшеничка, главная кормилица, выматала в трубку, стала колоситься, наливать зерно. Разотрешь в ладонях колосок, подуешь, отвеивая остючьа, и останутся в горсти круглые и тяжелые, как свинцовые дробины, зернышки, еще бледно-зеленые, жидкие, сладким молочком таящие во рту.

Вот в такое время, когда живыми соками земли наливается хлебный колос, и начинают ночами полыхать над степью далекие зарницы, или светозары, как называют у нас. Слово-то какое: све-то-за-ры! Само собою, ничего не обозначая, — и то алмазом светится. А ведь оно, видно, вобрало в себя и понятие зрелость (зреют хлеба), и озарение (снолохи в ночи), и зарницу, и самую зарю.

Одну такую светозарную августовскую ночь я запомнил на всю жизнь. В короткую пору, когда

закончился в колхозе сенокос, а уборка хлебов еще не началась и, значит, маму в поле не гоняли, шебутная моя бабушка засобиравалась поприведать своего отца, а моего прадеда Арсения Митрофановича Безродного. Жил он в деревне Чумаки, от наших Ключей верст за полсотню, аж на другом берегу великого озера Чаны.

Бабушка скорехонько спроворила походный мешок с ляжками за оба плеча наподобие нынешних рюкзаков, вырубил из таловой сушины дорожный посошок.

— Может, лошадь дадут? — с сомнением в голосе сказала мама. — Куда пешком-то такую даль...

— А ничо-о! — беззаботно махнула рукой бабушка. — Привыкать мне, ли чо ли?

Идти пешком в дальнюю дорогу бабушке действительно было не привыкать. Прошлой зимой дважды ходила она в районный центр Купино, за шестьдесят километров, хлопотать себе пенсию за погибшего на войне старшего сына Никиту. Она так ничего и не добила, но отступать — не в ее характере: «До главного областного секретаря дойду, а не поможет, дак в Москву потопаю. Все одно правду найду, мир не без добрых людей!..»

На этот раз бабушке крупно повезло: правда, всего на сутки, но в конторе вырешили маме лошадь. Такая невиданная забота о людях потрясла бабушку до глубины души.

— Чего же ты, Марья, недогадлива така? — засуетилась она. — Пригласила бы Живчика-то, бригадира-то, а я по соседям бы побегала, можа, где самогонкой разжила.

— Сказывают, он на дух ее не примаёт.

— Да это как же так? — всплеснула руками бабушка. — Начальник — и не шьет?! Можа, порченый какой от ранения? Тада Павлову бритву бы ему отнесла. Я, правда, картошку ей чищу, дак ежели подточить...

— Успокойтесь, мамаша, собирайтесь живо, в ночь и поедете, чтобы время не терять.

— В ночь-то?.. Не шибко-то, — замялась бабушка. — Вот ежели с Сережкой?

Я почувствовал, как потеплело в груди от радости. Прадеда своего я никогда не видел, но давно был наслышан о нем всяких диковин. Во-первых, было ему в ту пору уже сто два года. Во-вторых, женат он был много раз, и теперешняя его «старуха» гораздо моложе дочери, то есть бабушки Федоры.

Выехали в ночь. За околицей пегаля лошадка, видно, каким-то своим чутьем поняв, что дорога предстоит длинная и трудная, все пыталась свернуть назад, в деревню, и мне пришлось ее обуздать — засунуть в зубы железный мундштук уздечки. Но и тут она не смирилась, то и дело косила назад, на нас с бабушкой, фиолетовым

глазом, будто спрашивая: куда, мол, едем на ночь глядя, не лучше ли вернуться назад, — вам в свои уютные избы, а мне — в тихое стойло, где пахнет навозом, потными хомутами, свежей травой, где всю ночь рядом похрумкивают сеном другие лошади. Но когда отъехали с версту от деревни, Пеганка, должно быть, смирилась со своей участью, поняла, что возврата не будет, и затрусила ровной рысью, черная разбитыми копытами мягкую пыль проселочной дороги.

Было еще светло, высокие облака сплошным серым пологом заткали все небо, и только на западе густела сумрачная синева тяжелой тучи и в разрывах ее проглядывали розовые полосы.

Телега ходко катила по мягкому проселку, который вилючей лентой взбежал на гриву, потом потек вниз и нырнул в высокую пшеницу. Хлебное поле скрыло нас почти с головой, по бокам зашуршали колосья, от них зарябило в глазах, из золотистого сумрака пшеницы повеяло на нас пресным запахом пашни, нагретой за день соломы, солодельным духом доспевающего зерна. Дорога была так узка, что стебли и склоненные колосья темнели пятнами колесного дегтя, а кое-где были примяты в колеи вместе с придорожными васильками. Лошадь дергала головой, пытаясь на ходу ухватить лакомой пшенички, колосья хлестали ее по глазам, она громко и сердито фыркала.

— Вот уж пшеничка нынче уродилась — прям разбрасывай руки и плыви по ней, не утонешь, — сказала бабушка Федора. — Да тока кому убирать ее, сердешную... Вернутся ли с армии к страде еще какие мужики?..

Кончилось хлебное поле, и во все стороны разметнулась неоглядная вечерняя степь. Быстро стало темнеть, и горизонт начал сливаться с плотными тучами, почернел холстинный полог неба — ни единого просвета, ни одной звездочки в вышине... Но дорогу еще было видно, она смутно светлела впереди, а по сторонам темнели какие-то предметы, не то кочки, не то кусты — уже не разобрать.

Так мы ехали долго, телегу мягко покачивало, резко запахло остывающей дорожной пылью, горьковатой полынью, а потом спереди стало напосить влажной свежестью, смешанной с запахами мокрого песка и камышей. Наверное, подъезжали мы к озеру, хотя, сколько я ни вглядывался вперед, никаких признаков воды обнаружить не мог: плотная тьма придавила землю, пусто кругом, не за что зацепиться глазу. И поэтому сильно клонит ко сну, веревочные вожжи стали какими-то скользкими, то и дело выползали из занемевших рук.

— Что за кучер, коня замучил! — подбадривает бабушка. — Стегни-ка кнутом, а то уснет на ходу.

Но Пеганка сама вдруг взбодрилась, громко всхрапнула, надала ходу. Я оглянулся: бледный свет замерцал вдали, широкой полосой погнался за нами. Уж не машина ли догоняет, светит фарами? Но нет, зарево оборвалось, погасло, а слева поднялось снова, столбом уперлось в самое небо, на миг высветило облака и стало опадать, рассеиваться по стени.

— Светозары, — спокойно сказала бабушка. — К дождику, должно. Вишь, Илья-пророк серянки

подмочил — чиркает, чиркает, а прикурить не может.

Я сразу успокоился. Чудная она, моя бабушка Федора! Все объясняет на свой лад, и никаких у нее тайн и загадок. У нее и там, на небе, все так же, как у людей на земле. Гром загремит — Илья-пророк на телеге с пустыми бочками за водой покатыл, значит, поливать скоро начнет, жди дождя. И никаких тебе огненных колесниц, никаких богов-громовержцев. А сейчас вишь какая беда: спички мужик подмочил, прикурить не может, оттого и зарницы вспыхивают.

У нее, у бабушки, даже сказки свои, совсем не похожие на те, которые рассказывал покойный дед Семен. Как теперь я понимаю, дед против бабушки был неисправимым фантазером и романтиком. В бабушкиных же сказках нет никаких чудес и фантазий: ни волшебников, ни колдунов, ни разных там Змеев Горынычей, а действуют обыкновенные люди: жадные и щедрые, хитрые, злые, добрые, умные, дураки. Рядом с ними — всякая чистая и нечистая живность, которая или прекрасно уживается с людьми, или вредит им, но все происходит без ковров-самолетов и скатертей-самобранок, а так, как в обычной жизни... Бывало, долгим зимним вечером пристанут младшие, Петька и Танька, как с ножом к горлу:

— Ба-а, расскажи сказку.

— Да отвяжитесь вы, лихоманка вас задерит! Каки сказки? Белье не стирано, куделя не прядена, Петькина рубаха не чинена, картошка не чищена... Каки сказки?

— Ба-а, хоть маленькую...

— Ну дак вот, рази што маленькую, — бабушка садится за свое заделье, ребятишки — на пол, около ее длинной юбки. — Ну дак слушайте. Жил в старое время один мужик, а уж до того жадный и глупый был — не приведи господи! Избенка-то у него была дерном крыта, летом вырастает на крыше трава, — жалко, все ж таки сено, а как его взять — не скумекает. Вот и зачнет тащить корову на крышу, штоб она травку ту съела, кожилится, аж глаза на лоб... А то приходит как-то сосед к тому мужику, а его баба блины как раз печь начала. Испугался мужик: ну как за стол напросится соседушко! Не так ему блины жалко, как сметану. А сметана-то в подполе — достать не успели. Вот хозяин схватит тайком блинок — да туда, в подпол. Там и съест со сметанкой и назад вылезит. Сосед ему: «Ты чо это, как блоха в штанах прыгаешь взад-вперед? Белены наелся?» А мужик: «Не белены, а блинчиков со сметаной!» Такой уж он был глупый да жадный — прямо смех и грех!..

Бабушка замолкает, шурует веретешкой — прядет куделю. Ребятишки некоторое время сидят с раскрытыми ртами, потом удивляются:

— И все?

— А какого вам еще лешака?! — возмущает-

ся бабушка. — Ну, коли не надоело, дак слушайте дальше... Нанял как-то тот мужик в пастухи ведмедя, своих телят пасти. Полушка за телушку. А он, тот мужик-то, тем и хитрый был, что долги платить не шибко-то любил. А надо: ведмедь наседает. И чо же удумал хитрый мужик? Ты, грит, не взыщи, Косолапый, растерял я все свои деньги. Как скрозь землю провалились! А ведмедь, не будь дураком, телят всех подобрал да съел, а хвосты в землю воткнул. Приходит мужик: «Иде мои телята?» — «Дак, сам баил: деньги скрозь землю провалились, — это ведмедь ему. — Вот я загнал телят под землю, деньги твои искать. Вишь, одне хвосты торчат...»

Теперь мы ехали берегом Чанов. Короткие вспышки светозаров до горизонта высвечивали спокойные воды озера.

Было, однако, уже за полночь, лошаденка наша устала, уже и кнут не помогал — она еле переставляла клешневатые ноги.

— Может, остановимся? — предложила бабушка. — Подкормим маленько Пеганку, да и сами прикорнем часок-другой.

По пологому песчаному берегу мы подъехали к самому озеру. Лошадь жадно потянулась к воде, я насилу сдерживал ее вожжами: нельзя давать пить, пока не остынет. Я распряг ее, туго перетянул волосяным путом передние ноги у самых копыт. Пеганка, тяжело топоча, запрыгала вверх по косогору, и вскоре оттуда послышался торопливый треск срываемой травы.

Почти на ощупь насобирали мы по берегу намытого иссохшего плавника, похожего на обглоданные кости, развели костерок. Чай из озерной воды приправили смородинничником, но он все равно отдавал сырой рыбой и няшей. Однако попили с наслаждением, перекусив рассыпчатой и остистой овсяной лепешкой.

Растрясали на телеге слежавшееся сено, застелили его поверху домотканой дерюгой. Бабушка сразу же уснула, по-ребячьи свернувшись калачиком, а я все ворочался — и усталость не брала. Что-то мешало мне забыться и уснуть, должно быть, эти светозары, полыхавшие всю ночь. Откуда они возникают в предосенние темные ночи? Может быть, отблески далекого северного сияния доходят до нас? Нет, этот страннный свет рождается и умирает прямо здесь, в степи. Скорее всего, где-то близко, за горизонтом, бушуют невидимые отсюда грозы...

Но гроза — привычно и понятно, а этот холодный мертвенный свет... Нет, не уснуть. Я тихонько поднимаюсь, подхожу к воде. Она даже у берегов черна, как деготь, а дальше и вовсе встает сплошной непроглядной стеною. Но вот что-то дрогнуло вдали, будто и вправду кто-то невидимый чиркнул спичку; бледный свет упал на воду, скрылся в ней и стремительной полосой потянул

вдоль озера, словно по дну его, там, под водой, промчались всадники с горящими факелами.

И снова темень, ни звука, ни огонька... Я чувствую, как от напряжения каменеет спина. А там, за озером, опять чудится нервная дрожь темноты, там разверзлась вдруг земля и вымахнул из нее громадный человечище в белом и воздел руки кверху, касаясь облаков, и побежал, весь дергаясь и приседая, падая и поднимаясь, прямо по камышам, по черной воде, по далеким перелескам... Так бежала когда-то по утренним сугробам босая, в одной белой холщовой рубахе, наша соседка бабушка Кулина, первой в нашей деревне получившая похоронку на одного из четырех своих сыновей. И я вижу ее так близко — длинную, скелетно-костистую, с растрепанными седыми космами, с черным провалом кричащего рта — и даже слышу этот крик, жуткий, без роздыха, полный звериного отчаяния и смертельной тоски... Да что же это со мною, господи?! Отчего так больно жгало сердце, и жесткой удавкой перехватило горло, и нет моченьки крикнуть, позвать на помощь?..

А утром я сочинил первые в своей жизни стихи. Теперь уж не помню их наизусть, осталось только какое-то смутное чувство восторженности, — были, наверное, там и полыхающие светозары, и скачущие по степи кони, и еще что-то в этом роде, по-детски наивное и беспомощное. И помню еще, что именно с тех пор стала частенько посещать меня странная музыка, скорее даже какой-то неясный гул, который томился во мне, просясь, чтобы я выкричал его стихами или песней...

К Чумакам, где жил дедушка Арсентий, мы подъезжали на ранней утренней зорьке. Степь здесь была совсем голая, ни деревца, ни кустика кругом, только белесые проплешины солончаков да кое-где зеленые от осоки и камыша вонючие болотца, над которыми кружили в ныряющем полете на своих округлых мягких крыльях беспокойные, вечно чем-то недовольные, дико орущие чибисы.

Деревня вытянулась единственной длинной улицей по низкому пологому берегу Чапов и была совсем не похожа на нашу. Песчаная дорога, ни травы, ни палисадников — все голо и уныло вокруг. Саманные хибарки такие крошечные, что кажутся неправдашными, игрушечными, вылепленными ребятишками из глины. Уж на что бедна, неказиста наша деревня Ключи, а эта и совсем нищенской выглядит. Углы многих избушек обвалились, окна маленькие, незрячие, как глаза у древних старух. Всюду на ветхих пряслах развешаны для просушки сети, невода, бредни, пахнет болотной тиной, тухлой рыбой, едким кизяч-

ным дымом. Не видно ни людей, ни куриц, ни собак — уж есть ли тут кто живой? Не вымерла ли деревня?

Что и говорить — тоскливая, безотрадная картина... Но я заметил, как потеплели серые, всегда жестковатые глаза бабушки Федоры, как молодым светом озарилось ее большеносое морщинистое лицо и вся она встрепенулась, ожила, затараторила без умолку:

— Во-она, за тем мыском, видишь? — указала она рукой на озеро. — Видишь? Тамока мы с тятяй чуть не потонули однажды летось. Это ишо когда я в девках была... Сети сымать поплыли, а сиверко-низовик возьми и налети. Раскачал озеро, барашки по нем пошли, а волнища-то ка-ак хлобыстнет по борту! Лодка-то наша и опрокинулась. А рыбаки хоть и всю жизнь на воде, а плавать-то, как ни чудно это, почти никто не умеет. Даже зазорно считается у рыбаков: как это плавать без лодки, нешто мы рыбы безмозглые? Я-то ишо умела бултыхаться по-собачьи, а тятя сразу топором ко дну. Поймалась я за лодку, ору дурнинушкой, тятя вынырнул, рот распялил, рукой што-то показывает, а волна-то опять накрыла его с головой. Вдругорядь вынырнул ближе, тоже за лодку ухватился. До-олго барахтались, пока до берега добрались. Я спрашиваю: чо ты кричал-то, тятя, что показывал? А он: «Показывал, штоб сети ловила, унесет сети — хоть живьем всей семьей в могилу ложись...»

Бабушка светилась вся, даже румянец проступил на щеках сквозь темную, похожую на измятый пергамент кожу.

— Вот она, деревенька моя родимая, стосковалась я по тебе, ислорюнилась... Ишь, избенки-то — будто к воде искупаться пустились напереронки...

Я вертел головой, оглядывался по сторонам и не мог понять, чему так радуется бабушка Федора? Прежде думал: беднее нашего села и на свете нет. А здесь и совсем жилим духом не пахнет. Чему же тут радоваться?

— Шибко уж бедно живут, — сказал я бабушке. — Никакой животины не видно, один песок...

— Знамо дело, что бедно, — бодро отозвалась она. — Откуда ему, богатству-то здесь быть? Хлебушко не сеют, скотину не водят — вишь, земляца какая неудобная, солонцы сплошь. Озером и живут, рыбкой одной и кормятся... Ране-то, до войны, на рыбку и хлебушко, и мясо меняли, а теперяка где чо промыслишь? Так и живут...

Мы подъехали к саманной избенке на другом краю села. Стояла она на отшибе, ничем не обгороженная — как говорится, ни кола, ни двора, — и в землю вросла по самые окна, будто осела под тяжестью долгих лет. Камышовая крыша почернела, запыленные оконца казались бельмастыми.

Своего столетнего прадеда представлял я чуть ли не Савелием, богатырем святорусским из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

А тут выбежал из своей хибарки шустрый старичок, маленький, весь усохший, в холстинных штанах и рубахе, которые пузырились на нем, болтались, как на колу.

— Никак, Федора?! — вскрикнул он и даже подпрыгнул от удивления. — Ну-у, дочка, ты дак прямо как барыня — на своей коняге. Можя, единаличну жисть у вас в колхозе объявили? А это што с тобой за добрый молодец? — старичок подошел ко мне, костяной холодной рукой погладил волосы, поцеловал в лоб. — Неужто Павла-покойничка сынок этакой вымахал?

— Он и есть, — сказала бабушка. — Сережкой зовут.

— Сережкой? Кулига тебе греха! — восхитился дедушка Арсентий. — Дак не вчера ли я на руках его тетешкал?

— Бежит, тятя, времечко, — вздохнула бабушка, подошла к отцу, обняла, троекратно поцеловала в лысую голову. — Ты дак и не старисься вроде — все бегом да вприпрыжку...

— А што мне годы! — задорным петушком приосанился дедушка. — Годы — не уроды! Мне вот с рождения как накрутили пружину, так по сю пору и прыгаю без роздыха...

Из избенки выкатилась крепенькая старушка, эта совсем уж маленькая была, ростиком пониже даже деда Арсентия и бабушки Федоры.

— Ахти, гошподи, гостеньки к нам дорогие! — запела она. — Жнала бы, дак утрось печку жатопила бы.

— Это — Жужилка, — указывая на свою старуху, сказал мне дедушка Арсентий. — Увесь день ходит: жу-жу-жу... Потому как жубов нету.

— А у тебя дак, гляди-кось, полон рот, — рассердилась та. — Тожесть, когда жамержнешь, дак жуб на жуб не попадает.

— Жу-жу-жу, — по-ребячьи передразнил дедушка, в нетерпении топоча босыми ногами. — Приглашай в избу-то...

— Ахти, горюшко! Жнала бы, дак... и угоштить нечем...

— Чо есть в печи — все на стол мечи!

— Дак не топила печку-то...

В избе было сумрачно и прохладно. Крохотная комнатка напоминала глиняную пещеру. Голые глинистые стены, глинобитный пол... И вся утварь, вся посуда из обожженной глины: горшки, кувшины, кружки, чашки. Только ложки деревянные, самодельные — черные и щербатые. Я зыркал по сторонам, нарочно искал что-нибудь из стекла или металла — ничего не нашел. Таким вот и представлялось мне жилище первобытных людей на уроках истории. Здесь и пахло, казалось, самой древностью: глиной, каленым камнем, стеной горечью кизячного дыма из растапливаемой печурки, какими-то сухими дикими травами.

Бабка Жужилка сварила наконец рыбную похлебку пополам с травую-лебедой. Налила черное варево в большую глиняную чашку:

— Угошшайтесь, гостеньки, больше и угошшать нечем...

— Шамая по жубам твоим пишша, — передразнил ее веселый дедушка Арсентий. — Мясо-то все одно не разжуешь.

— Какое ноне мясо? — вздохнула бабушка Федора, развязывая свой узелок с овсяными лепешками. — Уж и позабыли давно, как оно пахнет...

— А ему лишь бы жубошкалить, — обидчиво прошамкала хозяйка. — Штарый — он ить как малый. Из ума-то выжил...

И правда: дедушка Арсентий походил на шаловливого, капризного ребенка. Он то подшучивал над своей старухой, то покрикивал на нее, и наблюдать это было смешно: ведь Жужилка выглядела моложе бабушки Федоры — гладкая, круглолицая, — и старухой-то называть еще неудобно, а уж рядом с дедушкой совсем казалась внучкой, только вот зубы потеряла где-то прежде времени.

После обеда легли отдохнуть — мы с бабушкой совсем нынче мало спали, а в ночь надо было ехать домой. Я улегся на прохладном глиняном полу, старухи умостились на топчане, а дедушка Арсентий ушел на улицу, сказав, что належаться успеет на том свете, надоест еще.

— Как он счас? — шепотом спрашивала бабушка Федора у мачехи.

— Жу-жу-жу, — слышалось в ответ.

— Да неужто и счас вспоминает? — встревожилась бабушка. — Раньше-то не выказывал... Можя, и думал, да при себе держал, когда умом-то покрепче был. А теперь у него, как у пьяного али как у ребенка, — што на уме, то и на языке...

Смысл этого загадочного разговора стал мне вскоре ясен. Не дав нам подремать и часа, в избу вошел дедушка Арсентий, сердито забубнил, будто про себя:

— Спит себе — и в ус не дует. А об обеде подумала? Чем гостей угошшать? То-то, што не родная матушка — сразу видать... Хрестинья, покойница, та бы счас на одной ноге вертелась, с-под земли достала каких ни на есть харчйшек...

Упреки эти относились, конечно, к Жужилке, а в пример ей дед ставил свою первую жену Хрестинью, бабушки Федоры родную мать, которая умерла назад тому с полвека. Вот аж когда аукнулась первая-то любовь! Позже бабушка Федора рассказала мне, что прадед мой Арсентий после смерти прабабки Хрестиньи, будучи сам в полном здравии и силе, перебрал много всяких «старух», все искал «такую, как Хрестинья». Бабушка же Федора утверждала, что мать помнитса ей самой обыкновенной женщиной, не шибко и красивой и с «карактером» далеко не ангельским... Но шире и глубже познавая мир, я уже знал, что случаются в жизни подобные штуки, которые трудно объяснить умом, а сердцем проникнуть еще не дано, и потому остается только развести руками: чего, мол, не бывает на свете?

Несмотря на обидные упреки старика, хозяйка, конечно, при всем желании не могла достать даже «с-под земли» ничего, кроме той же темной похлебки, и дедушка Арсентий предложил:

— А не порыбачить ли нам? Авось повезет, дак и домой гостинчик будет, кулига тебе греха!

— Да уж рыбак из тебя. И вешло не поды-
мешь...

— А унучик-то зачем, Серега-то?!

Мы отправились на берег. Дедушка Арсентий мелко семенял рядом, объяснял:

— Отрыбачил я свое, шабаш. Все тело изжил, изработал — гликость, усох, как рыбешка на солнышке... Жужилка-то могутна ишо, с ей бы можно вдвоем-то, да воды боится, как черт ладана... Вот и пришлось на старости-то лет выглядывать из чужих рук... Кабы Хрестинья, родная твоя прабабка, жива была, рази до этого бы дошло?

— А сколько ей было б теперь лет? — спросил я.

— Хрестинье-то? — дедушка даже остановился, как бы удивившись моему вопросу. — Да, читай, стока, скока теперича мне — сотня.

— Ну вот... Какая бы из нее была теперь рыбачка? — по-взрослому рассудил я.

— Не скажи, парень! — загорячился старик. — Она ведь в одиночку невод могла завести... Супроть любой бури на лодке управлялась!

Я догадался, что спорить с дедушкой бесполезно: он с трудом уже отличает прошлое от настоящего.

Мы спустились к воде, погрузили в лодку нехитрые рыбацкие снасти. Столкнули ее по хрустящему песку. Лодка была длинная и узкая, хорошо просмолена и на воде держалась легко и вертко, как подсолнечная скорлупка. Я сел за весла. Ржавые уключины противно заскрипели. Дедушка Арсентий полпескал на них водою, посмотрелся к моей не очень-то ловкой гребле.

— Ты так вот, с потягом, — сказал он и положил свои ладони сверху на мои, показывая. Руки у него были костлявые и цепкие, как птичьи лапки.

Вскоре я наловчился: лодка пошла ровнее, у бортов зажурчала вода, весла не брызгали, от них завивались в глубину темные воронки. Старик сидел напротив, пошевеливал кормовым веслом, смотрел куда-то через меня пустыми слезящими глазами, жевал бескровными синими губами. О чем он думал, что мерещилось ему там, за моей спиной? Может, эта не ведомая теперь никому, жившая полвека назад загадочная прабабка моя по имени Хрестинья?..

За камышовым островом мы поставили две сетешки — старых-престарых, латаных-перелатанных — с глиняными калеными грузилами-кибасьями, с поплавками из берестин.

— У меня ить ране-то наилучшие в поселке сети были, — вздыхал старик. — Были, да сплыли... Усе на харч променял...

Мы отгреблись под самую камышовую стенку острова, в тенек, там размотали удочки. И снова не выдержал старик, вздохнул со всхлипом:

— Рази это рыбалка, кулига тебе греха? Бывало, понятия не имели об этих удах да крючках. Путьевый рыбак увидел бы — со смеху сдох. Дожил ты, Арсентий Митрофанович...

Жаловался, сетовал, вздыхал, а сам, однако, не забывал о деле: быстро и ловко наживил червяка, трижды плюнул на него, по-мальчишескому поверю, и, пока я распутывал свою леску, свитую из суровой нитки, успел выхватить двух чебачков. И уж тут совсем ожил, развеселился, обрадованный, как малое дитя.

— Видал, чо деется?! — кричал срывчатым, как у молодого петушка, фальцетом. — Это тебе не блины пекчи... Эй, карась! Ась? А ну, вылазь! Погоди, чебачок, есть другой дурачок... Я ить, Серега, три года на море не выбегал: не дюжу на веслах. Моченьки не стало. Это сам бог мне сѣдня тебя послал... Эть его! — старик снова подсек, над моей головою, будто сама собой, пролетела рыбка, вспыхнув серебром.

Вот это да-а! Я насили червяка на крючок насадил — дрожали пальцы. Такой рыбалки мне видеть еще не приходилось. На кривом озере, что подковой деревню нашу огибаает, надо час просидеть, чтобы поклевки дожждаться. Да и берет-то — чебачок с ноготок. Поэтому, видно, и не знакома была мне раньше рыбацкая страсть. А тут почувствовал: в груди сладко заныло, руки трясутся — скорей, скорей!..

Но поплавок из гусяного пера как все равно припаялся к стеклянной водной глади, даже синяя стрекоза на него уселась — будто в насмешку. А старик в это время выхватил большущего круглого карася, который лениво зашевелился в лодке, по-пороссячи чмокая ртом. Да где же справедливость? Этот старый колдун и в лодке-то еле держится... Вон, трясется весь, червяка насаживает — к самым глазам поднес... Я дернул свое удилице, стрекоза поднялась, запорскала у моего лица, готовясь сесть на нос... Захотелось ревануть и выпрыгнуть из лодки...

Старик покосился на меня, притушил свой азарт, посоветовал:

— Ты не суетись, Серега. На поплавок-то не пялься, а думай вот эдак: идет к твоему червяку большая рыба, вот подошла, нюхает... Зови ее, заманивай...

— Знаю, — буркнул я. А сам подумал: и вправду колдун. А если попробовать? И стал воображать: вот плывет ко мне огромный карась — жирный, важный, — крохотным ротиком чмокает, будто ищет, кого бы поцеловать, а тут — мой червяк на крючке...

— Кулига тебе греха! — выругался старик. — Ушла, окаянная!

Я обернулся к нему, отвлекся, а когда глянул — нет моего полавка! Только едва заметная

воронка на том месте! Я подсек и сразу почувствовал в руке живую тяжесть. Леска косо пошла вглубь, ракитовое удилице изогнулось, сильные упругие толчки отдавались в самом моем сердце. Удилище стало скользким, — ладони мои взмокли. Я повел его вправо и на себя, всем телом ощущая, какая там, в глубине, большая и сильная ходит рыба.

Вот у самого борта буруном вскипела вода, мелькнуло что-то красное, похожее на петушиный гребень.

— Не пущай под лодку, оборвется! — зашипел старик, на четвереньках подползая ко мне. — Сачком надо, а то уйдет... Счас мы ее...

Я повел от борта, леска натянулась до звона, рванулась вглубь и вдруг ослабла так, что я чуть не вылетел навзничь из лодки. Огромный окунь — красноперый, полосатый, яркий, как весенний петух, колесом выметнулся из воды и, будто на мгновение зависнув в воздухе, шлепнулся плашмя, скрылся под взрывом брызг.

— Побалуй у меня, — хрипел дедушка Арсентий, пытаюсь дотянуться сачком до окуня, который заходил кругами, бешено рвался с крючка. — Счас я тебя... Ишь, больно шу-устрый... Видали мы...

Ему наконец удалось подстеречь рыбку, он ловко накрыл ее сачком, вывернул из воды и потянул в лодку. Окунь сошел с крючка, присмирел вроде... Но у самого борта рванулся с такой силой, что старик не смог удержать сачок слабыми трясущимися руками... У меня оборвалось все внутри. Первой мыслью было — кинуться вслед за окунем. Я оттолкнул старика, успел схватить уплывающий сачок. Но сачок был пуст. А в том месте, где скрылся окунь, выпрыгивали веселые пузырьки...

Дедушка отполз на корму, на свое место. Он отвернулся, делая вид, что копаются с удочкой. Но я заметил, как вздрагивает его спина, — может, плачет? «Старый — что малый», — вспомнились слова бабушки Федоры. И я пожалел старика, хотя и не сразу простил ему окуня.

Мы снова закинули удочки, но клева не было. Может, сами разогнали рыбную мелочь, пока возились с окунем, а может, щука пришла и все распугала на версту вокруг (всплески какой-то сильной рыбы слышались то там, то здесь).

А уже вечерело. Спокойная гладь Чанов уходила за горизонт, и солнце садилось прямо в воду. Никогда я такого не видел! Вот раскаленный шар коснулся воды — и словно бы зашипел, окутался паром. Даже сплющиваться начал, а по озеру пошли багровые полосы...

— Не клюет, — подал голос старик. — Ишо маленько — сети глядеть пошлепаем.

Он, сутулясь, неподвижно сидел на корме и похож был сейчас на какую-то странную, неземную какую-то птицу. И у меня все не проходило желание узнать: как прожил он столько — целый

век? И что оно такое — время? И что вынес старик из своей долгой жизни, какую такую мудрость, не доступную моему мальчишескому разуму? Неужели только память о своей первой жене Христинье, а все остальное растерял, забыл? Самое главное-то, ради чего жил, где же оно? Или — родился ребенком, прожил сто лет и снова в ребенка превратился?

— Дедушка, а тебе охота еще пожить? — ляпнул я.

Старик не шевельнулся, не удивился, ответил сразу, будто ждал этот вопрос:

— Пожить-то отчего бы не пожить, да робить, вишь, не могу больше... А так, чужим трудом, — какая это жисть?..

Я свесился за борт лодки, приблизил лицо к самой воде. Темно было там, в глубине, и лишь когда я заслонил ладонями глаза и стал напряженно и долго вглядываться, то заметил там движение, что-то тихо шевелилось под темной толщей воды. Потом стали вырисовываться какие-то голые кусты, длинные жидкие травы, стлавшиеся, как под ветром, кудельными прядями, какие-то замшелые кочки и черные ямины. Целое подводное царство! И виделось оно как сквозь толстое и зеленое бутылочное стекло.

Захотелось побродить в этих шелковистых травах, посмотреть, кто живет в темных ямах. Ведь там все кажется таким же, как здесь, на земле... И мне показалось на миг, что я всем своим существом ощущаю, как течет время, как проходит оно сквозь меня, наливая силой и возмужанием.

Много с тех пор минуло лет, многое позабылось, и наверное, я, двенадцатилетний мальчишка, не мог, не умел тогда думать так, такими словами, какие пишу сейчас. Но остались в памяти еле уловимые ощущения, связанные с поездкой к дедушке Арсентию: тревожные светозары в ночи, мои первые стихи, эта рыбалка и этот древний старик, таинственный смысл жизни которого так мучительно хотелось разгадать.

Но и теперь, через много лет, разгадать я его не могу.

Да и кто это может?..

ПРИМАНКА

Бронислав
БОБРОВСКИЙ

Поиски «языка» шли неудачно, а нужен он был до зарезу. Фронт долго стоял на месте, вероятно, готовилось наступление, а в такой момент без «языка», считай, как без глаз и ушей. Соседи достали гестаповца, но что это за «язык»? Название одно, шибко не расколется, чуёт свой конец, да и много ли он знает — гестаповец? Нюхать да людям ребра ломать. Словом, паршивый «язык» попал, а надо доброго, знающего обстановку. Такие не валяются, их абы где-где не перехватишь.

Излазили весь фрицевский передний край, подходы там заминированы, затянуты спиральями Бруно, колючкой, на ней банки от консервов, чуть коснешься — она, холера, звенит, и уж тут непременно очередь, а то и прочее под висячие ракеты.

Все же пробрались к ним в тыл. Всего втроем: старшина Федотов, сержант Волынцев и рядовой Рябов, все здоровые, ловкие и бывалые — словом, разведчики. Бродили трое суток — не идет фортуна: научены фашисты русскими Иванами, не отбиваются друг от друга, даже до ветру по одному не ходят.

— Приказ у них, что ли, такой вышел? — покусывая травинку, сокрушался старшина. — За курами и то по дворам не шастают.

— Не осталось кур, — глядя перед собой, ответил жилистый сержант Волынцев, — вот и не шастают.

— Но почему фрицы держатся табунами? — вставил вопрос Рябов.

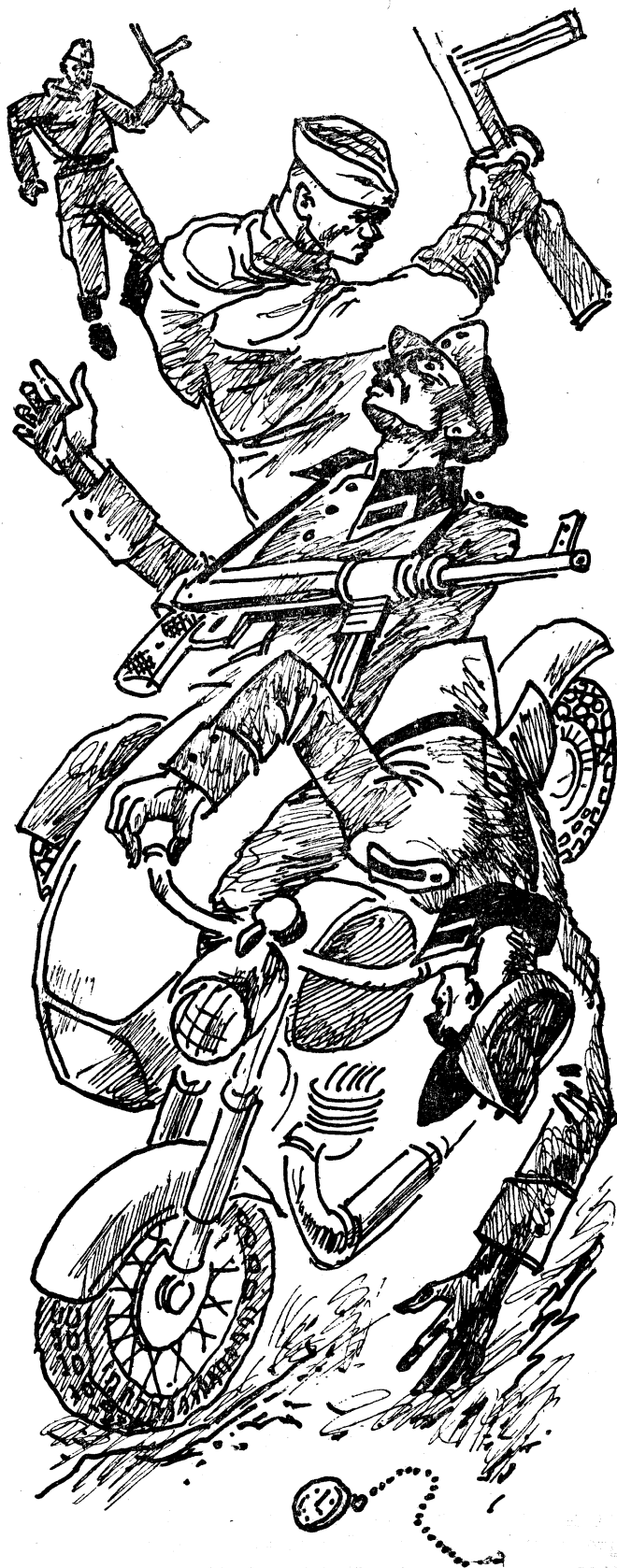
Старшина Федотов огромным кулачищем почесал небритый подбородок и неторопливо ответил как бы самому себе:

— Похоже, приказ. Чуют фашисты наше наступление, стараются сохранить в тайне расположение своих частей. Хитрят, шельмы.

— Точно, — кивнул Рябов. Ему казалось, что старшина Федотов всегда говорит то, что думает он, Рябов. И еще ему казалось, что голова старшины работает не хуже генеральской.

Разведчики решили перебраться к шоссе, днем транспорт двигался редко, противник скрывал коммуникации, переброска и снабжение войск проходили ночами.

Стоял июль, небо чистое, солнечное. Трава высокая, густая, лес от хвои и листьев кудрявый, пахнувший смолой и березовым настоем. Только

каждый шаг в нем таил опасность: можно наступить на мину, наскочить на секретный пост, на засаду. Двигались цепочкой: впереди Волынцев шагал — точно барс. За ним Федотов и замыкающий — ловкий и быстрый Рябов.

Лес рассеяло широкое и длинное поле. Дошли до него и залегли, так как от шоссе к лесу промчалась легковушка. Следовало понаблюдать за противоположной стороной — не штабы ли размещаются в той полосе, и покараулить «языка» возле узкой, накатанной дороги, что уходила от шоссе за поле. Скоро со стороны укрытых в том лесу землянок показались фрицы с овчарками. Держа на поводках несущихся вперед собак, они выбежали на поле, разделяющее лес, и устремились к разведчикам.

— Рассеивай махорку, и отходим, — проговорил старшина Федотов и, отползая, сыпнул справа налево горсть махры. — Собак коли ножом, снизу, на прыжке.

Все понимали, что значит в тылу врага вступать в бой и чем он кончится, но что делать. К счастью, не добежав до половины поля, собаководы повернули псов обратно. Старшина кулаком, в котором был зажат нож, утер пот со лба. Волынцев посмотрел на него и сказал:

— Пронесло. Куда двинемся?

— Будем ждать у этой дорожки, только отойдем дальше.

— А псарня? — спросил Рябов.

— Она штаб стережет; это была собачья прогулка, у фрицев все по закону, — ответил Федотов, направляясь в глубину леса.

Узкий проселок уходил в гущу сосняка, днем по нему, видимо, пускали только специальный транспорт, не хотели демаскировать расположение штаба и привлечь внимание авиации. И разведчики на проселок не сразу обратили внимание. Теперь залегли около дороги за соснами, приглядываясь, совещались, как брать, если «язык» или «языки» все-таки появятся, как и куда с ними уходить. Если завалить на проселок дерево, едущих сразу же это насторожит. В таких случаях вражеские машины дают задний ход и удирают. Можно протянуть веревку, и Волынцев хотел вытащить ее из вещмешка, но старшина покачал головой, что означало: не спеши, соберемся с мыслями, осмотримся лучше.

Вплотную у дороги лес, меж ним поросль, кусты, место подходящее. Чтоб узнать время, Федотов потянулся к часам, что лежали в нагрудном кармане гимнастерки. Из-под клапана тяжестью поплыла золотая цепочка и золотом сверкнул на солнце массивный корпус часов. Золотой блеск навел Федотова на размышление.

— Вот подсаду, братцы, положим, — протягивая на крупной ладони часы, пробасил он. — На пригорок, значит, их. Блеск-то издали приманит, остановится вражина, чтоб взять золото, не про-

едет. Тут схватим. Мотоцикл — в лес, след быстро заглядим. И дуй не стой.

— Если машина пойдет? — спросил Волынцев.

— Пущай. Легковую с одиночками сгребем, с группой не тронем, не под стать нам возить. Но сперва подождем того, что недавно проехал тут, — и он кивком указал на мало приметный, но свежий след мотоциклетных колес.

До небольшого бугорка идти шагов пятьдесят. Удобно тем, что его нельзя проскочить даже на лихой скорости, не заметив блеск золота. К тому же с обеих сторон узкой дороги стояли толстые сосны. Федотов на ходу поглядывал, как и куда поскорее уволочь «языка», где безопаснее переждать.

С левой стороны дороги залег Федотов. Справа лежали Волынцев с Рябовым. Ждать долго не пришлось: послышался стрекот мотоцикла.

— Один катит? — словно убеждаясь, спросил Федотов вполголоса.

— По звуку — один, — последовал ответ. И Федотов из-за сосны над самой землей выкинул часы. Упали они посреди дороги, тяжелая цепочка развернулась полукольцом. Отраженные от крышки лучи сверкнули зайчиком.

Рябов, ткнув Волынцева в бок, сощурил глаза:

— Старшой-то — зверолов! Гляди, как положил приманку. Ему бы тигров брать, не только фрицев...

Волынцев нервно поправил ворот:

— Помолчи...

— В мотоцикле двое, — вполголоса, чтобы за дорогой услышал старшина, уточнил Рябов.

Что двое там, видели Федотов и Волынцев, но что поблизости никого — значение немалое.

Мотоцикл несся на большой скорости, сидящий в люльке что-то кричал водителю, указывая на дорогу. И водитель весело крикнул ему в ответ.

Мотоцикл резко сбавил ход и, выкатившись на пригорок, остановился. Водитель, соскочив с сиденья, сдернул крагу и только потянулся к часам, как одновременно с обеих сторон выскочили Федотов с Волынцевым. Федотов схватил водителя за руку и крутнул в обратную сторону, левым кулаком сунул ему под челюсть. А Волынцев ребром ладони стукнул по затылку сидящего в люльке, сдернул с его шеи автомат. В этот момент Федотов, приподняв очумевшего водителя, швырнул его на сидящего в люльке, ткнул в рот кляп и, сдергивая с фашиста автомат, приказал товарищам:

— Рябов — за руль! Волынцев, заматай следы и догоняй нас!

Едва Федотов успел вскочить на заднее сиденье, как низкорослый Рябов повернул мотоцикл в сторону от дороги и, лавируя меж деревьев, понесся в глубь леса. В люльке один поперек другого лежали «языки».

«КАК СЛЫШИТЕ? ПРИЕМ...»

Юрий
НИСКОВСКИХ

— Я — «Султан». Я — «Султан». Как слышите? Прием...

В подмоченной радиации что-то барахлило, и Юрий Иванович хмурился, ругался, но через короткие передышки упорно повторял:

— Я — «Султан». Я — «Султан»... Наш вездеход ушел в воду. Пурга. Люди живы. Сидим без огня. Ждем помощи. Прием...

А ответа не было. И никто из нас не знал, слышат ли позывные «Султана» в Билибино, Певеке, на полярной станции или где-нибудь на побережье...

Наша палатка стоит на болоте. Одна кочка — стол, другая — мягкое кресло. Свалены в груды кокули — спальные мешки из оленьих шкур, сырые, склизкие. В них не то что спать — на них и сидеть просто нельзя: пока-то подсушится и нагреется вмятое телом место. Палатка промокла и провисла под сырым, липким снегом. Брезиент отяжелел, скоробился и оглушительно, как парус на свежаке, бьется на ветру, скрипит на разные голоса, когда нечистая вьюжная сила швыряет в него новые заряды...

Пурга началась вскоре, как затонул вездеход. Сначала, без поземки, густо посыпал мокрый тяжелый снег. Потом подул низовик. Погода здесь, вблизи студеного моря, уросливая. На каждый час — свой характер в эту глухую осеннюю пору. Еще в полдень беспечно и вольно гуляли по тундре теплые материковые ветры и у безымянного мерзлого озерца, к берегам которого сбегала скудная сухая травка, мы ловили рыбу, провозжали взглядами курлыкающих в голубом поднебесье журавлей. А вечер пришел с пургой и бедой, которую поначалу никто из нас не принял всерьез.

Наш вездеход, бездыханный теперь, покоился, задрав тупой нос, рядом с палаткой. Он встал почти на попа в мутной и маслянистой воде, где плавают набухшие картонки и коробки из-под консервов, растрепанные пачки «Беломора». Только кабина торчит над водой, и в ней светится, как маячок на виду у темного студеного безмолвия, слабый огонек: каким-то чудом аккумуляторы не залило. Из кабины Юрий Иванович и посылает в эфир свои позывные.

Вездеход утонул на ровном, как говорится, месте. До полярной станции в устье реки Раучуа,

куда мы шли, оставалось совсем ничего (полста верст для Чукотки — пустой разговор). Начали мы эту поездку двумя вездеходами. Но Юрий Иванович, директор оленеводческого совхоза, второй вездеход оставил у пастухов, где вчера ночевали. Он решил рискнуть, нарушив тем самым неписанный полярный закон: в тундру поодиночке вездеходы не ходят — только парой.

Шли мы уверенно, с беспечной неоглядностью, напролом. Внезапно машина потеряла скорость. Вездеход, провалившись, сел на воду, прошел по инерции какие-то метры, ткнулся о что-то твердое. Двигатель разъяренно взревел, машина затряслась, карабкаясь на берег, но вперед не продвинулась ни на шаг. И тут водитель Саша допустил ошибку. Ему бы выглянуть из кабины, осмотреться. Он же даванул на рычаги и резко сдал вездеход назад, для разгона. Волна мутной болотистой воды, отбросив брезентовую полость, хлестнула в тяжелый от груза кузов...

Схватив карабин, первым сиганул из кузова Ромка. Он тут же оказался в воде, но успел судорожно ухватиться за космы высокой блеклой кочки. Мы с Христофорычем, распиная в кузове воду, выскочили осматрительней и торопливо отползли подальше от болотного окна, в кочки. Одновременно, как по сигналу, в разные стороны выбросились из кабины Юрий Иванович и Саша.

Вездеход на наших глазах уходил в бурлящую, почерневшую от выхлопов воду. И вдруг чудо: кабина застыла над водой, словно кто-то там, в бездне, подставил могучее плечо, остановил стальную махину. Спасло твердое мерзлотное дно.

— Приехали!.. — первым нарушил оцепенение Ромка. Он стоял на кочке, как на пьедестале.

— Спасай, что можно! — Юрий Иванович тут же ринулся к болотной льве.

Из того, что всплыло, выбросило наверх, мы успели подобрать палатку, кокули, коробку с макаронами, фанерный ящик с намокшим «Беломором». Христофорыч, когда выскакивал, захватил сумку с едой, которая в дороге всегда лежала у него в ногах...

Так было вечером. А теперь глухая ночь. Спать нельзя. Юрий Иванович, залезая в кабину, к рации, строго наказал: «Имейте в виду: заснете — не заметите, как обложит холод».

— Ясно, Юрий Иванович, — бодро ответил Ромка.

Сначала мы пытались разжечь костер. Но толку оказалось мало. Все деревянное и масляное, что всплыло после потопы, сгорело в минуты, а мокрая жалкая трава огнем не бралась. Ромка, правда, успел немного обсушиться. Осталась паяльная лампа, которую Христофорыч нашел в кабине. С этой лампой мы устраивали сеансы тепла.

— Покайфуюем? — спрашивал Ромка.

— Давай... Открывайте форточку.

Я отстегивал деревянные пуговицы у входной полости палатки, закидывал наружу кусок брезента. Христофорыч брал паяльную лампу. Несколько коротких быстрых накачиваний, спичка — и из сопла рвется короткое упругое пламя. Чад и копоть заполняли палатку, глаза начинали слезиться, дышать становилось нечем, душил кашель. Мы ложились на землю ничком, как немелые пластуны, чтоб вдохнуть сырой травянистой свежести.

— Хватит, — не выдерживал кто-нибудь. — Задохнемся.

Потом мы опять тешились самообманом, который сами разыграли, и знали, что это самообман.

Пришло время, и лампа погасла навсегда. Горючее кончилось.

— Ну вот, кайфа больше не будет, — сказал Ромка, — а портянки мои не просохли...

Он помолчал, а потом вдруг высказался:

— Брать с собой журналиста в тундру — что бабу на судно. К беде. Так оно и есть.

Я занялся присядкой, чтоб размяться.

— Приседай не приседай, а конец один, — мрачно пошутил Ромка. — В тундре смерть поодиночке не ходит. Тут она коллективная. Один за всех — все за одного. Всем колхозом пойдем песцам на откорм. Они любят свежатину.

— С твоим бы юмором в морге служить, — раздраженно сказал Христофорыч. — А ты вон куда подался, под северное сияние. Зоотехники нужны и пригородным хозяйствам, а ты к оленям приехал.

— Эхма, Чукотка-мама! — Ромка заворочался у себя в углу. — Где-то сейчас журавли, которых мы днем на озере видели? Говорят, журавли с Чукотки зимовать летят на остров Хоккайдо. Вон куда!..

Христофорыч рассмеялся:

— В Японию ему захотелось. Ишь ты, птичка перелетная!

— Тут, брат, задумаешься, когда часто и мелко дрожешь. — Ромка привстал и тоже начал приседать, раскидывая в стороны руки. — Сто лет не танцевал. А тут по ночам вприсядку жарись!.. Скоро на чечетку перейдем в двух шагах от Ледовитого.

— Был у меня случай, — Христофорыч закуривает беломорину. — Только-только на Чукотку приехал. Шестидесятые годы. Начало. Вездеходов в то время — раз-два и обчелся. Сотни километров мерили на тракторах-тихоходах. За сигаретами по зимнику ходили. Вот едем мы как-то на тракторе с дружкой Федей Разуевым, горючее везем на дальний рудник. Путь неблизкий — километров двести. Ну, на полдороге сломались. Повозились с трактором, поняли: мертвое дело. Бросили. Пошли пешком. Мороз де-

кабрьский, плевком на лету замерзает. Первые сутки я шел еще ничего, на вторые — уже не мог. Сон одолевал — спасу нету. Падал в снег и засыпал. Нет, не слабый был, силушка была: бочки с соляркой таскал. А вот дух был не тот. Федя сначала подымал меня. Упрямый он был. Рост — метр с шапочкой, плечи — понтоны. И шел как заводной. Но потом, видно, надоело ему меня подымать. И как только я упал в снег, он снял ружье и выстрелил мне под ноги. Я сразу вскочил. Так под ружьем и привел меня на рудник.

Зашуршал снег, сползая с боковины палатки, за которой по-прежнему куражилась пурга.

— А вот меня все же спать клонит, — снова слышится голос Христофорыча. — Я на руднике когда-то работал. Золотишко добывал. Попал раз под обвал. Крепеж на голову свалился. Раздробил себе черепок. Осколки врачи вынули, а мозги на всякий случай оставили. Затылок с тех пор вечно зябнет, мозжит, хоть и шапку ношу с двойным верхом.

— Эй, вы, там, в палатке! Живые? — Юрий Иванович кричит из кабины вездехода.

— А что нам делается?! — удало отвечает Ромка. — По стопарю бы, Юрий Иванович, по глотку?

— Нырять в болото, доставай. Прогреешься.

Ящик водки лежал на дне болота. Ромка с вечера норовил достать его, но Юрий Иванович настрого запретил: «После водки спать еще пуще охота. А спирт на всякий случай у меня есть в кабине, фляга нетронутая».

Мороз, видно, прибавил. Снег, уже стылый и крепкий, рассыпчато и сухо шуршал и катился по брезенту. Там, за палаткой, коченеющая земля, теряя живую плоть, расставаясь на долгую зиму с так и не набравшими за короткое лето ни роста, ни соков травами, принимала на свою широкую, без края и конца грудь гонимые ветровалою снеги. Мне захотелось выйти из палатки, взглянуть на неистовство и шабаш ночной тундры. И любопытно было, и боязно: в черную темень, воющую и многоголосую, не каждый шагнет просто так, как за порог родного дома, в свое подворье. К тому же, я знал, что открывать, пусть на мгновение, входную полость (а мы ее вроде запечатали плотно, чтоб не дуло, даже придавили к земле паяльной лампой) — это выстудить палатку, хотя дыханием своим ее тоже никогда не согреешь. Поборов желание, смирившись, я стал перебирать в памяти, день за днем, наш переход по тундре.

— А ты знал, Христофорыч, промысловика Негрочукчу? Который пропал бесследно? — спросил Ромка.

— А как же! Бывал я у него не раз. И глаз и сила — все было у старика. Ему, как доброму спортсмену, вовремя надо было уйти с промысла. Не мог он на это решиться... Вот второй выстрел и не успел сделать. Его потеряли, когда он

две недели не выходил в эфир. Прилетели к нему из совхоза. Вон, Юрий Иванович как директор летал. У избушки обнаружили следы схватки: пустую гильзу, куски наста и топляки белые, как кость, с темными пятнами крови. И еще увидели запорошенный снегом карабин с поцарапанным прикладом и патроном в стволе, но с незакрытым затвором. А самого нет: белый — он же хозяин здесь, в Арктике, — уволок, видно, в торосы... Не успел он второй выстрел сделать. Не успел. Не хватило сноровки. С первого выстрела молодые дело делают, а тем, кто в годах, второй нужен для верности. Так-то вот, Рома!..

— А почему его звали Негрочукчей? — поинтересовался я.

— Очень просто. Отец — негр, а мать — чукчанка. Родился он в первые годы после революции. Тогда еще американские торговые суда ходили к нашему побережью, к факториям. Вот и случилась любовь у американского матроса негра и девушки из яранги.

Мне вспомнилось стойбище Моргон, избушка, где я почти сутки провел в тревожном ожидании и одиночестве. Мы вышли к стойбищу на пятый день перехода по горной тундре. Второй вездеход где-то пропал, Юрий Иванович решил вернуться на розыски заплутавшей машины, а я оставался в избушке пастухов.

Крепкий бревенчатый домик стоял у речки Моргон с голыми, безо всяких кустарников и зарослей каменистыми берегами. В холодной и чистой воде стояли и неторопливо передвигались крупные непугливые хариусы. В избушке было все, как положено на севере в обжитом рабочем доме: большие нары от стены до стены, железная печь с широкой очаговой плитой, в углу — бочки с маслом и сушеной картошкой, ящики с сахаром, «Беломором», спичками, макаронами, мешки с мукой и солью. На полках — журналы «Вокруг света» и «Уральский следопыт», свечи, чай. Над печкой на веревках — просушенные портянки. В изголовье на нарах — транзистор «Спидола». Все было так, будто хозяева вышли ненадолго по своим делам.

Прошли мы тогда уже километров четырехста. Вездеход легко брал снежные перевалы с пугающей крутизной, спускался в зелено-багряные долины и распадки. Бывало, утром сыпал снег, а днем вездеход попадал в долину, где ярко светило солнце и осенняя тундра походила на темно-вишневую цыганскую шаль. В течение дня мы пересекали разные времена года.

В избушке было тепло и тихо. Горели свечесветильники в банках из-под сгущенки. Транзистор ублажал старинным русским романсом. Пел Борис Штоколов: «О, если б мог выразить в звуке...» За окном бегали собаки, табунились у крыльца, чуя в избушке чужака, поскуливали, дрались между собой. В тундре собаки просто так, от безделья, не лают.

На речку за водой, не спеша, ходили с бидонами юные чукчанки. Три яранги, где жили пастухи-чукчи, стояли рядом с избушкой, и над ними постоянно курились дымки.

Когда я рубил дрова, ко мне подошли два пастуха. Один нес на плечах, держа за ноги, ободранного оленя, другой — шкуру. Они только вернулись из стада.

— Директор где?

— Уехал... Выручать второй вездеход уехал. Видно, сломалась машина.

— Вернется?

— Конечно.

— Кушать оленя мало-мало будешь?

— Да есть продукты в избушке! Наварю...

— Латно. Дадим оленя. Свежий. Варить будешь. Два раза скипит — кушай. Не вари долго. Русский не знает, как надо. Вари, как чукча, жить долго будешь.

Они ушли к ярангам. Я занялся печкой. В сумерки, когда вершины белых гор заволокло дымчатой поволокой, в дверь избушки постучали. И вместе со стуком в приоткрытом отворе показало бронзовое лицо с карими, как сливы, живыми глазами и высокими полудужьями бровей;

— Мозна?

Вошли две молодые чукчанки. Посмеиваясь и кокетничая, они положили на лавку громадный кусок свежей оленины и связку крупных хариусов, от которых сразу запахло свежим огурцом, огородом.

— Варить надо или сам? — спросила девушка в красивой, расшитой узорной строкой и подбитой по подолу мехом кухлянке.

— Сам сварю. Я знаю.

— Ну латно, вари.

Они, посмеиваясь, поговорили о чем-то на своем языке и засобирались домой. Первая, в расшитой кухлянке, задержалась в дверях, посмотрела на меня лукаво и сказала:

— А ты, однако, первый раз в тундре. Зачем свечи много горят? Зачем скромный? Пошто нас боишься?..

Поздно вечером она снова пришла. Бросила на нары большую серую шкуру, улыбнулась:

— На! Ночью тепло будет. Олень греть будет.

— Спасибо. Не замерзну.

— Ужин кушал?

— Да. Вкусно, сытно...

— Еще надо?

— Спасибо. На плите вон всего полно.

— Директор не едет?

— Что-то случилось. Я уж беспокоюсь.

Она помолчала, потопталась у порога.

— На, латно. Спи, спи... Я пойду однако. Тозе спать одна буду...

...Тут я очнулся от видений и почувствовал, что глаза закрыты и голова необоримо, короткими рывками падает на грудь. Заговорила меня чукчанка: «Спи». В избушке той, на Моргоне,

было желанное тепло, шипели куски оленины с перцем на широкой, как поднос, сковороде. Музыка ласкала воображение... Здесь, в палатке, все молчало, а пурга снаружи свирепела и выла. Я заорал:

— Эй, очнитесь!..

— Ты что, одурел?! — спокойно отозвался из темноты Христофорыч.

И я понял, что полусонные воспоминания пронесли за какие-то минуты или, может, секунды.

— Ну, ты даешь!.. — добавил Ромка.

Дрема одолела, подумал я, чувствуя сильный озноб в теле. Сигареты лежали во внутреннем кармане куртки. Доставая их, я погрел руку на груди. Ладонь саднила. Кожа на ней была содрана веревкой, когда мы в спешке, уже в темноте, натягивали растяжки у палатки. Сигарета оказалась горькой, и она билась в зубах. Надо было как-то унять одолевавшую зубную чечетку. Я пошевелил лопатками, согнулся и вытянул ноги, несколько раз глубоко вздохнул, поерзал на своих задубевших кокулях.

— А ты, видать, вздремнул немного? — сказал Христофорыч.

— Да, Моргон вспомнил...

— Всегда так...

— А ведь светать скоро будет, братцы, — бодренько произнес Ромка. — Карабин-то у меня без дела лежит...

И тут началась словесная игра-перекличка. Начал Ромка, подхватил Христофорыч, незаметно включился и я:

— Зад мерзнет...

— По стопарю бы...

— В Одессу лучше, на пляж, в песочек горячий...

— Хотя б в Магадан...

— В Моргон, в избушку!..

— Не спать... Не спать... Делай руками так, чтоб лопатки на спине сходились. Вприсядку!..

— Тихо! Трактор?... Нет...

— Не надо печалиться... Вся жизнь впереди... Надейся и жди...

Дружно расхохотались.

— Пожужим?

— Давай.

Мерзлая буханка хлеба и длинный охотничий нож с гладкой костяной рукояткой пошли по рукам. Когда начата буханка добралась до меня, я понял, что каждый отрезал себе тонкий ломтик. Потом пошла колбаса. И тоже по малюсенькому пластику. Завершила трапезу шоколадная конфетка.

Ромка закричал:

— Юрий Иванович, есть будешь?

— Уже! — отозвался тот глухо. — Вы там не обжирайтесь, на сон потянет!..

— Не волнуйся, Юрий Иванович! Дело знаем...

Через минуту — другую из угла, где сидел Ромка, послышались тихий свист и посапывание.

— Ромка! Ромка! — позвал Христофорыч. А ну, вставай!..

Я ткнул кулаком в Ромкин бок. Он заворочался, потом дернулся, как от испуга:

— Сон привиделся: в мартен лезу, в пекло, а сталевары свистят...

— На-ка, закури. А свистит-то за палаткой!

В темноте зажглась спичка. В блеклом ее свете мелькнуло мятое, безвольное лицо Ромки, искаженное дрожью. Сморило его крепко, а теперь холод бил.

Галлюцинации незаметно подкрадывались и ко мне. Показалось, кто-то протягивает кружку горячего чая. Я рванулся вытянутыми губами к кружке, дернулся... и проснулся. Потом почудилось, что на помощь к нам гребут на пирогах голые, в одних набедренниках, чернокожие островитяне, каких я видел в Гвинее. Стоя в лодках, они приближались все ближе и ближе, что-то пели или гортанно вопили. А солнце, круглое и горячее, плыло за ними, словно прикрывая их спины от прохлады... Привиделся вертолет, который низко прошел над нашей палаткой. Из кабины выглядывал белозубый скуластый пилот, манил к себе рукой и хохотал, хохотал...

Все эти скоротечные сны длились секунды, наверное, не более. Холод медленно, исподволь, по клеточке, студил тело. И я это ощущал. Порой казалось, что кровь в жилах остановилась. Грудь сжалась от малого дыхания, неслышного и негреющего. Мозг уже не роптал, одолевало безразличие ко всему: к холоду, выюжным песнопениям, разговорам; пропадали самые простые желания. Во сне-то, оказывается, тепло!..

— А ты знаешь, что такое правда? Правда — в поведении. В словах ее нет, — донесся издавка и глухо голос Христофорыча. — Когда я был пацаном, я верил во все. Когда мой сын был маленький, я дурил от счастья и продолжал верить в жизнь. А потом... потом я стал стареть... Помогать надо друг другу. Иначе сгинешь.

Мне, уже полуглохому, захотелось улыбнуться. Странно, всю жизнь стремился быть сильным, а теперь приятно быть слабым, жалеть других.

— ...Это не человек был, Рома, твой бич, а Тихон с этого света спихан.

Опять слова Христофорыча, но почему-то недружелюбные, злые. Чего он сердится?.. А за тылок, наверное, у него мерзнет... Пусть говорит, пусть говорит... Эх, под солнышко бы сейчас!.. В старину русские люди называли солнце ярком. Ярило! Белый яр — светлое солнце, берег. Значит, высокое, хорошее место, под солнцем, теплое и сухое. Бе-ло-яр-ка... Где я? Почему здесь? Что занесло меня сюда? Зачем человеку холодно? Болото? Сырость?.. Ведь не корысть же завлекла меня на север?

— ...Он рад, что здесь. Рад, что попал в переплет. Но живой останется — сразу засобирается туда, на материк. А прилетит домой, обогре-

ется — его снова потянет сюда, под северное сияние, в метели. Я понял его. Парень-то из бродяг. Спокойно жить не умеет. Все самому пощупать охота...

Это они обо мне говорят? Вроде хвалят. А за что? Я ж ослабел... «Он много читал и в начале своей жизни жил чужими страданиями. Когда же страдания посетили его, он растерялся». Откуда эти слова? Силась вспомнить забытое, я уже едва слышал тихие, очень далекие, почти невесомые голоса в палатке. Нетерпение жгло мозг. Казалось, я должен вспомнить что-то важное. Неприимной тропой мысль побежала по годам назад, в далекое прошлое, полузабытое. И уткнулась в Белоярку, родной домишко из довоенных бревен на два окошка, с сиренью в палисаднике и серыми некрашеными ставнями, — не успели их родители принарядить: война началась.

То было в последний год учебы в школе. Я топил в горнице голландку. Трещали сухие березовые поленья, печь выбрасывала короткие струйки едкого дыма. Я заводил патефон и часто ставил любимую пластинку. На одной ее стороне — ария Дубровского, на другой — Вертера. «О, дай мне забвенья, родная, усни у меня на груди», — пел Лемешев... Тогда я играл в футбол, ходил на Пышму рыбачить, запоем читал толстые книжки: зимой — у печки, летом — на сеновале. И все было просто. И страданий не было. Они пришли позже, с годами. Вот тогда-то, у печки, я и записал в свою заветную старую тетрадь в черном клеенчатом переплете пришедшие в голову слова о страданиях... А ведь эта тетрадь, наверное, жива? Она там, в Белоярке...

— Хватит спать, — Ромка тянул меня за ногу, — застынешь. Светает уже.

Я попытался вскочить на ноги и не смог, обессиленно свалился навзничь, на кокули. Ноги были не свои, они не слушались.

А за палаткой стояла тишина: ни свиста, ни шороха. В щели у входной полости просачивался лучиками белый свет. И я увидел в палаточном просветлении черные, с проваленными глазищами, лица Христофорыча и Ромки. Они сердобольно смотрели на меня и пытались улыбаться, словно и не было ночных страхов, видений, бреда...

— Тихо! Вертолет!.. — простуженный голос Христофорыча захлебнулся, лицо, как у истукана, вытянулось, глаза замерли.

В тишину, еще непривычную, зыбкую, нарастая, входил отдаленный гул. И тут же раздались выстрелы. Ромка потянулся к карабину, Христофорыч плечом сорвал с петель входную полость палатки, высочил. Ромка — за ним. Когда я выбрался из палатки, сразу увидел Юрия Ивановича. Он стоял во весь рост в своих громадных собачьих унтах на кабине вездехода и палил в бе-

лый свет из ракетниц. Вертолет я увидел тотчас, но он почему-то удалялся от нас. Вскоре и звук его пропал, и точка на небосклоне, очищенном и ясном, растаяла.

— Видел, не видел нас? — сказал Ромка.

— Их спроси, пилотеров, — раздраженно бросил Юрий Иванович, засовывая ракетницу в кобуру.

— Он прочесал здесь квадрат, нас не заметил и ушел, — осторожно, словно размышляя, произнес Ромка. — Отсюда вывод: больше сюда не вернется.

— Это самое страшное, что может быть, — уже спокойно сказал Юрий Иванович. — Отсюда вывод: будем еще сидеть в болоте. Надоест — пойдем пешком на полярную станцию. Но главное в другом — нас ищут. Значит, рация сработала. Ну, как переночевали? Храпа не было?

— Да как сказать... — хитровато прижмурился Христофорыч. — Но, как видишь, все в строю. Ноги кое-кому размять надо.

— Пошли завтракать. Что у нас есть?

— Да кое-что есть, — ответил Христофорыч, — полбуханки хлеба, с полкило колбасы, конфет штук десять. Еще и коробка макарон подмоченных.

— Ну что ж, неплохо. В кабине — кусок вареной оленины, головка чеснока, пара вяленых рыбин. А вертолет не придет — нырять будем за продуктами. Ты, Роман, с вечера собирался за водкой. Вот с тебя и начнем.

— А что? И нырну. Костерок за вами. Вообще-то, Александру положено нырять, он вездеход на дно посадил...

— Ладно, пошли. Сашка получит свое.

Все полезли в палатку.

...Вертолет появился в полдень. Он шел прямо на нас — низко над заснеженной землей, над мокрой колеей, оставленной вчера гусеницами вездехода.

И странно, радость была какой-то притупленной, подавленной. Христофорыч обессиленно сел на кочку, склонил голову, запустил руку под шапку. Юрий Иванович полез в кабину. Саша молча смотрел то на вездеход, то в небо. Один Ромка жизнерадостно махал шапкой.

Вертолет на мгновение завис над нашим лагерем и медленно стал опускаться. Сильные ветры взметнули слабый снег. Покатилась по земле чья-то шапка. Палатка накренилась, растяжки напружинились и дрожали на последнем пределе. Пилот вовремя заметил переполюх на земле и отвел машину чуть в сторону, на небольшой кочкастый взгорок.

Первой из вертолета вышла молодая женщина и, улыбаясь, направилась ко мне. Короткая меховая шубка на ней открывала белый халат, края которого бились на ветру.

— Как вы себя чувствуете?

Она взяла меня за руку, прощупывая пульс. Ее ладонь была мягкой и горячей.

И тут у меня сдали нервы. В горле — спазм, глаза заволокло. Женщинам в такие минуты появляться нельзя, даже если они принадлежат к медицинскому племени. Сдерживая дыхание, я выдал из себя:

— Я сейчас... Вещи соберу... — И постыдно полез в палатку. Какие вещи собирать, я, конечно, не знал. Их, собственно, и не было. Блокнот и авторучка — в кармане куртки, а рюкзак утонул. Я стал вытаскивать из палатки кокули, паяльную лампу, сумку Христофорыча с остатками еды...

Как только вертолет набрал высоту и устойчиво встал на курс, по кругу пошел стакан с водкой, потом — трехлитровая банка со сметаной, изысканной и редкой чукотской закуской. И когда мы посмотрели на свои обросшие лица, вымазанные сметаной, всем стало смешно. Началась истерика. Хохотали взахлеб, до слез. Смеялись все: врач, чукча Виктор Иванович — бригадир пастухов, в яранге которого мы ночевали в канун последнего злополучного перехода, командир авиаотряда Сухопаров... Все что-то говорили, кричали, но никто ничего не понимал и не слышал.

Потом Юрия Ивановича позвали в кабину к вертолетчикам. Несколько минут спустя он вернулся, подсел ко мне и прокричал на ухо:

— Поговорил с начальством по рации. Наша прогулка мне обойдется... Пообещали выговор за то, что пошел на полярную станцию, а второй вездеход отпустил... За поиск вертолетчикам платить придется. Это — не одна сотня... Ладно, выговор изношу, а деньги заработаю... Все же главное мы сделали: продовольствие и товары завезли пастухам сполна!..

Он кричал, а сам улыбался и поглаживал густую седую щетину на своем лице, влажную от сметаны и пота.

— А ты знаешь, — снова наклонился Юрий Иванович, — они ведь нас сразу обнаружили — вышли на палатку по следам вездехода. Когда я стрелял, они это видели. Но горячее кончалось. И они пошли на заправку...

Я закрыл глаза. Кружилась голова, подташнивало, остро ныли разогретые спиртом ноги. Сквозь вертолетный оглушающий гул я услышал зов — ровный, полный внутреннего напряжения, требовательный.

— Я — «Султан». Я — «Султан». Как слышите? Прием...

ПРО КУЗЮ, БЛЯМКУ И ДРУГИХ

Борис
РЯБИНИН

Живое копьё

Это было во время второй мировой войны.

Рано утром, когда чуть начало светать и море еще было окутано густой пеленой тумана, к атлантическому побережью Франции подплыли большие десантные лодки. Они двигались неслышно, совершенно невидимые. Туман маскировал их. Был час отлива.

Но едва первые солдаты-десантники, спрыгнув с лодок и держа оружие над головой, побрели по воде к берегу, навстречу хлынул смертоносный ливень огня и металла. Побережье вмиг ожило, озарилось вспышками выстрелов.

Гитлеровцы, захватившие пол-Европы, давно уже укрепляли французскую береговую линию. Опасаясь высадки противника, они создали «атлантический вал» — поставили хитроумные решетки-ловушки, «ежи» из обломков рельсов, каменные надолбы. В глубоких железобетонных гнездах запрятали пулеметы и пушки.

Как преодолеть такую преграду?

Десантники ползли по песчаной отмели и застывали на месте, убитые и раненые.

Внезапно какая-то длинная темная тень отделилась от земли и рванулась вперед, туда, где строчил пулемет. Миг — и пулемет умолк. Метнулась вторая тень — захлебнулся второй пулемет...

Кто были эти незаметные герои, которые своим телом запечатывали амбразуры дотов и открывали дорогу десанту?

Это были собаки.

Союзники — англичане и американцы — тоже долго готовились к тому, чтобы единым духом преодолеть пролив Ла-Манш, отделяющий Англию от Франции, пробить брешь в обороне врага и высадить свои войска. Они создали особые отряды — «коммандос». «Коммандос» первыми штурмовали побережье. Для этой цели отбирали самых сильных, самых ловких и смелых.

Десантников называли «наконечниками копьё». Но настоящим «острием копьё» стали доберманы-пинчеры. Впервые их опробовали при вылазке в Дьепе. Опыт оказался удачным. «Живое копьё» помогло избежать лишних человеческих жертв.

У доберманов молниеносные движения, тело поджарое, стройное, как у скаковой лошади, морда длинная, уши стоячие, мускулы так и прыгают под атласной шкурой. Обычная масть — черная с рыжими подпалинами, реже — коричневая. Бывают и «голубые», то есть серые доберманы.

Доберман — отличный бегун, прыгун. Он может преодолеть препятствия в два, три и даже три с половиной метра высотой. Он превосходно лазает и, если его обучить, способен легко взбираться даже по пожарной лестнице.

У одного моего знакомого доберман был приучен снимать шляпу с хозяина, когда тот придет домой. Делал пс это просто. Прыг — и шляпа в зубах, прыг — и лежит на полке.

Доберман служит розыскной собакой, у него тонкий нюх и он отлично ловит жуликов. От добермана не скроешься!

Он горяч и возбуждается мгновенно, проявляя при этом необычайную ярость и злобу, — тогда он опасен. Наверное, это самая темпераментная собака на свете.

Долгое время доберман в Германии, откуда он родом, разводился исключительно как полицейская собака. Но потом пошла такая мода на доберманов, что их стали покупать все.

В царской России был знаменитый доберман-ищейка Треф. Его возили по разным городам. О нем рассказывали чуть ли не легенды.

Меня часто спрашивают: а если взять добермана, его можно воспитать? Он не будет кусаться?

Можно! Отвечая так, я всегда вспоминаю Бенно, добермана-пинчера моего друга Мазовера. За всю свою жизнь ни на кого ни разу не набросился зря. И выдержка была отличная!

Помню случай на выставке. Вор пытался украсть чехомодан, которым был награжден Бенно. Бенно его задержал. Сообщили хозяину — Александру Павловичу.

— Пускай посидит, — ответил тот невозмутимо.

И Бенно не отпускал вора в течение всего дня, пока не закончилась выставка. Пока не закончился последний ринг, не раздали призы и не освобожден Александр Павлович (он был судьей на ринге), Бенно не сошел с места.

И уж совсем поразительный случай. Вышли они как-то погулять рано утром. Глядь, на тротуаре стоит корзина. Вокруг ни души. Бенно сунул в корзину нос и посмотрел на хозяина. Оказалось, там колбаса и всякая другая снедь. Чья корзина? Почему тут стоит? Александр Павлович оставил Бенно караулить, сам глянул туда, сюда, побежал в переулок... Возвращается — около корзины женщина, его дожидается. Бенно отдал ей корзину беспрекословно, даже никакой враждебности не проявил — признал, очевидно, по запаху, который не могла заглушить даже колбаса. Оказалось, хозяйка ключ забыла от калитки и побежала к соседке, а корзину, чтоб зря не таскать, оставила на тротуаре...

Юша-автомобилист

Дело было в курортном городке Пярну.

Вдруг пошел слух: приехали отдыхающие на автомашине, а за рулем — собака, боксер. Знаете боксеров? Не путайте с бульдогом. Часто, увидев боксера, говорят: «Это бульдог». Нет, не бульдог! Бульдог — широкий, приземистый, как утюг. Ноги у него кривые, курносость выражена предельно — морду будто топором обрубили. А боксер — стройный, подтянутый, на прямых ногах, морда не такая усеченная, как у бульдога, взгляд почти осмысленный, как у человека. Вообще, в боксере, в его «физиономии», есть что-то от человеческого лица.

Бульдог непривлекателен, боксер — красив, если ухоженный. (Хотя, заметим, ценители бульдога находят и его красивым по-своему: красота — понятие относительное.)

Да, так вот, «боксер за рулем автомашины!» Неужели правда?

Гляжу — действительно: хозяев нет, а на шоферском месте солидно восседает гладкая курносая собака. Все таращат на нее глаза, а она — ноль внимания. Машина закрыта.

Подошел постовой, постучал пальцем по стеклу, сказал:

— А права-то у него есть?

Нет, конечно, собака не могла водить машину. Но боксеры очень любят ездить на машине. Откуда у них такая страсть, не пойму.

Едет, да еще обязательно по сторонам глазеет. Увидит интересное — головой завертит, заерзает, иногда даже

скулить примется. Проехали — обернется и смотрит в заднее стекло. Как человек. Не терпит, если машину обгонят. Вой, лай, возмущение!

Юша (так звали нашего героя) даже болезнь нажил на машине — воспаление глаз. Оттого, что уж очень усердно смотрел в окно. В глаза — ветер, пыль, яркие блики солнца... Не уберется!

Не пойму, в чем причина, но на долю боксеров в последнее время почему-то особенно часто выпадают суровые испытания.

Ведь было же: выкинули бокса на лестничную площадку. Утром жильцы идут, смотрят — собака, боксера, привязана за отопление, к ошейнику прицеплена записка: «Собака Дина кому надо берите». Собака худющая, страдавшаяся, взгляд мученицы. Три дня ее кормили ребята, потом взяла какая-то женщина.

...К тротуару подкатила зеленая «Волга» с шашечками на дверцах и резко затормозила. Шофер хотел выйти и купить папирос, открыл дверцу, а тут, откуда ни возьмись, боксер. В машину — шок! Мороз, стужа, — замерз. Трясется весь.

Из-за своей роковой страсти кататься на машинах, случается, боксеры теряются. Выпустит какой-нибудь ротозей-хозяин своего пса погулять, тот бродит-бродит, замерзнет — зима, а шкура у боксера не как у овчарки или лайки, в дом не пускают, увидел стоящую машину — туда, дверца захлопнулась, и поминай как звали. Увезли и продали.

Но с Юшкой вышло по-другому. Он не терялся. От него решили избавиться. Его отдали, а он через десять дней вернулся (пробежал через весь город), веревка на шею длинная, грязная, сам рад-радехонек. Да рано радовался.

Через неделю хозяин завез его подальше и там бросил.

Пропадать бы Юшке в чужом месте, не подвернись таксист, которому приспичило купить пачку папирос... Куда девать собаку? Из машины не выходит. Привез домой — жена не пускает с собакой. Подумал-подумал и привез в гараж.

Шофер видит — собака добрая, не кусается и даже, более того, сама жмет к нему, с благодарностью принимает всякое проявление внимания. Проникся к ней симпатией. Некоторое время Юша жил в гараже, стерег машину-такси.

После, по номеру на ошейнике, удалось найти настоящего хозяина. Милиция этим уже занималась. Но хозяин Юшу не принял обратно, отдал документы-родословную.

А тут звонок: потерялся боксер. Вы нашли боксера — не он ли? На базаре в эти дни можно было видеть молодую женщину с заплаканной девочкой. Ищут пса: не продают ли? Увели щенка-боксерчика. Щенок не нашелся. Это решило судьбу Юши. Так он наконец обрел настоящего хозяев.

Хорошая, дружная семья — инженер с женой и дочерью. Любят животных, собак — особенно.

Вот когда началась настоящая жизнь. Инженер — страстный автомобилист. И Юша охотник до быстрой езды на автомобиле. Обойм ничего не надо, только дай автомобиль. Это — жизнь! С машины началась, машиной, наконец, и кончится.

Можно долго рассказывать про Юшу.

Многие почему-то чураются боксеров. Страшные-де. Зато уж с таким спутником за машину можешь не беспокоиться. Хозяева ушли — Юша у руля. Попробуй, тронь!

Раз заночевали в лесу. Под деревьями сыро — легли в машине. Спят. Только Юша вдруг слышит: кто-то тихо-нежно подошел, тронул ручку. Юша весь напряжился, но молчит, не лает. Как пограничные псы: те тоже зря не поднимут шума.

Ручка повернулась, дверца открылась. Юша — прыг! Неизвестный — бежать. А Юша висит на нем, прице-

пился как репей. Сказались оба в овраг. Тут и нашли их. Ночной гость был ни жив ни мертв. Проучил его Юша.

Как-то ехали и увидели: милиционер не может хулигана образумить. Тот дерется, кулаками машет, не унижается. Юша враз пришел его в чувство. Милиционер повел дебошира, а Юша сзади на машине едет, из окна выглядывает.

В Германской Демократической Республике боксер — главная собака криминалистов, служит в народной полиции.

В некоторых странах боксеров ставят сторожами на границе — ловить контрабандистов. Служат они хорошо, старательно. Ловки, быстры, прыгучи.

Четвероногих футболистов в цирке видали? Тоже боксеры.

Одно плохо: шкура у боксера очень тонкая, так же, как у добермана. К холоду непривычен, резких переменов температуры боится. А во всем остальном — отличный пес.

Те, кто держал боксеров, дорожат ими. Хвалят: очень ласковый, преданный пес. Постоянно ластится к хозяевам, жить без них не может (как и они без него).

Очень забавен боксер-щенок: весь в складочках, пузо толстое, а морда — как у обиженного старичка... Будто хочет сказать: и зачем я на белый свет родился?

Первый блин, или Про храброго Кузю, который спас генерала

Он грыз кость. Кость была старая и совершенно голая, но он был рад и такой. Он долго провозился с этой костью и потому привлек внимание бойцов. Так произошла резкая перемена в его жизни. Его привели к генералу.

— Вот, — только и смог сказать молодой храбрый ординарец, на всякий случай придерживая собаку за ошейник, чтоб ненароком не бросилась на начальство. Кто их знает, собак, что у них на уме. И в чинах они не разбираются.

Крпачатый рослый пес сильно припадал на одну ногу. Он мог бы сойти за красавца, не будь такой худой и грязный.

— Где вы его взяли? — любопытствовал генерал.

— Да вот, сам прибил. Наверное, потерялся...

— Хороший пес.

В ответ Кузя несмело вильнул хвостом. Он сразу понял, что генерал любит собак.

— Может, возьмем, товарищ генерал? — осторожно промолвил ординарец. — Пускай живет, не обьест. Опять же веселее...

— Давай. Там посмотрим.

Кузя был из породы легавых — сильных и выносливых собак, преданных и добрых, обладающих тонким чутьем и завидной работоспособностью. Кузя мог найти или выбрать из кучи монет оброненный хозяином пятак. Он мог... Он многое мог, этот рано охромевший пес! Ходить бы ему на охоту, неслышно ступая, насторожившись, хвост струной, выслеживая дичь для хозяина-охотника. А тут — война, мины... В войну многие легавые оказались отличными искателями мин.

Генерал не знал, что Кузя уже обучался в школе на минера.

60 000 собак было на боевой службе в Советской Армии в годы Великой Отечественной войны; Кузя — один из этих 60 000. Многие погибли. Кузе еще повезло, досталось только ноге.

— Когда-то был пойнтер, — сказал генерал, окидывая Кузю еще раз внимательным взглядом. До войны он был заядлый охотник и понимал, что такое подружейная собака. Кузя опять несмело дернул хвостом, будто понял.

Так Кузя стал генеральским псом.

Собаку только раз приголубь, после сам ее не отдашь. Без Кузьмы генерал не съедет обедать; генерал на передовую — и Кузя на передовую. В машину скок — и сидит солидно позади генерала, у ног автоматчиков, понимает: охрана. Если уж очень опасно, генерал оставит Кузю: «Там, голубчик, стреляют, могут убить. Ты уж извини...»

На генеральских харчах Кузя быстро поправился, разелся. Только хромота осталась, но на это никто не обращал внимания. Собаку баловали и Николай, и все солдаты.

Наша армия наступала. Фашисты драпали. Убегая, они старались всячески навредить нам — закладывали мины, взрывали города, села, мосты, дороги.

В один из дней генерал и его штаб остановились в только что отбитой у врага деревне. Все сильно устали. Квартиреры быстро определили под построй для командира хату получше, расторопный ординарец Николай принялся наводить в ней порядок.

— Блинцов бы испечь, товарищ генерал, а? Как смотрите? — предложил он. — Мука имеется, обстановка позволяет.

Принесли охапку дров, да вот беда — сырые, не разгораются. Но что с Кузей? Как вошел, принялся обнюхивать все углы, шумно втягивая ноздрями воздух и перебегая с места на место. Поглядел вверх на потолок, вниз, после стал нюхать большую русскую печь, добрался до шестка — даже приподнялся на задних лапах, чтобы дотянуться, но не удержался — лапа подвернулась. Сев перед печкой, Кузя тоненько заскулил, оглядываясь на людей.

— Ты что, голубчик? — удивился генерал, но вдруг догадка осенила его. — Отставить блины! Потушить огонь! Саперов сюда!

Пришли саперы и извлекли на свет запрятанную среди кирпичей мину.

За годы войны советские собаки-минеры отыскали миллионы мин, запрятанных фашистами. Нашел и Кузя свою. Когда водрузили на стол большое глиняное блюдо с горкой аппетитных блинов, самый первый достался ему.

Кувас-телохранитель

— Какая собака лучше всех охраняет хозяина? — допытывался соседский Сережка.

— Ты хочешь сказать: какая порода?

— Ну да, порода.

— Да все охраняют хозяина, даже самые маленькие...

— Ну, а какая лучше? — не унимался Сережка.

— Есть такая порода. Так и называется: телохранитель...

— Вот мне бы такую!

...А ведь и вправду есть. Мой челябинский знакомый Спасоломский, старый собаковод, привез щенка из Центральной школы. Называется порода кувас.

Щенку дали имя Грилля.

Занятный пес. Хозяев влюбил в себя с первого взгляда.

Белый, как овечка, шерсть курчавая. Тело пятнистое, есть черные пятна, а шерсть вся серебристо-белая; шерсть разберешь — просвечивает розовое тело. Нет подшерстка. Между прочим, колли тоже без подшерстка и потому тоже легко простужается. Но на этом сходство куваса с колли и кончается.

Нос розовый, уши висячие, глаза темным ободком обведены, взгляд в упор и умный-умный, сразу видно — с характером.

Впрочем, таким — чистым да белым — он стал по-

том, а когда привезли, был грязный-прегрязный, испачкался в дороге. Вымыли — получился как шарик белого пуха или ваты...

Пока вырастили, хлопот и забот было с ним — вагон. Нос шелушится, кровоточит, кожа заворачивается. Врачи говорят: перемена климата. Летом пыль попадает, боишься пыли. Давали рыбий жир с медом, мазали нос от авитаминоза. Есть такая болезнь, очень неприятная, когда витаминов не хватает. Собаки частенько ею болеют, как и люди.

Избаловался за время болезни...

Лакомка. Поест — приходит к буфету, съедет: давай сладкое. Будет час сидеть и два. Один угостил, после угощает другой житель дома и третий. У каждого попросит по очереди. Сидеть будет хоть до ночи.

День ото дня заметнее проявлялся его сообразительность. Зимой ходит во дворе везде. Вскопают гряды — ходит по бороздам. Позовут — прямо ни за что не побежит, обойдет по дорожке.

Нравится сопровождать хозяев в лыжные походы. Одно плохо: шерсть между пальцами, зимой намерзает снег, — начинает хромать. Говорят, из кувасей шерсти вяжут варежки.

Вырос Гриллюшка. Метровой длины, с пушистыми «штанами». Похож на белого медведя. Кажется таким увальнем, но только кажется. Попробуй подразни — не убежишь.

Лай — низкий бас. Упрям. Возбудимость, как у добермана. Малышом был страшно драчлив, задира и сейчас. Не дает другим собакам лаять, чуть что не по нему — зубы в ход. В драке подставляет шею. Неуживим! Шерсти на шею — до тела не добраться. Не терпит баловства, беготни, криков — живо наведет порядок.

Порядок, впрочем, наводит везде, где может. Кошккам не дает ничего со стола трогать. Рычит. Если мясо на столе — съедет и сидит, караулит. Сам тоже никогда не тронет. При нем можно не беспокоиться, никуда ничего не денется.

Вот тут и вспомнили, кто он родом, откуда. «Кувас» в переводе с турецкого, точнее «кавас», — телохранитель. Предки Грилля охраняли покой турецких владык, их разводили для охраны дворцов. Там (в Турции) они крупнее и, значит, еще сильнее.

В Венгрии есть похожие на них — командоры. Одна ли это в прошлом порода или у них только корни общие, судить не берусь. Вообще-то многие породы состоят в родстве между собой. Может быть, когда-то вместе с ордами турецких завоевателей кувас проник в Центральную Европу и там дал начало особой ветки «телохранителей».

Хозяин уехал в командировку — Грилля отказался от корма. Лег у сундука, скрестил передние лапы, на них положил голову. Грустный-грустный. День не встает, другой не встает. Хозяина не было четыре дня, и четыре дня не ел.

А потом, когда хозяин приехал, обрадовался — спал у кровати, прижавшись к ножке, на половике. Захрапел на радостях!

Но с тех пор своих не отпускает из дома, ловит зубами за брюки. Не ходи. Или бери с собой.

Не дает никого обижать, соротиться не позволяет. Встанет посредине, как бы разгораживает. Кошку вздумали наказывать — он прибежал, заступился. Хватает за руку. Не тронь! Не дам!

— Гриллинька, ты хороший, — скажут ему.

А он как понимает. На ласку все сделает. На принуждение — упрется, рычит и ни с места.

В семье появился ребенок. Как-то к нему отнесется Грилля? Немножко беспокоились вначале. Уж больно пес своеобразный, как говорят в народе, с норовом, значит, не похожий на других. Вдруг ему не понравится новое существо: кричит, плачет, ручками-ножками размахивает, беспокойный. Решили последить. Глядят, а он сидит у коляски тихохонько, выражение морды серьезно-умильное, строгое, охраняет малыша... Телохранитель!

Блям Блямыч, или Где собака?

Сколько я на своем веку возил щенков — не упомню. И фоксов, и эрделей, и овчарок... Но такого «концерта», какой задал мне Блямка, не задавал ни один.

Перед тем как ехать в Москву за щенком, на семейном совете долго решали — какую собаку взять? Дога держали, овчарку, эрдельтерьера, фокса... Возьмем, условились, пуделя, да не обычного, наиболее распространенного, большого, а так называемого миттель-пуделя («миттель» по-немецки — средний). Собака мягкая, нрава скромного, никаких хлопот.

Взяли. Ох и «тихая собачка»!

Уже в секции комнатно-декоративных собак в доме на Хорошевском шоссе, перейдя с рук старой хозяйки на мои, он вдруг взъярился и тоненько, по-ребячьи, раза два тьякнул на меня... Я умилился, но скоро мне стало не до умиления. Щенок визжал и лаял, пока мы с ним ехали в такси до аэровокзала на Ленинградском проспекте, визжал в вокзале, пассажиры сбежались: «Где плачет ребенок? Почему?»

Гавкал и скулил Блямка в автобусе — пятьдесят километров до аэропорта Домодедово, не дал покоя и в самолете. Словом, как начал в шестнадцать часов по московскому времени, так до самого дома, до трех часов ночи в Свердловске! Уж я его и качал, тюлюлюнькался с ним, на руках подбрасывал, как грудного младенца, уговаривал — кричит! Но кто действительно умилил меня, так это пассажиры. Хоть бы один заворчал или поморщился.

Утихомирился Блямка, лишь когда его пустили в доме на пол. Сразу вся дурь прошла! Замолчал и принялся деловито обследовать квартиру: понял, что приехал домой!

Глябка, мой младший сынишка пяти лет, долго смотрел на него, потом спросил:

— А где у него входит и где выходит?

Действительно, разобраться было трудно: кругом шерсть. Черная, густая. Ни хвоста не видно, ни глаз, ни носа.

Пришел знакомый, посмотрел и тоже изрек:

— А где тут собака?

И правда: торчат черные клочки во все стороны, а собаки не видно. Лай — слышно.

Стал наш Блямка подрастать. Побратался с Кацо, большим сибирским котом. Дружба — водой не разольешь! Вместе играют, носятся друг за другом. Вместе едят. У каждого, разумеется, своя чашка, но Блямка подъедает и за Кацо, ждет не дождется, когда тот отойдет от чашки. А если кот опередил, первым поспел к собачьей посудине, Блямка ни-ни, не трогает: ешь!

Кот расстолтел. Раньше привередничал, теперь видит, что Блямка не гнушается никакой едой, и сам стал есть то, на что раньше глядеть не хотел.

Пудели, подобно овцам, не линяют. Их стригут и расчесывают. Я, правда, своего не расчесывал, сознаюсь в этом открыто и без особых угрызений совести. Существует мнение: если не чесать, то нарушается воздушный обмен с кожей, но я никакого ухудшения не заметил, зато в «шнурках» Блямка всем нравился куда больше, нежели стриженный.

Носится Блямка с ребятами во дворе, чувствует себя в своей компании, участвует во всех играх. Собака, которая специально создана для ребят! «Колобок», «медвежонок», «овечка» — любовно называют его.

Стоит показаться во дворе, у ребят один вопрос: «А Блямка выйдет?» Прежде спрашивали про сыновей. Теперь Блямка затмил всех.

Все репы льнут на Блямку, весь мусор... На кого похож Блямкина беда — льнет каждая соринка. И каждая, даже самая маленькая, видна на его черной шерсти,

как в тетрадке — клякса. Ходить не может, весь в репье. Из одной лапы выдерешь — захромал на другую. Бежит-бежит — и вдруг сел и принялся вырывать зубами колючку. С прогулки идет — обязательно принесет на себе щепку, ветки, палочки.

Между прочим, распространенное мнение, что пудель — собака нежная и требует особого бережного отношения, тем более «миттель», средний пудель, — это мнение совершенно ошибочно. Да, верно, пудели обладают мягким податливым характером, трогательно привязчивы, однако это вовсе не говорит об их слабости, скорее наоборот. Когда я получал Блямку в московской секции комнатно-декоративных собак, тамошние руководительницы породы прочитали мне целую лекцию-напутствие: как кормить да как ходить, то нельзя, другое нельзя. Косточка куриная — упаси боже!.. Потом дома мы часто вспоминали эти «наставления». Посмотрели бы москвички, как Блямка управляется с костями: только треск стоит!

Не забыть, как ходили на лыжах зимой, туда и обратно — двадцать километров. Наш пес обратно шел — шатался, шел по лыжне, останавливался и смотрел виновато, пришел, стоит, с него течет, по полу стучал — обмерзли лапы, сплошные комки снега со льдом. А через час уже был вновь веселехонек и готов пуститься в новое путешествие. В этот день я припомнил утверждение старых знатоков-кинологов, что пудели при всей кажущейся изнеженности — выносливые и крепкие собаки.

Вернемся, однако, к первому периоду жизни Блямки. ...Блямке — год. Подошло время стричь его. Апрель. Лето близко. Не стричь — жарко будет, замается собака. И порода того требует. Стрижка для пуделя как модная прическа для женщины. Без стрижки нет пуделя. Стричь надо, иначе шерсть свалается, кожа не дышит.

Стригу «под льва», «под каракуль»... — фасонов много. Мы выбрали немецкую стрижку «под каракуль». Я специально поучился у одной московской знакомой этому искусству. При мне она сделала другому пуделю «усы», «шапочку», вывела талию, а грудь стала совсем богатырская, тоже из шерсти. Глаза открылись (вог какие, оказывается, глаза у пуделя, красивые, с белыми ободками, умные да серьезные!), уши — как шелковистые лепестки. «Махры» на них тоже подстригли. Там подравняли, там подрезали, получился пес-картинка. Сумеет ли мы так? А, была не была! Все равно надо!

Поставили Блямку на стол, принялись стричь. Я очень опасался: острижем всего — а собака останется? И опасался не зря. Шерсти все прибывало, а собака все убывала. Шерсть складывали в таз, после из нее ребятам навязали теплые носки, варежки, шарфы — красота! Жена сделала себе чудную кофту — теплую, мягкую.

А Блямка, стриженный, стал маленький, тщедушный. Выпустили его во двор погулять. Соседская девочка, часто игравшая с Блямкой, смотрела-смотрела и спрашивает:

— А где Блямка?

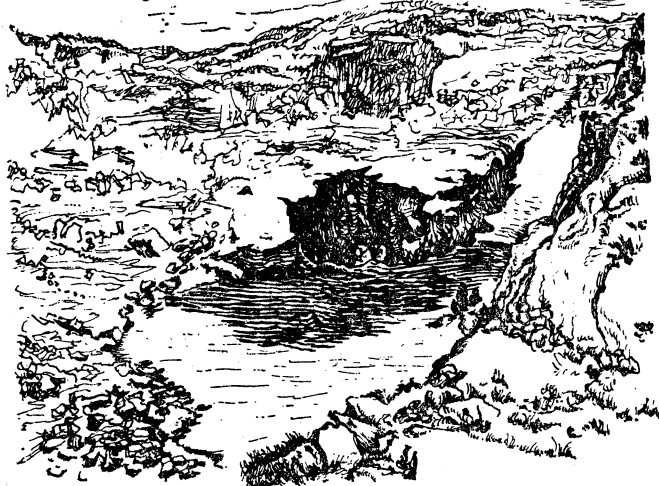
Подошел мальчуган:

— Вы что, другую собаку завели?

Подземелья-призраки

**Всеволод
СЛУКИН**

Рисунок
В. Ганзина

Двери ведут в тайну

Южная Америка. Континент, похожий на треугольник, острая вершина которого почти упирается в вековые льды Антарктиды. Всего каких-нибудь 500 лет назад (незаметный миг в истории!) этот материк для европейцев был так же далек, как и любая из известных тогда планет. О нем даже сказки не рассказывали, потому что не знали о его существовании. Конечно, если быть точным, то можно припомнить и давние путешествия викингов к неведомым землям в западном полу-

шарии, и легендарные плавания египтян и финикийцев к берегам Южной Америки. Однако ни египтяне, ни финикийцы, если они там и побывали, ни тем более европейцы даже не могли представить, какая сложная жизнь кипела на материке. Рождались и умирали цивилизации, накатывались и рассыпались волны нашествия и переселений, обжитые места внезапно и навсегда оставались ненасытным джунглям. И только потом, когда испанские завоеватели огнем и мечом стерли даже следы многих культур древней Америки, цивилизованный мир вдруг обнаружил, каким высоким было их искусство. Искусство понимать прекрасное, познавать природу, искусство строить. Строить так, что и время, и силы природы, и завоеватели оказались бессильными разрушить эти сооружения.

О стенах древних городов инков уже много писали, всякий раз отмечая огромные размеры каменных глыб и необычайно плотную кладку без применения скрепляющих растворов. Гигантские габариты построек даже наводили на мысль о взвешном вмешательстве.

Ведь трудно представить, что, не имея никакой техники, древние строители управлялись с каменными блоками весом до 300 тонн! И не просто перевозили (доставляя на расстояние более 80 километров, да еще в горной местности), а выкладывали из них стены и другие сооружения, поднимая на многометровую высоту. Испанцы озадаченно взирали не только на кладку, но и на огромные каменные статуи, на которых висели литые серебряные украшения весом свыше полутонны. Конечно, после того как их увидели испанцы, эти украшения никто не видел. Завоевателям Нового света достался и огромный золотой диск, посвященный богине Луны. Диаметр этого цельнолитого диска — 10 метров.

В неистовых поисках золота, сказочной страны Эльдорадо, якобы существующей в Южной Америке, испанские конкистадоры наткнулись на дороги инков. Эти дороги, имевшие твердое покрытие из обработанного камня, уходили далеко в горы, спускались к побережью океана, пересекали ущелья и реки. И только недавно удалось обнаружить всю систему инкских дорог. Экспедиция американского ученого Хагена в начале пятидесятых годов исколесила почти 53 тысячи километров южноамериканского материка, нанося на карту древнюю дорожную сеть. Были открыты две основные магистрали: одна шла вдоль побережья Тихого океана почти четыре тысячи километров, другая параллельно ей тянулась среди заоблачных вершин Анд на расстояние свыше пяти тысяч километров. Обе магистрали соединялись многочисленными поперечными дорогами, имеющими ответвления. Ширина магистральных дорог равнялась семи метрам, а всех прочих — 4,5 метра. Дороги вырубались в скалах, покрывались каменными плитами, часто обносились барьерами. Поскольку инки не знали колеса, то в горах дорога не вилась серпантином по уступам, а прямо поднималась на возвышенность в виде лестницы из многих тысяч ступеней. Через ущелья перебрасывались каменные и висячие мосты, а через реки — мосты на понтонах. Чтобы вода не размывала полотно дороги, оно покрывалось слоем битума. Получалось настоящее асфальтированное шоссе.

Не только инки строили дороги. На полуострове Юкатан, там, где некогда было могущественное государство Майя, недавно раскопали участок настоящей древней магистрали. Построенная с учетом рельефа, она имела ширину 42 метра! По такому шоссе современные автомобили могли бы свободно двигаться в восемь рядов.

Строительству дорог высокого класса у древних инков сопутствовало строительство каналов. Большой частью это были водоводные открытые сооружения, как, например, десятикилометровый канал в центральном районе Перу. Расположен он высоко в горах, а стенки выложены гладко отшлифованными плитами.

Высокий уровень строительного искусства древних народов Южной Америки обнаружен и в их подземных сооружениях. Они строились с той же долей гигантизма, с той же непонятной нам целью, что и наземные.

Инки боготворили горы, ибо вся жизнь этого народа проходила среди гор. Но особо была почитаема вершина Уакарана — «Горы инков». На ней, правда, не было храмов и жертвенников, но вся она была земным воплощением могущества инкских богов. Еще с тех времен, когда по земле инков рыскали разбойничьи банды Франсиско Писарро, у подножья Уакарана были известны входы в пещеры. Испанцы в поисках золота заходили внутрь подземелий, но, не обнаружив ничего ценного, решили, что пещеры служили продовольственными складами. Это мнение укоренилось, и постепенно пещерами перестали интересоваться. Их считали естественными образованиями, хотя в некоторых документах эпохи конкистадоров упоминалось об искусной облицовке стен и сводов тесаными плитами.

Интерес к инкской культуре заметно оживился в последние десятилетия. Ученые вспомнили о пещерах Уакарана, и первый же профессиональный взгляд определил, что так называемые пещеры представляют собой искусственные тоннели, пробитые в исключительно твердых породах. Входы, частично заваленные обломками камня, были действительно облицованы плитами. Облицовка продолжалась дальше, в глубину подземных камер.

В одной из камер археологи не поверили глазам: стена громадного подземного зала оказалась вовсе не стеной, а створками гигантских дверей. Высота каменных плит-створок равнялась восьми метрам, ширина — около пяти, а толщина — 2,5 метра! Археологи сначала решили, что такие ворота вряд ли можно открыть без мощной современной техники, которой не было под рукой. Но потом сообразили, что созданные задолго до эпохи технического прогресса, они могли открываться только мускульной силой человека. Стали искать шарниры и обнаружили своеобразные подшипники из каменных шаров, лежащих в скальных углублениях. Вчетвером налегли на створки, и огромные двери дрогнули. Шарниры, застывшие в одном положении много столетий назад, пришли в движение.

Двери открылись. Затих скрежет каменных шарниров, повеяло холодом подземелья. Лучи мощных фонарей скользнули в темную глубину и... Нет, никаких сокровищ там не оказалось, зато открылся широкий подземный ход. Его своды и стены имели облицовку каменны-

ми плитами, которые были плотно пригнаны одна к другой, как бы сцепляясь между собой небольшими геометрически правильными уступами. К удивлению археологов, тоннель вел в сторону моря. Через некоторое время ход раздвоился: одно ответвление уходило под морское дно к острову Гуанапе и там, в недрах острова, заканчивалось. Видимо, когда-то существовал выход на поверхность, но ученые не смогли его обнаружить и предположили, что он завален. Двадцать пять метров горных пород отделяло этот тоннель от дна Тихого океана!

К северу от мест, где находятся удивительные подземные сооружения Уакарана, в почти непроходимых лесах Эквадора в 1974 году были найдены странные пещеры Лос-Тайос. Это, скорее, целая система запутанных ходов общей длиной около пяти километров. Их стены и своды, казалось, не носили следов обработки — ни единой вмятины или хотя бы царапины, оставленной твердым орудием. Вот это и было странно. Потому что стены ходов Лос-Тайос были невероятно гладкими, словно кто-то выплавил эти ходы в скалах — так получается, если нагретый стальной прут ввести в кусок льда. Вроде бы и природа не могла так сделать, но и предположение, что это сделал человек, казалось невероятным. Если не природа и не человек, то кто же? Инопланетяне?..

Какими приемами добывались инки такой гладкости? Возникла догадка, основанная на легендах, что кроме обычной шлифовки камня песком и водой мастера использовали еще что-то, например, сок каких-то растений. Якобы этот сок размягчал поверхность даже самых твердых горных пород. Недавно в старинных хрониках времен Писарро нашли как будто подтверждение этой гипотезы. Но какие это были растения — пока тайна.

До сих пор загадкой является так называемый «Череп смерти», найденный в развалинах древнего храма майя археологом Митчел-Хеджесом. Этот череп выполнен почти в натуральную величину из одного кристалла горного хрусталя и отполирован с исключительной тщательностью как сложная оптическая система. Он обладает интересными оптическими свойствами, которые приводили в трепет и волнение даже жрецов майя. Не был ли «Череп смерти» отполирован с применением растительных соков?

Когда-то инки завоевали эту страну. Она располагалась на север от их первоначальных владений и называлась империей Чиму. Город Чан-Чан, столица государства, был не просто большим, а громадным — в нем жило около 300 тысяч жителей. После разгрома империи Чиму инками город опустел, стал разрушаться и вскоре место, где он стоял, забылось. Забылось настолько, что археологи лишь недавно обнаружили остатки храмов, дворцов, водопроводов, жилых зданий. Нашли остатки сооружений, очень похожих на пирамиды. Но самое главное, археологи раскопали входы в подземный лабиринт: подземными ходами соединялись пирамидальные сооружения и другие ритуальные постройки.

Столицу империи инков город Куско называли «Пуп

Земля», ибо во времена расцвета империи Куско представлял собой огромный город, куда стекалось все: добыча из побежденных государств, золото и драгоценные камни из рудников, караваны с продовольствием, строительным камнем, дарами далеких амазонских джунглей. Тщательно распланированный, с золотыми кровлями храмов, с сооружениями причудливой архитектуры, Куско сам был как драгоценный камень в золотой оправе. И сторожил эту драгоценность, подобно мифическому дракону, крепостной комплекс Саксауаман.

Саксауаман располагался на вершине горы над городом и служил не только крепостью, но и местом поклонения Солнцу. Три яруса стен, сложенных из огромных блоков длиной до восьми метров и весом до 200 тонн, поднимались на 18 метров. Частые в этих местах разрушительные землетрясения не сдвинули ни один камень в кладке Саксауамана. Но величественные сооружения крепости — это что-то вроде шляпы, прикрывающей обширные и, по-видимому, сложные и запутанные подземелья, еще почти не исследованные.

Что там, в глубине горы, куда ведут подземные ходы? Пусты ли подземелья? А может быть, в потайных хранилищах лежит знаменитое инкское золото — сокровище империи, часть которого (и, видимо, весьма небольшую) захватили испанские конкистадоры?

Империю инков уничтожила горстка завоевателей. Это были бородатые люди в блестящих доспехах на невиданных здесь чудовищах — лошадях — и с отвагой наглых грабителей, которым нечего терять (это и сыграло главную роль в неожиданном успехе испанцев). Они захватили и разграбили Куско, без боя взяли несколько других инкских городов и крепостей. Только после этого новый правитель инков Манко смог оказать испанцам решительное сопротивление, подняв против них восстание. Вначале инки вернули Куско и даже укрепились в Саксауамане. Часть утраченных сокровищ вновь оказалась в их руках. Но удержать столицу не смогли, и войско восставших ушло в далекие горные крепости, о существовании которых знали лишь правители и верховные жрецы. Это были, действительно, настолько тайные и недоступные места, что только через триста с лишним лет, да и то случайно, одну из таких цитаделей открыл американский археолог Бинтхем в туманном ущелье реки Урубамба — загадочные руины Мачу-Пикчу.

Открытие Мачу-Пикчу повлекло открытие целого ряда небольших горных крепостей, но самая главная из них — Виткос, которую сопротивлявшиеся испанцам инки впоследствии сделали своей столицей, еще не найдена. А в ней, по преданиям, были обширные подземные тайники.

Правда, ученым нет-нет да и повезет. Недавно, в начале семидесятых годов, в джунглях к востоку от Куско был обнаружен древний каменный город Мосой Льяйта. Наземные его сооружения грандиозны и величественны. А что там, под ними? Это пока никто не знает.

Города доколумбовой Америки потихоньку сдаются ученым. В 1978 году Честер Горман и Дорис Стоун добрались до двойника Мачу-Пикчу, города без названия

в горах Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, где обнаружили целую систему лестниц, каналов, дорог, резервуаров. Ждет ученых и огромный археологический комплекс на территории современного Перу — таинственный Пахатен. Исследователи только начали работы в этом каменном городе, руины которого заросли лесом.

Лабиринты

ПОДЗЕМНЫХ ТОННЕЛЕЙ

У знаменитой златокупольной пагоды Шведгаон в столице Бирмы Рангуне в конце 1977 года после муссонных дождей возле фундамента образовался большой провал и открылся вход в подземелье. Потолок подземного хода был выложен кирпичом, пол зацементирован, куда-то вниз вели ступеньки лестницы. Расчищая лестницу дальше, исследователи, казалось, добрались до самого интересного места, но тут в подземелье стала поступать вода.

В том же году при работах экспедиции Института археологии АН СССР в Балхском оазисе (Средняя Азия) было обнаружено древний храм. Расчищая в нем какую-то яму, археологи обнаружили 40 ступеней, ведущих под землю. Последняя ступенька упиралась в засыпанный зев подземного хода.

Обнаруженные, но еще не разгаданные подземелья в конце концов когда-нибудь откроют свои тайны. Они известны, но недоступны по ряду чисто технических причин: затоплены водой, завалены грунтом, полуразрушены либо находятся в таких труднодоступных местах, куда невозможно доставить какие-либо механизмы. Есть ненайденные подземелья, подземелья-призраки. Есть такие, о которых много свидетельств и устных и письменных, нет пока только самого подземного сооружения, как когда-то не было реальной Трои, как долгое время не было реальной Диоскурии или Помпеи. Есть такие, упоминая о которых, летописи ссылаются на более древние источники, а те, в свою очередь, еще на какие-то источники. Есть подземелья, о которых говорят легенды, причем эти устные свидетельства держатся целые столетия, а то и тысячелетия. Наконец, есть подземные сооружения, в рассказах о которых столько фантазии, что в реальность их существования нельзя верить. Но при этом всегда появляется вечный вопрос: а вдруг тут что-нибудь все же есть?..

...Войска многих древних властителей и полководцев переправлялись через Евфрат. Вавилоняне и ассирийцы, македонцы и греки, персы и монголы. Но история не донесла до нас, кто именно из завоевателей переходил через Евфрат по подземному (точнее, по подводному) ходу, но в древних хрониках упоминается такое сооружение, и будто бы подземный тоннель под этой рекой имел длину около километра. Если прикинуть время его постройки, то получается 4000 лет назад, или две тысячи лет до нашей эры. В Египте тогда уже царствовала XI династия, а гизехские пирамиды стояли почти 700

лет. А когда в Месопотамию ворвались воины государства Элам, до известного своими законами вавилонского царя Хаммурапи было еще 300 лет. Древняя история, собственно, только начиналась.

Могло ли реально существовать такое подземное сооружение? Судя по гигантским успехам пирамидостроителей, вполне могло. А как быть с водой? Ведь она и современным тоннелям доставляет массу хлопот. В середине века самыми хитроумными подземными строителями были итальянцы. Говорят, они и придумали такое устройство подводных тоннелей, что вода в них никогда не просачивалась. Со временем хитрость была раскрыта — итальянцы, оказывается, использовали так называемый литой свод. Нет, он не отливался целиком из металла, как современные тьюбинги, просто швы кладки между камнем или кирпичом заливались расплавленным свинцом. Кстати, многие дома старого Петербурга имели фундаменты, сложенные точно так же. А туристы, приезжающие в Алупку полюбоваться дворцом и парком графа Воронцова, могут и сейчас увидеть свинцовую кладку дворцового фундамента. Такой кладке вода не страшна.

Итальянские мастера могли и не сами придумать литые своды, а заимствовать изобретение из далекой древности, как это нередко бывало.

Трудно предположить, что подводный ход под Евфратом был литым — свинец в те времена почти что соперничал с золотом по цене. Но древние жители Месопотамии уже тогда свободно обращались с другим материалом, дающим водонепроницаемость, — битумом. Именно со второго тысячелетия до нашей эры начинается массовое применение битума в постройках. Исследователь древних цивилизаций Месопотамии Л. Вулли не раз находил многослойную кирпичную кладку на битумном растворе.

Видимо, еще в древности входы в подводный тоннель были засыпаны песком, сам тоннель мог обрушиться, воды Евфрата поглотили его и занесли илом, не оставив следа.

Любой город, где вместо улиц каналы и от дома к дому можно добираться лишь на лодке, мы привычно связываем с Венецией и говорим, например, «Саксонская Венеция», имея в виду район Шпреевальде в ГДР, или «Северная Венеция», имея в виду Ленинград. С Венецией сравнивают и Амстердам, и безвестные африканские деревушки на сваях. И вот чехословацкий путешественник и этнограф Милослав Стингл, побывав на многочисленных островах Тихого океана, заново открыл для нас «Тихоокеанскую Венецию».

В Каролинском архипелаге есть группа островов Понапе. Самое странное, что обнаруживали здесь путешественники, — это искусственно созданные острова, буквально насыпанные из камней в коралловых лагунах. Титаническая работа! Стингл даже назвал ее безумной: ведь построено 92 острова! Эти искусственные острова называются Нан-Мадол. Что только не было здесь сооружено, на этих островах, из гладких базальтовых плит и камней: высокие стены, ограждающие каналы, высо-

той до 11 и шириной до трех метров; храмы, крепости, дворцы; искусственные озера, десятки циклопических построек, назначение которых совершенно непонятно. Отдельные плиты достигают 25 тонн, а транспортировались они, как было установлено, за 40 с лишним километров.

Похоже, что Нан-Мадол был когда-то гигантским культовым центром и не часто посещался жителями архипелага Понапе. На одном из островов, так называемом Острове воинов, Стингл спускался в подземную тюрьму. Здесь же, по рассказам, находилась и подземная усыпальница Сауделеров — одной из династий, правившей архипелагом. На другом острове, представлявшем обнесенный каменными стенами квадрат со стороной в 100 метров, было озеро Ленкай, со дна которого шел длинный подземный тоннель к океану. По нему-то и попадали в озеро морские раковины, которые в один из ритуальных дней регулярно вылавливали жрецы.

Но подземный тоннель из озера Ленкай — это еще не тот призрак, о котором стоит ломать голову. Стингл пишет: «...Все, что я увидел в Нан-Мадоле, — это лишь частица того, что скрыто от глаз наблюдателя... Основные сооружения этой погибшей империи скрыты под водой».

Согласно легенде, под водой находится «Дом мертвых», в котором стоят платиновые саркофаги властителей архипелага незапамятных времен. В это их обиталище можно было проникнуть по особому ходу. И странным образом легенда нашла некоторое подтверждение. Перед второй мировой войной в статье основных экспортных товаров архипелага, захваченного к тому времени японцами, кроме традиционных (копра, ваниль и др.), появилась платина. В отчетах нет указаний, откуда она взялась на коралловых островах, состоящих на 100 процентов из известняка. Секреты никогда не остаются секретами, что-то все равно открывается. Просочились и сведения о том, что японские ныряльщики поднимали со дна лагуны Нан-Мадола платину. Что же, они добрались до «Дома мертвых»? Вполне возможно...

Каждый год приносит нам подземные загадки. Научные экспедиции и случайные искатели натываются на новые подземные сооружения. Большею частью эти сооружения по разным причинам не исследованы до конца. Тайны множатся и копятся. Тайны эти ждут своих открывателей.

ПАМЯТНИКИ ЖИВОТНЫМ

**Иван
ЗАЯЧКОВСКИЙ**

Зоологи говорят, что на Земле существует примерно полтора миллиона видов животных — позвоночных и беспозвоночных. В течение многих тысячелетий из этого великого множества люди приручили и одомашнили всего лишь около 50 видов.

Прирученные животные, а порой и дикие, не прирученные, оказывают значительные услуги людям. За это многие из них были удостоены памятников — символических, видовых и даже персональных.

На пьедесталах — собаки

Одним из первых удостоился памятника сенбернар Барри, спасший 40 человек. О нем знали жители Италии, Швейцарии, Франции. Борьба за жизнь сорок первого человека оказалась для Барри роковой. Однажды после сильной пурги и снежных обвалов Барри вышел на поиски пострадавших. Обнаружив человека в толще снега, сильный пес долго разгребал его, работая передними и задними лапами, пока не откопал обреченного на гибель путника. Тот был без сознания. Собака начала облизывать его и согревать своим дыханием. Наконец пострадавший очнулся. Увидев огромного пса, он выхватил револьвер. Смертельно раненный пес погиб. Это было в начале прошлого столетия.

Трагическая гибель знаменитого Барри взволновала людей во мно-

гих странах мира. О нем писали в газетах, журналах и книгах. А в 1899 году в Париже состоялось торжественное открытие большого мраморного памятника Барри. На пьедестале стоит большая собака, а на ее спине, крепко держась за шею, сидит маленькая девочка. На мраморе выбито имя Барри и надпись: «Он спас сорок человек и был убит сорок первым...»

В северных районах земли уже многие тысячелетия люди используют ездовых собак — лаек. Иногда эти собаки оказывают особо ценную помощь. В январе 1925 года в поселке Номе, на западе Аляски, началась эпидемия дифтерита. Из-за сильной пурги самолеты летать туда не могли. Было решено: лекарство повезут эстафетой со смелой собачьих упряжек. Это была поистине героическая эстафета. Особенно трудным оказался последний отрезок пути. Ночь. Буран. Мороз. Каюр лег на контейнер с сывороткой, чтобы она не замерзла и не потеряла лечебных свойств. Собаки шли с трудом — острые льдинки в кровь резали лапы. Упряжку вел вожак Болто, сильный, умный и храбрый пес. В нужном месте он сам свернул направо и поднялся в гору, а затем упряжка доставила в Ном нарты со спасительной сывороткой и полузамерзшим и полуослепшим каюром. Путь от Ненана до Номы собачьи упряжки преодолели за пять с половиной суток.

В конце 1925 года в Центральном парке Нью-Йорка был открыт памятник ездовым собакам и прославленному Болто. Среди деревьев — постамент в виде скалы. На скале — бронзовая собака в упряжке. К постаменту прикреплена бронзовая плита с надписью: «Неукротимому духу ездовых собак, которые через суровые льды и вероломные воды, через арктические снега прошли эстафетой 600 миль и доставили зимой 1926 года из Ненана для помощи в пораженный инфекцией Ном антидифтерийную сыворотку. Выносливость, Верность. Смышленность».

Овчарки помогают пограничникам охранять рубежи нашей Родины от непрошенных гостей. В тридцатые годы гремела слава о бесстрашном следопыте-пограничнике, Герое Советского Союза Н. Ф. Карацупе и его верном помощнике Ингусе. Сейчас в музее пограничных войск можно увидеть чучело прославленного Ингуса — своеобразный памятник собакам-пограничникам. Разумеется, у Карацупы был не один Ингус. Враги убивали его собак, но он находил других овчарок, похожих на любимца Ингуса, воспитывал их, дрессировал и вновь выходил на дозорные тропы. За годы своей службы на границе Н. Ф.

Карацупа с помощью своих Ингусов задержал 467 нарушителей.

На одной из наших пограничных застав долгое время безупречно служила овчарка Дойра, отличавшаяся необыкновенно острым чутьем. Прожила она 15 лет. После смерти был отлит бронзовый барельеф Дойры.

Очень важную и ответственную службу выполняют собаки-поводыри. В знак благодарности за облегчение жизни слепых людей на территории Берлинского зоопарка собакам-поводырям воздвигли памятник.

Многие годы великий И. П. Павлов проводил свои исследования, используя собак в лаборатории возле села Колтуши под Ленинградом. Постепенно лаборатория разрослась в целый поселок, получивший название Павлово. Здесь же знаменитому физиологу и его помощникам животным памятник. И. П. Павлов изображен стоящим в медицинском халате, с непокрытой головой — в рабочем виде. Рядом, у ног ученого, на том же пьедестале, сидит собака.

Собаки помогали ученым и при освоении космического пространства. Первой в космос на искусственном спутнике Земли 3 ноября 1957 года полетела Лайка. В память об этой помощи ученым на ВДНХ в павильоне «Космос» выставлена модель Лайки. Не чучело, а модель — ведь сама Лайка, как известно, выполнив задание, на Землю не вернулась.

Гнедым, серым, воронным...

С давних времен конь стал настоящим товарищем и помощником в мирном труде земледельца и пастиха, в ратных делах воина. Веками было так, что без коня ни дикое поле не вспашешь, ни натиск врагов не отразишь, ни в гости к друзьям не поедешь.

Ученые утверждают, что лошади были приручены и одомашнены позже других сельскохозяйственных животных — примерно шесть тысяч лет тому назад.

В глубокой древности поэты и писатели, художники и скульпторы отдавали должное лошадям, воспевая их в песнях, стихах и в прозе, изображая на картинах, в мраморе, чугуне и в бронзе. Лошади увековечены даже в шахматах. А сколько прекрасных скульптур лошадей создано в различных странах мира! Вспомним хотя бы знаменитых коней Клодта на Аничковом мосту в Ленинграде.

Скульптурные памятники лошадям начали ставить задолго до нашей эры. Много было их в знаменитой Олимпии. В 680 году до нашей эры в программу Олимпийских игр были включены конные соревнования на колесницах с четверками лошадей (квадригами), а несколько позже и скачки. Победителей состязаний на Олимпиадах увенчивали оливковым венком. С 540 года до нашей эры стали делать мраморные статуи олимпийцев (победителей на играх). Их выставляли в Альтике — священной роще Олимпии. Это была одна из высших наград. Памятники воздвигали не только атлетам, возницам и всадникам, но и победившим лошадям. Если всадник падал с лошади, а она продолжала скачку и приходила первой, то владетель и в этом случае получал приз. Однажды жокей Фидол упал во время скачки, но его лошадь Авра (Ветерок) продолжала бежать и финишировала первой. За это она была удостоена скульптуры с надписью на постаменте: «Это лошадь Фидола — памятник ног быстроты».

В конных состязаниях на Олимпийских играх неоднократно участвовали и девушки. В IV веке до нашей эры дочь спартанского царя Кинисха одержала победу в состязаниях колесниц. В ее честь в Олимпии был установлен памятник — колесница с конями и статуей самой Кинисхи на каменном пьедестале.

Широкую известность приобрели рассказы об укрощении юным Александром Македонским дикого коня Буцефала и о его дружбе с этим конем. Состарившийся боевой конь пал в Индии в 326 году до нашей эры. Александр тяжело переживал гибель своего верного коня и приказал соорудить на его могиле богатый памятник. И здесь же Александр Македонский основал город, назвав его в честь своего любимца. Город Буцефала просуществовал недолго. Считают, что на его месте возник современный Джалалпур.

В память о лошадях или о событиях, связанных с ними, в разных местах сохраняются памятные камни. В Армении был найден камень с надписью: «С этого места конь по имени Арцвин под Менуа прыгнул на 22 локтя». А это — 11 метров 22 сантиметра! Так узнали о спортивном достижении урартского царя Менуа, жившего в девятом веке до нашей эры.

В Рязанской области, возле конюшни опытного конного завода Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства, я видел на заросшей травой поляне большой темно-серый камень — памятник жеребцу Ворону. В прошлом столетии здесь было именование

владельца конного завода помещика Дивова.

Однажды у Дивова тяжело заболела жена. Он распорядился послать в город за врачом самого лучшего и быстрого коня — Ворона. Свою миссию конь выполнил, но не выдержал сильной гонки и пал. Коня похоронили возле конюшни, на его могиле положили большой гранитный камень и высекли на нем надпись: «Ворон. С 1853 по 1861».

Персональных памятников удостоились лошади за спортивные рекорды и племенную службу. На территории Московского конного завода на прямоугольном постаменте из полированного камня стоит прекрасная скульптура лошади — памятник гнедому жеребцу Квадрату, трехкратному чемпиону орловской породы. Памятник поставлен в 1969 году еще при жизни Квадрата. Изготовили его из кованой меди по проекту московского скульптора Э. Н. Гилярова. Второй памятник Квадрату установлен на ВДНХ в Москве.

Памятников удостоились и близкие родственники лошадей — работающие мулы и ослы. В знак признательности за безотказную службу на горных тропах жители Швейцарии поставили в городе Сионе памятник трудолюбивому мулу. Второй бронзовый монумент в честь вычного мула установлен в Риме.

За помощь человеку в труде благодарные итальянцы на одной из площадей Рима поставили памятник и ослу. Другой памятник этому вечному труженнику соорудили в испанском городке Малагена-де-Михас. Более того, заслужили памятников ослы — литературные герои. В ФРГ несколько лет тому назад увековечили героев сказки братьев Гримм «Бременские музыканты». На постаменте стоит осел, на нем — собака, на собаке — кошка, а на ней — петух.

Не обошли вниманием ослика и устроители великолепного памятника великому испанскому писателю Мигелю Сервантесу де Сааведра. В Мадриде на высоком постаменте сидит Сервантес. А у подножия памятника застыли его герои: Дон Кихот на Росинанте и Санчо Панса на сером ослике.

Корове, верблюду и другим

Примерно восемь тысяч лет до нашей эры началось одомашнивание диких предков современного крупного рогатого скота — тура, гура и бантенга. Полезные свойства

этих животных всегда и везде высоко оценивались людьми. Не случайно в некоторых странах коров и быков даже обожествляли. Молочную корову издавна называют кормилицей. Если она дает приплод и доится, то может обеспечить молоком, творогом, сливками, маслом и мясом большое число людей. Особенно славятся высокими удоями коровы Голландии. В голландском городе Лезвардене соорудили памятник корове. На его постаменте далеко не сентиментальные голландцы сделали надпись: «Наша мама».

Волю сыграли большую роль в освоении просторов Северной Америки. Жители города Додж-Сити в США соорудили животным памятник. На постаменте с волами-труженниками надпись, слова которой как бы идут от волов к потомкам их хозяев: «Наши тропы стали вашими автострадами».

Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский организовал и возглавил пять больших экспедиций. В путешествиях в Монголию, Китай и Тибет основным транспортным средством были верблюды. Они несли выюки с различным оборудованием и продуктами, часто везли людей, переносили ценнейшие ботанические, зоологические и геологические коллекции.

В 1888 году Н. М. Пржевальский отправился в новую экспедицию — в Тибет. Но в самом начале пути этого сильного человека свалил брюшной тиф и он умер у озера Иссык-Куль. Там его и похоронили. Рядом с могилкой соорудили памятник из больших глыб гранита. Второй памятник путешественнику поставили в Петербурге. Он стоит в парке имени Максима Горького. На высоком постаменте — бюст великого путешественника. А у основания памятника лежит навьюченный бронзовый верблюд — постоянный спутник и надежный помощник ученого в его многолетних странствиях.

Домашние свиньи удостоились памятников за вполне земные заслуги. В немецком городке Люнебурге несколько столетий тому назад внимание горожан привлекло поведение свиньи. Стали раскапывать почву и нашли очень дорогую в то время каменную соль, которая обогатила город. В благодарность за открытие соли жители Люнебурга воздвигли свинье памятник.

В Лондоне есть памятник обыкновенному домашнему коту. Рассказывают, что этот кот помог разбогатеть мальчику-сироте Дикю Уиттингтону. Он дал kota капитану корабля, а тот в заморских странах чрезвычайно выгодно продал его людям, страдавшим от набегов крыс. Мальчик стал компаньоном богатого купца, научился читать, писать и считать. Постепенно он стал од-

ним из самых уважаемых граждан города. Жители Лондона трижды избирали его мэром. После смерти Дика Уиттингтона коту поставили памятник.

Существует немало памятников и диким животным. В Испании, неподалеку от города Севилья, есть памятник рыси.

В Сумской области возле села Кулешовка в 1839 году во время земляных работ откопали кости мамонта. В честь этого события, по предложению профессора Харьковского университета И. И. Калинченка, в 1841 году на месте находки поставили трехметровый чугунный обелиск — памятник мамонту. Еще один памятник этому доисторическому ископаемому животному поставили в Якутске на большой округлой площадке перед зданием Института мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук СССР. Мамонт изображен в полный рост.

В столице Кении Найроби в национальном музее стоит чучело слона-гиганта Ахмеда, павшего в возрасте 75 лет. Это не только зоологический эксперимент, но одновременно и памятник всем другим слонам Африки, число которых уменьшается.

В Эгейском море есть остров Родос. В порту города Родоса возвышаются две огромные каменные колонны, завершающиеся площадками, на которых стоят стройные бронзовые олени. Это не скульптурные украшения, а настоящие памятники оленям. Одно время на Родосе развелось столько ядовитых змей, что там нельзя было ни жить, ни работать. Тогда на остров завезли оленей, и они своими острыми копытцами разогнали и затаптывали опасных пресмыкающихся. В благодарность за эту помощь жители Родоса и поставили в порту монументальные памятники оленям.

Памятник лосю сооружен в Мончегорске на Кольском полуострове. Когда строители выбирали место этого города, им помогал приехавший туда С. М. Киров. В это время из леса вышла семья лосей. Остановились и спокойно рассматривали людей.

— Вот кому нужно памятник поставить! — сказал С. М. Киров. — Хозяевам здешних мест. Мы ведь попросим лосей уступить нам эту территорию...

Спустя двадцать пять лет на городской площади открыли памятник лосю. Большой рогатый зверь стоит на огромном камне-постаменте и как бы рассматривает город...

На острове Куба, в провинции Камагуэй, сохраняются остатки оригинального памятника летучим мышам. Его воздвигли первые жители Кубы — древние индейцы задолго до прихода на остров испанских завоевателей. Они с уважением от-

носились к летающим зверькам, ведущим ночной образ жизни, и даже почитали их как священных. И соорудили им гигантский памятник. Без использования каких-либо строительных материалов. Памятник имеет вид земляного холма трехметровой высоты и длиной более ста метров. Форма его напоминает очертания летучей мыши в полете.

В наше время о дельфинах говорят как о самых умных животных. Широкую известность получил дельфин из Новой Зеландии по кличке Пелорус Джек. О нем узнали еще в 1888 году, когда он начал проводить корабли через узкий и опасный пролив Пелорус возле острова Дюрвиль. Двадцать четыре года этот лодчман провожал корабли, и ни один из них не потерпел аварии. В 1912 году Пелорус Джек внезапно исчез. Благодарные моряки соорудили ему памятник.

Вряд ли найдется человек, не знающий лягушек, истребляющих множество вредных насекомых. Лягушки служат также зоологам, анатомам, физиологам, медикам, фармакологам и даже физикам. Напомню, что опыты, проведенные на лягушках итальянским ученым Луиджи Гальвани, привели к открытию гальванического тока. Большое количество опытов на лягушках проводил великий русский физиолог И. М. Сеченов. За помощь ученых лягушкам поставили два памятника. Один — в Сорбонне (Париж), а другой — в Токио.

Пернатым друзьям и помощникам

В любом уголке земного шара, от Крайнего Севера до берегов Антарктиды, люди могут видеть пернатых соседей по планете — птиц. И неудивительно: в этом классе позвоночных животных насчитывается около 8600 видов, многие из которых чрезвычайно многочисленны. На территории Советского Союза встречается свыше 700 видов птиц.

Отдельным представителям царства пернатых люди поставили памятники. Поводом к этому были самые различные события.

Первыми из птиц заслужили памятника домашние гуси. Те, что спасли Рим. Есть памятник и диким гусям — канадской казарке. В Советском Союзе эта птица встречается редко. А в Северной Америке, особенно в Канаде, она местами была довольно многочисленной и служила важным объектом охоты. В Канаде им сооружен памятник. На солидном постаменте в два человеческих роста стоит огромная канадская казарка с распростертыми

крыльями, — как бы готовясь к взлету. Этот стальной монумент в честь казарки как бы символизирует тесную связь канадцев с природой и в то же время напоминает всем, что казарки стали не столь многочисленны, как прежде, и нуждаются в заботе и охране.

В старинном немецком городе Мюнстере есть своеобразный памятник петуху. Заработал его он, можно сказать, случайно. Лет четыре-ста тому назад войска соседнего княжества подступили к Мюнстеру и осадили его. Город упорно не сдавался врагу, хотя войско и жители его испытывали острую нужду в пище. И тут им помог случай и единственный уцелевший петух. Он взлетел на крепостную стену и важно расхаживал по ней. Осаждавшие увидели петуха и решили, что у горожан есть еще много припасов. Сами терпевшие лишения, враги сняли осаду и ушли. В честь пернатого спасителя города выковали большого серебряного петуха с позолоченными шпорами. Этот памятник стоит и теперь в ратуше Мюнстера.

Наши вездесущие воробьи — домовый и полевой — знакомы всем. Уничтожением массы вредных насекомых на полях, в садах и на огородах, а также уничтожением семян сорняков воробьи приносят несомненную пользу. Бывает, что и грешат — поедают в садах ягоды. В Америке воробьев не было. Их завезли туда в 1850 году. Крылатые переселенцы расселились на обширных территориях. И вскоре показали, на что способны. В один год в округе Бостона необычайно размножились вредные насекомые. Гусеницы несметными полчищами навалились на поля, сады и огороды. Людям грозил голод. И тут на выручку пришли воробьи. Они стали налетать на поля и сады и быстро истребляли вредителей. Благодарные жители Бостона соорудили в главном парке города памятник воробью.

Красивую и гордую птицу — орла сейчас можно чаще увидеть в зоопарках, чем в природе. Или в различных исторических памятниках да в курортных местах на Кавказе, где скульптуры орлов украшают горные пригородные пейзажи. А вот в Монголии есть памятники, где орлы изображены как помощники охотников-беркутчи. Один из них находится в городке Баян-Улагэй, где издавна славилась охотники-беркутчи, добывающие пушных зверей с помощью беркутов. Их совместный труд и увековечен в виде памятника. В центре городка сооружена большая скульптурная группа: на постаменте — конь, а на нем всадник с беркутом на руке.

Этюды о детстве

Алексей
ВОРОБЬЕВ

Красный Яр

Кто-то из писателей заметил, что все мы родом из детства. В таком случае, мы вышли из Красного Яра. Не было, по моему мнению, на земле местечка, которое могло бы сравниться с ним; мы боготворили Красный Яр — наверное, так же, как мальчишки других деревень боготворили свои родные места.

Красный Яр начинался с кряжистых дубов, выросших бог знает когда над обрывом. Когда деревья только набирали силу, обрыва еще не было, — была ровная долина, которая с годами спускалась все ниже к реке, отнимая у нее песок, а взамен давая солнце, тепло. Нигде я не встречал больше такого песка — его словно мельник пропустил через самые лучшие жернова: песок был мелкий и ровный, а цвет имел — солнца, когда, глянув напоследок, оно готовилось спрятаться за горизонт, — ярко-малиновый цвет...

Красный Яр — это место, где мы вместе со взрослыми проводили сенокос, золотую пору. Мужики отбивали косы. «Едем, едем!» — выговаривали молотки. «Да и почему бы нам не поехать?» — отзывались звонко литовки. Вся деревня собиралась в путь.

Косцы приветствовали друг друга:

— Богато жить вам...

— Дай бог вам хорошего покосу!

Молодежь шушукалась и прыскала. «Богато жить» и «дай бог» отдавали глубокой стариной... А в селе готовились проводить электричество, самолеты опыляли колхозные поля. Косы, правда, как и при дедах, отбивали вручную...

Помню, в колхозе проходило собрание. В старом клубе был засыпан семенной овес, и собрание решили проводить в школе. Молодежь, которой деваться было некуда, тоже пришла. Пацанва с шумом устраивалась за знакомыми партами, облюбованными еще в первом классе.

— Глядь, пятно!.. Помнишь, чернила разлил? — воскликнул Витька Борисов будто родимым пятном.

В вылинявшей тельняшке, с острым носом и на удивление чистыми синими глазами, Витька был удивительно похож на обаятельнейшего героя «Молодой гвардии», и когда в седьмом классе ставили пьесу, роль Сережи Тюленина дали ему.

Мы долго мучились этой постановкой. Никто не соглашался играть Фенбонга, других фашистов. Командир «Молодой гвардии», в отличие от книги, оказался моложе всех и вдобавок здорово стеснялся. Но самый казус произошел в конце постановки. По ходу пьесы во дворе (за сценой) должен был прозвучать выстрел. Но порох в пугаче, как назло, отсырел. Артисты уже забыли о нем, как вдруг раздался страшный грохот, перепугавший всю школу. «Молодогвардейцев» чуть со сцены не смело... Стрелявшему из пугача, игравшему Сережку Тюленина, оторвало палец...

Глядя сейчас на Витьку Борисова, я заметил укоризненно:

— Зря тогда столько пороху положил.

— Нормально, — ответил «Тюленин», успев за три года сильно раздаться в плечах и привыкнув жить с недостающим пальцем.

Собрание началось с лекции. Директор школы, заглядывая в тетрадку, говорил:

— Социализм победил в нашей стране полностью и окончательно. Теперь мы начинаем строить коммунизм. Это новое общество, где классов не будет.

— Как это, не будет? — перебили докладчика. — Все перейдут в начальники, что ли?

— Почему в начальники? Будет общенародное государство. Каждый может работать кем захочет.

— Ишь чего... «кем захочет»? А если нет образования или по другим статьям не подойдешь?

— Значит, надо учиться и подходить по всем статьям.

Докладчику задали много вопросов.

— Да, вот, насчет деньжонок... Будут ли деньги при коммунизме?

Первый класс одобрительно захопал партами. Это волновало всех: трудодни трудоднями, а денежки, они надежнее. Директор полистал мелко исписанную тетрадку, но ничего там не нашел.

— Думаю, в них надобности не будет. Каждый может взять, сколько потребуется...

— Эге! — грохнули сидящие кое-как за партами. — А если мы захотим больше, чем требуется? У Варлама вон, шесть девок, им на одни юбки скоко надо...

— Работать ему надо больше и лучше, — улыбаясь, под общий хохот ответил докладчик.

— А вот как насчет войны? При коммунизме что с ней будет: запретят или как?

И опять зашумел первый класс. Снова директор ничего не нашел в своей тетрадке. Но ответил:

— Армию не можем распускать, пока рядом капиталисты. А вот насчет войны... Обороняться будем в случае чего. Но фатальной неизбежности нет, товарищи!

— Пусть только сунутся! — вскочил с места Тима, бывший кавалерист. — Покажем!

— Покажешь, — по-свойски поддакнул председатель, приступая ко второму вопросу — выборам пастуха.

...Дорога из села вырывается на луга. Время!.. Тима — один из лучших косарей, у него аж руки зудят, так наскучалось по любимому делу.

— Начнем, что ли, мужики..

Нас никто не заставлял брать косы, обходились без пятнадцатилетних. Но и не возражали отцы, когда мы на покосе становились рядом.

— Эк ты держишь косу-то! — выговаривал Витьке Борисов его дядя Якун. — Ты ее далеко не пускай, вокруг себя старайся жикнуть...

Якун откладывал в сторону свою, длинную, как хворостину, косу и брал племянникову, размером со щуренка.

— Э-э-э... Совсем не настроена, атляга-то нету... Вот, смотри, как надо!

Якун выбрал из пучка травы длинную былинку. Отмерив ею расстояние от пятки косы до вяза, откусил лишнюю часть стебелька.

— Вот же должно быть до вяза, а у тебя больше. Сейчас подтешем окосье.

Якун достал трофейный нож.

Якуна, дядю Яшу, я увидел впервые вскоре после войны. В дома, оставленные в сорок первом, возвращались солдаты. Мне и Витьке ждать было некого...

В доме Якуна мы были частые гости, там все дозволялось. Можно было играть в любые игры, даже в карты, устраивать кучу малу на кровати. Кроме тети Лены, доброй, с большой черной косой и похожей больше на мадонну, чем на колхозницу, Алешки и Николая, больших наших друзей, в этом доме жила еще семья из Ленинграда. В ней было двое ребят. Как эвакуированных, их кормили получше. Кое-что перешадало и нам, деревенским, вот почему мы еще заглядывали в этот дом.

Но в тот день было другое: намечалось генеральное сражение, последнее — за Берлин. Уже были распределены все роли: маршалов Рокоссовского, Василевского, русских солдат, пленных немцев. Последних приготовились бить по щекам — в этой роли приходилось быть всем по очереди.

— А ну, становись, фашистская морда! — скомандовали Витьке Борисову. Он покорно встал посередине избы. Ему завязали глаза, как в игре «кошки-мышки», и тут...

Под окном зашумел «студебеккер». С него начали спрыгивать солдаты со скатками. Один из них, с такими же, как у Алешки и Николая, смородиновыми глазами, открыл дверь и застыл на пороге. Рванул ворот гимнастерки и вдруг, как подстреленный, осел на пол.

— Тятя!.. — бросился к нему старший, Николай, а через секунду и меньшой, Алешка, бился в отцовских руках.

Досталось кое-что и нам, безотцовщине... Вместе с Алешкой, Николаем, эвакуированными из Ленинграда ребятами, нас с Витькой Борисовым тоже посадили за стол и накормили щами из трофейной тушенки и настоящим, без отрубей, хлебом. Я ел и во все глаза смотрел на пож, которым тетя Лена резала буханку. Она отбрасывала назад через плечо черную длинную косу, которая ей мешала и норовила попасть в чашку со щами. И все при этом за столом смеялись. Больше всех смеялся мой друг Витька Борисов. Он сумел в этот день уйти от подзатыльников брата, от пощечин друзей, нарвался на жирные настоящие щи.

Определенно везло нам в тот послевоенный день...

Желтые ноги

Наш колхоз «Красный бондарь» собирались объединить с соседним «Новая жизнь». Село там называлось Новый Усад.

С новоусадскими у нас была вражда. Она началась еще в пятом классе, когда мы пришли к ним в школу.

— Пошли желтоноговских бить. А ну, показывай ноги: говорят, они у вас желтые! — кричал воинственно на переменах Петька Саньгин.

Чтобы решить, кто сильнее, мы задумали сыграть с новоусадскими в футбол. На несколько дней были заброшены занятия в школе. К матчу готовились всем селом. Бутсами служили ботинки, подвязанные бинтами, которые я выпросил у своего дяди, ветеринарного фельдшера. Узнай он, на что пойдут, — ни за что не дал бы.

Не было у нас только вратаря. Николай Королев, прозванный «Хомичем», болел, и мы все откладывали встречу. А времени зря не теряли: до ночи гоняли тряпичный мяч. «Хомич» два раза уже приходил на тренировки, но был еще слаб и пропускал многие мячи, на наш взгляд, пустяковые, а сильные валили его с ног.

И вот больше мы ждать не могли — вышли. Матч должен был показать не только нашу силу, но и то, что наша деревня живет гораздо лучше, чем Усад, чтобы при объединении колхозов это учитывали.

Матч был назначен после уроков на большой поляне, недалеко от школы. Мы вышли все в трусах и майках и, как заправские футболисты, прокричали:

— Команде Ново-Усада от команды Желтоногова физкульт-привет!

Собранная наспех дружина соперников являла собой живописное зрелище: один был в ботинках, другой — в сапогах, третьи — в тапочках на босу ногу... Бросили жребий, разделили ворота. Особенно боялись мы за «Хомича», всячески подбадривали его. Судей не было, и потому всего можно было ожидать в такой игре.

Усадские напали первыми.

— Петька, гони! — орал долговязый Николай Филин, по-бабьи всплескивая руками.

Петька не сделал и двух шагов, как у него ловко

вышиб мяч наш аутсайдер Витька Борисов. Мы поддержали атаку, сгрудились у «ворота» противника — около двух куч фуфаяк.

— Гол! — заорали, когда видавший виды, залатанный суровыми нитками футбольный мяч прошмыгнул в ворота. В ту же минуту один из нас был сбит с ног и опрокинут на траву. Мы возмутились и прекратили игру. Кто-то из своих стукнул нарушителя по шее, справедливость восстановилась.

Игра шла сумбурно. Изо всех сил мы старались придать ей стройный характер, делали подобие финтов и пасовки: еще четыре мяча влетело в ворота Ново-Усада. Опомнившись, новоусадцы принялись колотить не по мячу, а по ногам, а потом дали волю и рукам. Мы стойко защищались, особенно старались оградить от ударов «Хомича». Но все равно кто-то сумел достать его и разбить нос...

Мы долго не разговаривали с новоусадскими. До тех пор, пока не прошел разговор об объединении колхозов. И хоть мы были коллективистами, преклонялись все же перед героями независимыми. Сколько было разговоров о Чапае, Скандерберге, Тарзане! Главным было выяснение: существовал ли тот или иной герой в жизни.

— Раз в кино показывают, значит был, — убежденно заявлял Витька Борисов.

— Почему же сейчас таких нет? — возражали сразу два-три голоса.

Витька на минуту задумывался, потом высказывал догадку:

— Они и сейчас есть. Только мы о них не знаем.

— Скажи, какой знахарь! — кричали ему.

— Раз не знаешь, тогда и не болтай!..

Впрочем, был у нас в селе человек, которому мы старались подражать. Шурка Писарев был старше нас лет на восемь. Он работал в колхозе на лошадях, и, когда возвращался с поля или с лугов, мы чуть не дрались между собой за право отогнать в табун его лошадь, даже устанавливали очередь. Чем он нам особенно нравился, так это своим добродушием. Мы никогда не видели его раздраженным, усталым, он, наверное, уставал, потому что приходилось ворочать пятипудовые мешки, косить, возить снопы. И эта тяжелая физическая работа развила его мускулы: Шура казался нам Геркулесом, и мы терялись в догадках, почему его не взяли в армию. Позднее узнали — туговат на ухо, но никогда мы не догадывались, что Шура сам страдает от этого.

Мы любили ходить с ним на речку, видели его там во всем великолении. Он запросто перешлепывал махом широкую Мокшу, а для нас это было мечтой.

Лишь однажды мы изменили мнение о своем кумире и то лишь на минуту. На покос с кем-то из родственников приехала девушка-москвичка. В ярком купальнике, каких мы и не видели, она смело вошла в воду и поплыла, выбрасывая вперед ладошки — по-флотски. Так не мог даже Шура! И он застыл рядом с нами, глядя на продвигающуюся рынками девушку. Не выдержал, сбросил рубашку и, набрав воздуха в легкие, нырнул. Это был его коронный номер... Он вынырнул далеко впереди москвички. От удивления она перестала выгребать по-флотски и поплыла, как все, — лягушкой.

А Шура, даже не взглянув на нее, повернул обратно и уже через минуту натягивал на бронзовые плечи предупредительно поданную нами сатиновую рубашку...

ИДЕМ В КИНОСКАЗКУ!

В ЧЕЛЯБИНСКОМ КИНОТЕАТРЕ «РОДИНА» СПЕЦИАЛИСТЫ СМОНТИРОВАЛИ НЕСКОЛЬКО НОВЫХ АППАРАТОВ, И ТЫСЯЧИ РЕБЯТ СМОГЛИ ВПЕРВЫЕ УВИДЕТЬ ФИЛЬМЫ С ОБЪЕМНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ. В ЧАСТНОСТИ, ДЕМОСТРИРОВАЛСЯ СТЕРЕОФИЛЬМ-СКАЗКА «ЗАМУРОВАННЫЕ В СТЕКЛО». ТЕПЕРЬ ТАКИЕ СЕАНСЫ УЖЕ ПРИВЫЧНЫ И ДЛЯ ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ.

НА ЛОВЦА И ЗВЕРЬ...

Минувшей зимой среди белорусских охотников отличился школьник В. Зиновенок из Осиповичского района. Он уничтожил трех волчиц. Хорошо зная окрестные леса, умея читать следы зверей, Зиновенок нашел место, где чаще всего скрываются хищники от регулярных облав взрослых волчатников. Там и расставил капканы.

МОРСКОЙ ПРЫГУН

НОРВЕЖСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ СОЗДАЛИ КАТЕР ДЛЯ НЕФТЯНИКОВ, КОТОРЫЙ МОЖНО БЕЗ ОПАСКИ СБРАСЫВАТЬ НА ВОДУ С ВЫСОТЫ В ТРИ ДЕСЯТКА МЕТРОВ. В СЛУЧАЕ КАТАСТРОФ НА

СТАЛЬНЫХ ОСТРОВАХ (А ТАКИЕ ОСТРОВА НА ПРИБРЕЖНЫХ ШЕЛЬФАХ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВСЕ ЧАЩЕ) В КАТЕР УСАЖИВАЮТСЯ 70 ПАССАЖИРОВ. ОТ УШИБОВ ПРИ ПАДЕНИИ КАТЕРА НА ВОДУ ИХ ПРЕДОХРАНЯЮТ МЯГКИЕ КРЕСЛА И РЕМНИ БЕЗОПАСНОСТИ.

ШЛЕМ-«СКАФАНДР» — СМЕРТЕЛЬНО ОПАСЕН

МОДА НА МОТОШЛЕМЫ ТИПА СКАФАНДР ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНА. ТАКОЙ ВЫВОД СДЕЛАЛИ АНГЛИЙСКИЕ ВРАЧИ. ОКАЗАЛОСЬ, ИМЕННО «СКАФАНДРЫ» СТАЛИ ПРИЧИНОЙ МНОГИХ НЕСЧАСТИЙ С МОТОЦИКЛИСТАМИ. ПОД «СКАФАНДР» ПОСТУПАЕТ МАЛО СВЕЖЕГО ВОЗДУХА, И ВОДИТЕЛЬ ОТРАВЛЯЕТСЯ ПОВЫШЕННОЙ ДОЗОЙ УГЛЕКИСЛОГО ГАЗА. ТЕ, КОМУ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ, ПОДТВЕРДИЛИ, ЧТО ЧУВСТВОВАЛИ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ И ДАЖЕ НА МГНОВЕНИЕ ТЕРЯЛИ СОЗНАНИЕ.

ПЛОТИНА ЧАРЛЬЗА ДРЕЙПЕРА

Противопривливая плотина, уложенная на дно Темзы (Англия), в одну ночь с лихвой окупила все затраты на ее создание. В нынешнем году эта плотина, которая с помощью специальных устройств поднимается и перегораживает реку в течение считанных минут, впервые противостояла мощным волнам с моря. Плотина имеет десять подвижных ворот. Некоторые ворота весят три тысячи тонн. Их ширина — 60 метров.

В сооружение плотины по проекту Чарльза Дрейпера вложена лишь седьмая часть суммы, которой оценивается ущерб от каждого сильного наводнения в Лондоне.

МИР ЕЩЕ НЕ ВСЕ ОТКРЫТ...

● Гора Янгантау (северо-восток Башкирии) известна тем, что уже сотни лет выбрасывает из своих недр горячие струи газа и пара. Гора расположена на юге Русской платформы, где нет никакой вулканической деятельности. Откуда же газ и пар?

П. Паллас, который видел гору Янгантау в конце XVIII века, сделал предположение, что в ее недрах горят сланцы, некогда подожженные молнией. По другой гипотезе, «котел» Янгантау связан с глубинными трещинами Русской платформы.

Московские и уфимские ученые нашли недавно новые выходы тепла Янгантау. Однако загадка природы остается нераскрытой.

● Самая далекая от нас галактика, как определили исследователи Калифорнийского университета (США), расположена в десяти миллиардах световых лет. Впрочем, это самая далекая галактика только из тех, что известны землянам в настоящее время.

● Известно, что от антарктического материка ежегодно отламываются около пяти тысяч айсбергов. Эти горы общим весом до 1,4 триллиона тонн содержат по триста пятьдесят тонн пресной воды на каждого жителя Земли.

В нынешнем году намечено отбуксировать к австралийскому городу Перт первый айсберг от Антарктиды. Однако транспортировка ледяных гор, как считают инженеры, — чрезвычайно трудное и опасное мероприятие.

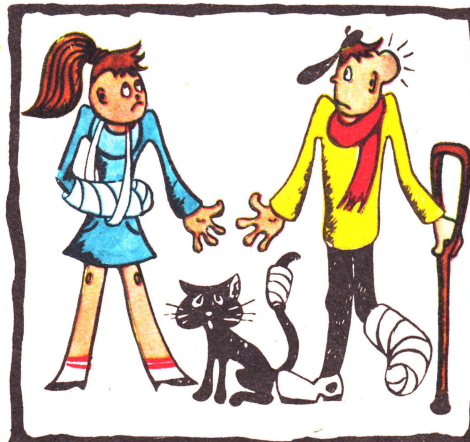
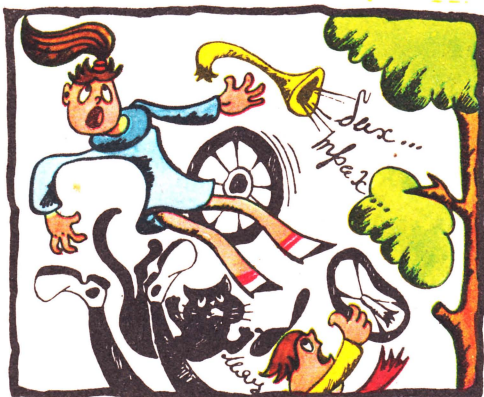
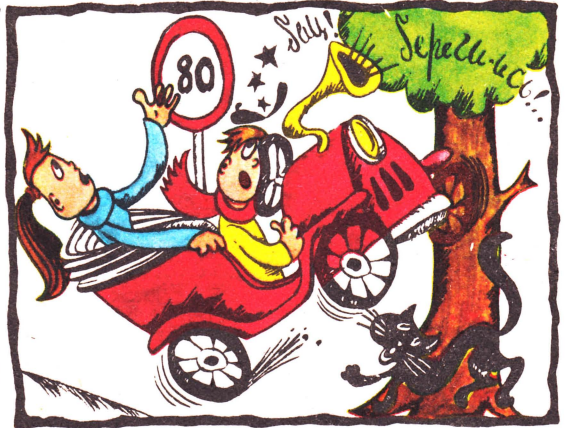
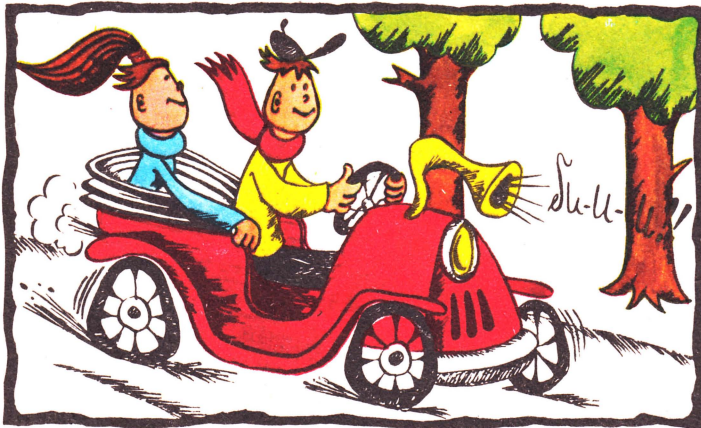
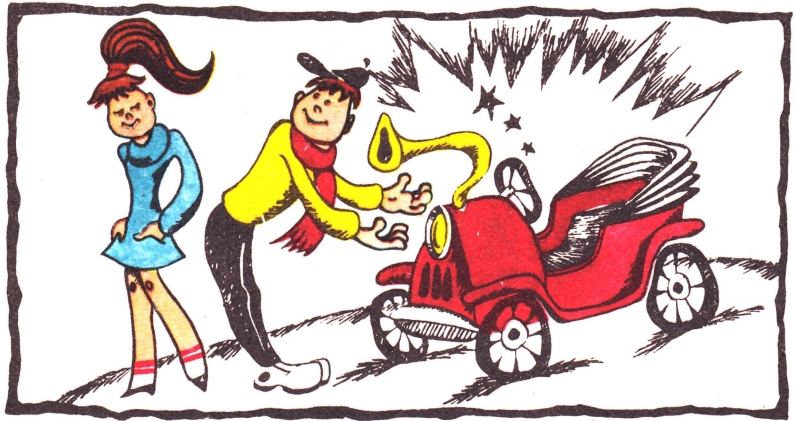
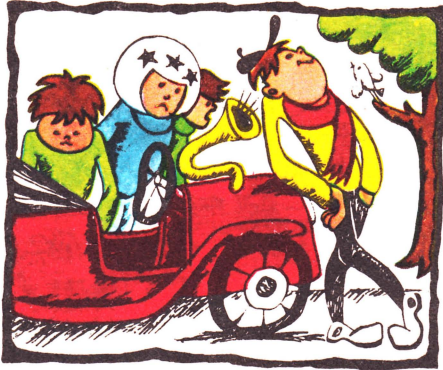
● В сухую ветреную погоду над так называемым Белым песчаным щитом в южном Прибалхашье раздается гул. Барханы этой системы «поют». Как выяснилось, под ветром вибрируют и гудят струи песка. Белый песчаный щит объявлен заповедником.

● Буровая установка «Уралмаш-1500» замечательно показала себя на Кольской сверхглубокой скважине. С ее помощью установлен, как известно, рекорд глубинного бурения в мире. Теперь такая же установка позволит «заглянуть» к нефтегазоносным пластам, образовавшимся в недрах Западной Сибири двести миллионов лет назад. Западносибирская глубокая скважина (она достигнет подземного горизонта восемь тысяч метров) будет пробурена возле Уренгойского газоконденсатного месторождения. Скважина позволит ответить на многие вопросы, связанные с происхождением и формированием Западно-Сибирской платформы.

● Озеро Лох-Несс в Шотландии продолжает задавать загадки. Широко распространилась версия о том, что лох-несское чудовище Несси — не что иное, как давно затонувшие деревья. Однако недавно на озере побывала еще одна специальная экспедиция английских исследователей. В течение четырех месяцев ученые с помощью новейших ультразвуковых локаторов вели зондирование его глубин. Им удалось сорок раз запеленговать крупный объект, который двигался в озере на большой глубине (от 68 до 114 метров), где крупные пресноводные рыбы не обитают. Удалось записать также на магнитофон странные звуки. Природе этих звуков позволяет предположить, что их издает неизвестное животное.

● В книге, которую нашли археологи Шри Ланки при раскопке древнего храма, всего семь страниц. Она пролежала в земле с середины 1-го тысячелетия нашей эры и совсем не испортилась. Дело в том, что страницы этой книги изготовлены из чистого золота.

 Где-то за углом! Не должно
 как на кухне **А**

РОДИТЕЛИ! ЮНОШИ И ДЕВУШКИ! НАПОМИНАЕМ: НЕ ЗАБЫВАЙТЕ
 О ДОГОВОРАХ ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ
 ЛИЧНОГО АВТОМОТОТРАНСПОРТА И СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ!
 Управление Госстраха по Свердловской области

Ком 52 - 20

«Уральский следопыт»

В 1984 году

...Из соседнего проулка вылетела красновоздушная «тридцатьчетверка». Она с ходу раздавила пулеметное гнездо и ударила всей массой в борт тяжелого грузовика, который мгновенно вспыхнул и стал заваливаться. Т-34 лихо развернулся, стал давить и утюжить стоящие около штаба «опель-адмиралы» и «хорьки»...

Это отрывок из документальной повести Юрия ШУМАЙЛОВА, которая рассказывает о легендарном экипаже советского танка, наводящего страх в глубоком немецком тылу. Страницы Великой Отечественной войны воскрешает и другая документальная повесть, автором которой является Павел КОДОЧИГОВ. Она рассказывает о буднях армейской разведки.

День сегодняшний встает со страниц повести свердловского прозаика Леонида ФОМИНА. Она о Севере, ее название «КРАСНО СОЛНЦЕ ПОУТРУ». Автор несуетно взглядывается в жизнь маленького поселка, рисует ее реалистично, не броскими, но запоминающимися штрихами.

Давним и желанным автором журнала является известный писатель Владислав КРАПИВИН, который к своим высоким званиям присовокупил ныне еще одно — лауреата премии «Аэлита». В 1984 году журнал опубликует его новую повесть «ПРАЗДНИК ЛЕТА В СТАРОГОРСКЕ», которая созвучна «Голубятне на желтой поляне» («Уральский следопыт» №№ 3—5 1983 г.), хотя и не является ее прямым продолжением.

Любителям фантастики редакция предложит повесть Геннадия ПРАШКЕВИЧА «СТЕНА», а также заключительную часть повести С. ЯРОСЛАВЦЕВА «ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ», публиковавшаяся в альманахе «Мир приключений».

Как всегда будет постоянно представлен в журнале раздел «МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА» и проведена новая НФ викторина.

Оформление С. Малышева

40 коп.

Индекс 73413

ЧИТАТЕЛЬ-РЕДАКЦИИ
РЕДАКЦИЯ-ЧИТАТЕЛЮ